МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

ШЕВЧЕНКО НЕЛЛИ ПЕТРОВНА

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

12. 00. 08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Д И С С Е Р Т А Ц И Я
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук,
доцент Блинников Валерий
Анатольевич

Ставрополь, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……...…… 3

Глава 1. Понятие и сравнительно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 13

§ 1. Эволюция уголовного законодательства России в части ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления 13

§ 2. Понятие вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 33

§ 3. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран 47

Глава 2. Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 62

§ 1. Объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 62

§ 2. Объективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 84

§ 3. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 113

Глава 3. Проблемы дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления 138

§ 1. Дифференциация ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления посредством квалифицирующих признаков в УК РФ 138

§ 2. Возможности совершенствования законодательства в части дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления 151

§ 3. Индивидуализация наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления 169

Заключение 184

Библиография 189

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития российского общества существенную угрозу его национальной безопасности составляет преступность. Вызывая тревогу и озабоченность со стороны политиков, работников правоохранительных структур, исследователей, криминальная ситуация в стране демонстрирует крайне негативную динамику совершаемых преступлений, в том числе и преступлений против интересов развития и воспитания несовершеннолетних, количество которых за последние десять лет удвоилось. Необходимость защиты детей от криминального насилия и криминализирующего влияния взрослых, осознанная мировым сообществом и национальным законодателем, обусловила принятие ряд нормативно-правовых актов, направленных на пресечение преступной деятельности лиц, пытающихся привить несовершеннолетним взгляды и убеждения преступного мира и их личного поведения. Особое место занимает Уголовный Кодекс Российской Федерации, предусматривающий ст. 150 ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Норму о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений можно отнести к числу традиционных уголовно-правовых запретов. Эта норма, возникнувшая в российском законодательстве в середине XIX столетия и неоднократно корректировавшаяся, всегда сохраняла свою социальную значимость – защищать нравственные интересы подрастающего поколения, препятствовать распространению преступности в подростковой среде, дисциплинировать лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетних.

В современных условиях непрекращающегося роста числа соответствующих преступлений анализируемая норма приобретает особое значение. Так, если в 1990 году в Российской Федерации было зарегистрировано 8203 случая вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность (напомним, что ст. 210 УК РСФСР объединяла в

себе деяния, сейчас рассредоточенные по ст. ст. 150 и 151 УК РФ),[1] то в 1999 число преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, составило 23947.[2]

Значимость качества нормы о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления определяется и тем, что она относится к числу так называемых норм с двойной превенцией, предупреждая не только преступные посягательства на несовершеннолетних, но и способствуя сокращению преступности самих несовершеннолетних.

Проблемы, связанные с теоретическим анализом состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, несомненно, уже были в центре внимания научной общественности. Соответствующие работы были выполнены А. Бриллиантовым (1979), Г. Брускиным (1975), А. Галаховой (1975), И. Н. Даньшиным (1973), М. А. Ефимовым (1971), Г. М. Миньковским (1975), В. Н. Смитиенко (1989), К. К. Сперанским (1991), Н. Трофимовым (1968), С. С. Яценко (1976), и др.

Указанные исследования представляют несомненный научный интерес, важны для анализа развития научной мысли, но вместе с тем, их наличие не может быть признанно достаточным, поскольку сегодня существенным образом изменилось уголовное законодательство, экономическая, политическая и социально-психологическая обстановка в государстве. В силу этого некоторые теоретические выводы авторов по проблемам анализа состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, квалификации этого преступления несколько устарели и не могут быть востребованы практикой.

В современных условиях заявленная тема также не остается без внимания исследователей. Однако, эти исследования не носят комплексный характер. Так, Р.С. Дмитриевский (1995), рассматривая проблемы вовлечения

---

[1] Ежегодный государственный доклад о положении детей в Российской Федерации. 1995. М., 1996. С. 114.

[2] Ежегодный государственный доклад о положении детей в Российской Федерации. 1999. М., 2000. С. 107.

несовершеннолетних в совершение преступлений, ограничивается исключительно криминологическими аспектами; С.Ш. Ахмедова (2001) рассматривает проблемы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления лишь косвенно, в связи с анализом вопросов вовлечения их в совершение антиобщественных действий, Ю.Е. Пудовочкин (2002) также анализирует данный состав лишь в связи с изучением комплекса преступлений против несовершеннолетних. Таким образом, можно утверждать, что в современной уголовно-правовой литературе отсутствуют монографические работы, посвященные исследованию проблемы конструирования и применения уголовно-правовой нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Сказанное обусловливает **актуальность избранной темы исследования** и предопределяет его объект и предмет.

Объект диссертационного исследования составляют общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью противодействия фактам вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, реализующиеся в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти, и состоящие в криминализации данного общественно опасного деяния, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за него.

Предметом диссертационного исследования определены нормативные предписания ст. 150 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, а также практика применения данной уголовно-правовой нормы следственно-прокурорскими и судебными органами.

Целью диссертационного исследования нами обозначена разработка предложений по усовершенствованию российского уголовного законодательства в части криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и дифференциации ответственности за него, а

также составление рекомендаций по квалификации данного преступления и назначению наказания за него.

В соответствии с нею **задачами исследования являются**:

1) изучение истории российского уголовного законодательства в части регламентации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления;

2) определение понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»;

3) анализ современного зарубежного уголовного законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений;

4) уголовно-правовая характеристика признаков состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления;

5) изучение имеющихся средств дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления;

6) разработка новых возможных квалифицирующих признаков состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления;

7) анализ санкций за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и практики назначения наказания за него.

Решение поставленных задач достигается на основе анализа комплекса нормативных, эмпирических и теоретических источников.

Нормативная база диссертационного исследования представлена международными, национальными и иностранными правовыми актами.

Международно-правовые основы государственной политики в области охраны прав несовершеннолетних определены Конвенцией ООН о правах ребенка (1989), Всемирной Декларацией об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990) и др. Исходя из того, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения», Конвенция провозгласила важнейшие права ребенка, в том числе

и право на защиту от любых форм агрессии, эксплуатации и негативной информации.

На национальном уровне права несовершеннолетних в России охраняют следующие документы, положенные в основу исследования: Конституция РФ (1993), Уголовный Кодекс РФ (1996), Семейный Кодекс РФ (1995), Закон РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» (1998), Закон РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999) и т. д.

Исследование основано также на разъяснениях Пленумов Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР), постановлениях и определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда по вопросам, относящимся к объекту исследования.

Для обеспечения сравнительно-правовых аспектов темы нами были исследованы памятники истории уголовного права России (Церковные Уставы Владимира и Ярослава, Соборное Уложение, законодательство Петра I, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уголовное Уложение, Уголовные Кодексы РСФСР), а также уголовное законодательство зарубежных стран, в частности Уголовные Кодексы Азербайджана, Украины, Беларуси, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Эстонии, Голландии, ФРГ, Испании, Швейцарии, Польши, штата Нью-Йорк, Китая.

Эмпирическую основу диссертации составляют материалы обобщений судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность, проводимые Верховным Судом РФ; статистические данные Управления Судебного Департамента при Верховном Суде в Ставропольском крае; материалы опубликованной судебной практики Верховных Судов СССР, РСФСР, РФ; материалы 200 уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют классические произведения представителей отечественной уголовно-правовой науки, посвященные: 1) проблемам изучения признаков состава преступления (А. Н. Трайнин, Н. И. Коржанский, П. С. Дагель и др.); 2) вопросам квалификации преступлений (В. Н. Кудрявцев, Л. Д. Гаухман и др.); 3) проблемам дифференциации уголовной ответственности (Т. А. Лесниевски-Костарева, Ю. Б. Мельникова и др.); 4) проблемам индивидуализации уголовного наказания (Г. И. Чечель, И. И. Карпец и др.).

В диссертационном исследовании обобщены работы, изданные ранее по проблемам квалификации преступлений против несовершеннолетних, подготовленные Н. И. Трофимовым, К. К. Сперанским, К. К. Кусниденовым, В. Ф. Ивановым, В. С. Савельевой, С. Ш. Ахмедовой, Ю. Е. Пудовочкиным и др.

Изучение проблем ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления осуществлялось комплексом классических **методов научного познания**. Универсальным методом любого научного исследования является диалектика, предъявляющая к процессу изучения правовых явлений требования объективности, всесторонности, комплексности и конкретности истины. В качестве теории среднего уровня был применен системный подход, позволяющий рассмотреть состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в качестве системы взаимосвязанных объективных и субъективных признаков, включенной в систему уголовно-правовых норм о защите несовершеннолетних в России. Основными частнонаучными методами, использованными в работе, являются сравнительно-правовой метод, дающий возможность рассматривать современное состояние соответствующих правовых норм в различных национальных системах права и в истории отечественного уголовного права; и догматический метод, предполагающий толкование основных понятий и институтов уголовного права.

Проведенное исследование позволило нам сформулировать и вынести на защиту следующие **основные положения**.

1. Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) следует понимать активные действия достигшего совершеннолетия лица, направленные на лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, и заключающиеся в приобщении, втягивании, укреплении у него решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния или деятельности либо в приобщении и подготовке его к преступному образу жизни.

2. В целях соблюдения принципов вины и законности при конструировании и применении анализируемой нормы следовало бы заменить понятие «преступление» в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ понятием «общественно опасное деяние».

3. Родовой объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления есть совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное физическое, психическое, нравственное и социальное развитие лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в духе соблюдения Конституции и законов Российской Федерации; уважения человека, его прав и труда; уважительного отношения к обществу, правилам и традициям человеческого общения; утверждения несовершеннолетнего в качестве самостоятельного и полноценного субъекта общественных отношений, свободно реализующего свои права и свободы.

4. Основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

5. Несовершеннолетний, вовлеченный в совершение преступления, при определенных обстоятельствах может быть признан потерпевшим от преступления. Для признания несовершеннолетнего потерпевшим от

вовлечения в совершение преступления (если деяние взрослого не содержит признаков насилия) необходимо установить, что были нарушены фактические общественные отношения, составляющие объект рассматриваемого преступления, что процессу развития подростка был причинен реальный вред или создана угроза реального причинения вреда.

6. Объективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления сконструирована по типу формального состава преступления и состоит в активных действиях взрослого лица, направленных на одного или нескольких несовершеннолетних. Вместе с тем, имеется потребность в криминализации попустительства преступной деятельности несовершеннолетних путем бездействия со стороны лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетнего.

7. Субъективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления характеризуется исключительно умышленной формой вины, при этом отношение виннового к возрасту несовершеннолетнего, которое характеризуется только интеллектуальным, и не включает волевой момент, может быть выражено в различной степени его осознания.

8. Современный набор средств дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, в основном соответствует потребностям практики, однако, возможна некоторая коррекция имеющихся квалифицирующих признаков, в частности необходимо расширить перечень специальных субъектов преступления в части второй анализируемой нормы; а признак вовлечения в тяжкое или особо тяжкое преступление заменить на «вовлечение в совершение убийства, истязания, изнасилования, насильственных действий сексуального характера, а равно любых иных преступлений, совершаемых с особой жестокостью, в отношении заведомо беременной женщины, в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии».

9. Возможна дальнейшая дифференциация ответственности за анализируемое преступление посредством конструирования таких квалифицирующих признаков как «совершение преступления в отношении двух и более несовершеннолетних», «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», «вовлечение несовершеннолетнего в общественно опасную деятельность».

9. Санкции за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления нуждаются в коррекции посредством согласования верхнего предела санкции за основной состав с нижним пределом санкции за квалифицированный состав; включения в санкции частей третьей и четвертой дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; введения в санкции частей первой и второй анализируемой нормы альтернативных наказаний в виде исправительных работ, ограничения свободы, ареста.

Указанные положения отражают конкретные элементы **новизны диссертационного исследования**. В целом же отметим, что оно является одним из первых в отечественной уголовно-правовой науке монографических исследований теории и практики применения уголовно-правовой нормы о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, выполненном на основе Уголовного Кодекса РФ (1996), с учетом современной правоприменительной деятельности и законодательства. Работа носит характер комплексного исследования, в котором анализируется блок уголовно-правовых проблем, связанных с криминализацией вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, дифференциацией ответственности и индивидуализацией наказания за него, а также с сравнительно-правовой характеристикой данного преступления. Проведенный анализ позволил предложить новую редакцию уголовно-правовой нормы о вовлечении несовершеннолетнего в совершение общественно опасного деяния, а также обосновать необходимость включения

в УК РФ новой уголовно-правовой нормы о попустительстве общественно-опасной деятельности несовершеннолетних.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в работе обобщен отечественный и зарубежный опыт уголовно-правовой борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, проанализирован вопрос о соответствии современной редакции ст. 150 УК РФ потребностям практики борьбы преступными посягательствами на интересы несовершеннолетних, намечены возможные перспективы совершенствования данной уголовно-правовой нормы.

В диссертации решен ряд важных вопросов, связанных с определением понятия вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, конструкции данного состава преступления, формой вины при его совершении, средств дифференциации ответственности за него.

Практическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут служить информационной базой данных в работе представительных органов власти РФ по совершенствования уголовного закона; в практике противодействия преступности при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и назначении наказания за него; в учебном процессе при преподавании курса уголовного права России, при чтении специализированного курса «Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних»; в дальнейших научных исследованиях проблем теории и практики уголовно-правовой охраны несовершеннолетних и сравнительного правоведения.

Значимость выводов и предложений, сделанных в диссертации, подтверждается их **апробацией**. Они неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры уголовного права Ставропольского государственного университета, на проводимых в СГУ научных и научно-практических конференциях, отражены в опубликованных работах автора.

Структура диссертации определяется стоящими перед ней целями и задачами и включает в себя введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение и библиографию.

Глава 1. ПОНЯТИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Эволюция уголовного законодательства России в части ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

Охрана интересов подрастающего поколения в истории отечественного законодательства всегда была подчинена общей логике развития общественных отношений и права. При этом на первых порах развития права сферой его регулирования охватывались наиболее значимые, жизненно важные для общества отношения, обеспечивающие сохранность и безопасность его жизнедеятельности и воспроизводства. В дальнейшем же, по мере укрепления культурных начал, сфера правового регулирования расширялась за счет включения в нее отношений, ранее либо вообще не регулируемых социальными институтами, либо регулируемых нормами морали, религии, обычаями. Поэтому вполне объяснимо то обстоятельство, что нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления либо в совершение антиобщественных действий появляются на гораздо поздних этапах развития права в России. Их появлению предшествовало оформление самого понятия «преступление», осознание определенных действий в качестве антиобщественных, осознание того, что личность несовершеннолетнего находится в стадии становления, развития, осознание пагубности преступного воздействия взрослых на несовершеннолетних. Заметим, что в «чистом виде» нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение антиобщественных, в том числе и преступных действий появляются только в XIX столетии. Однако до этого отдельные нормативные предписания о защите несовершеннолетних от пагубного влияния взрослых и преступного попустительства с их стороны все же существовали.

Одним из первых нормативных документов, в котором содержались предписания относительно защиты интересов детей, был Устав князя Ярослава о церковных судах. Среди его норм была норма, посвященная злоупотреблением родителями брачной судьбой детей. В ст. 24 Устава читаем: «Аже девка не всхочет замуж, а отец и мать силою дадут, а что створить над собою – отец и мати епископу в вине, а истор има плати. Тако же и отрок»; и далее, в ст. 33: «Аже девка восхощеть замуж, а отец и мати не дадят, а что створить, епископу в вине отец и мати. Тако же и отрок».[3] Основой криминализации деяний в данном случае выступал не сам факт насильственной женитьбы (выдачи замуж) или запрета на бракосочетание (такие факты имели место достаточно часто, поскольку зачастую брак рассматривался как хозяйственно-бытовая сделка и собственно хозяйственные интересы стояли выше личных интересов брачующихся), а его последствия - самоубийство детей, покушение на самоубийство или иное-какое членовредительство. Самоубийство рассматривалось в христианском вероучении в качестве одного из тягчайших грехов (читай – преступления, поскольку различие между ними еще не были столь очевидными), а потому на родителях лежала ответственность не столько за злоупотребление брачной судьбой детей, сколько за то, что они довели их до греха, преступления, способствовали, попустительствовали самоубийству лиц, находящихся от них в зависимости и не способных в силу возраста им противостоять.

Ко времени Церковного Устава Ярослава относится существование еще одного преступления против интересов воспитания несовершеннолетних. Краткая редакция Устава в ст. 5, не упоминая о возрасте, предписывала: «Аже у отца и у матери дчи девкою детяти добудеть, обидчив, ю поняти в дом церковный, а чимь ю род откупит».[4] В данной норме мы обнаруживаем не только ответственность «девки» за рождение

---

[3] Российское законодательство X – XX веков. В 9 томах. Т.1 Законодательство Древней Руси /Отв.ред. В.Л. Янин. М., 1984. С.169, 170.

[4] Там же. С.168.

внебрачного ребенка, но и ответственность ее семьи – «рода» в виде обязанности ее выкупить. По верному замечанию В. Сергеевича «по этой статье прелюбодеяние являлось преступлением не перед семейной властью,… а перед общественной властью; ответственным же оказывался не муж, вступивший в незаконную связь, а семья девицы, которая не уберегла дочери от соблазна».[5] Это еще один факт преступного небрежения родительскими обязанностями, которое способствовало грехопадению ребенка.

Итак, на начальном этапе существования русского государства и права мы обнаруживаем лишь зарождение некоторого интереса властей к проблеме ответственности за преступления против несовершеннолетних. В силу логики развития уголовного права интерес этот появлялся в большей степени в виде создания правовых запретов на отдельные формы поведения, объективно причинявшие вред несовершеннолетним. При этом, формулируя запрет, законодатель не признавал ребенка самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, а нормы, его защищавшие, как правило, в качестве основного социального назначения имели охрану иных интересов и ценностей. Это являлось свидетельством имевшейся иерархичности общественных отношений, социальных благ и интересов, которая проявлялась «в отнесении или неотнесении социальных интересов к сфере, охраняемой уголовным правом, в определении преимущественного места среди всех уголовно-правовых норм нормам, обеспечивающим защиту наиболее важных отношений этой сферы, в увеличении строгости наказаний, назначаемых за посягательства на такие отношения».[6]

Такое положение дел в сфере уголовно-правовой охраны лиц, не достигших совершеннолетия, оставалось практически неизменным и в последующие века российской истории. Дальнейшее развитие норм об ответственности за преступления против несовершеннолетних связано с

---

[5] Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е, доп. СПб., 1903. С.431.

изданием Уложения царя Алексея Михайловича – (Соборного Уложения) 1649 года и с Новоуказными статьями о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 года.

Анализ норм Уложения свидетельствует о достаточно серьезной озабоченности государства общественной нравственностью и стабильностью семьи, что согласовывалось, в первую очередь с христианским вероучением и с целями внутренней политики государства. Содержание статей Соборного Уложения показывает, что и в середине XVII века в России оставался неизменным сложившийся в Церковных Уставах древнерусских князей взгляд на проблему уголовно-правовой защиты детей. Значение же Уложения состояло в изъятии дел о преступлениях родителей против детей из церковной юрисдикции и переводе их в сферу государственного судопроизводства. Этот факт, явившийся результатом сложных взаимоотношений церкви и государства, обладал большим политическим значением, свидетельствуя не только о мощи государственных структур, но и о стремлении наднациональной, надсословной, надконфессиональной силы, которой являлось государство, взять под свое покровительство вопросы регулирования ответственности за преступления в семейно-бытовой сфере, а следовательно выступал показателем значимости этих вопросов в общественной жизни России XVII века.

Эпоха Петра I, характеризовавшаяся ломкой традиций московского государства и зарождением новой европеизированной российской культуры, ознаменовалась определенным позитивным поворотом в отношении к детям, поворотом со стороны, прежде всего, государства.

Сохранение социального статуса ребенка не требовало специального пересмотра уголовно-правовых положений относительно их защиты. Источником уголовного права оставалось Уложение Алексея Михайловича. В тоже время законотворческая деятельность Петра I привела к появлению некоторых уголовно-правовых норм, закрепленных в Воинском (1716) и

---

[6] Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С.47.

Морском (1720) артикулах, среди которых были нормы и о защите несовершеннолетних.

Среди законоположений, специально созданных для охраны интересов детей, следует отметить принятый в 1743 году Сенатом, обеспокоенным уровнем и качеством воспитания молодежи, указ «О вменении родителям в обязанность обучать детей своих Катихизису»[7], «дабы чрез то Христианскую должность и догматы православныя нашея веры узнать, и в том бы поступать, и от развратников православныя веры нашея себя сохранить могли». Согласно этому Указу отцы или лица, их заменяющие, которые «не имея о воспитании… детей попечения» будут небрежны или нерачительны в исполнении своей обязанности обучения детей и «в том подлинно обличатся», должны претерпеть наказание в виде штрафа в размере 10 рублей для дворян, 2 рублей для представителей иных сословий, причем, реализуя идею восстановления социальной справедливости, Сенат предписывал «штрафные» деньги направлять в Коллегию Экономии на содержание Московской Славяногреколатинской Академии.

Свидетельством того внимания, какое уделялось государством делу воспитания детей, может служить дело княгини фон Голштейн-Бек, у которой, согласно именному Указу Петра III, было отобрано имение за дурное воспитание своей дочери, поскольку она «никакого попечения, как о содержании, так и о воспитании ея не имеет».[8]

Прививая детям основы христианской религии и морали, государство в тоже время стремилось оградить их православное развитие от влияния иных вероучений, что находило воплощение не только в цивилистических узаконениях об обязательном крещении детей, родившихся в браке между людьми различных вероисповеданий, но и в законах уголовных. В частности, в 1826 г. Николай I утвердил положение Комитета Министров «О наказании

---

[7] Полное собрание законов российской империи. Первое собрание. СПб., 1830 (далее – 1 ПСЗ). Т. 11. Ст. 8726 (С. 794).

[8] 1 ПСЗ. Т. 15. Ст. 11419 (С. 984).

за допущение малолетних детей к исполнению обрядов Жидовской ереси»[9]. Учитывая, что «предавшиеся Жидовой ереси возмужалые люди нарочно употребляют малолетних к исполнению духовных обрядов, дабы себя избавить от определенного наказания и быв уверены, что они исполнители их заблуждения, избегнут онаго, по несуществованию об них постановления», Комитет Министров решил, что со всеми, кто будет виновен в «принуждении или соглашении» малолетних к исполнению указанных обрядов, а равно и с родителями, «как с главнейшими виновниками в настоящем случае», необходимо поступать «по общим правилам», то есть как с исполнителями рассматриваемого преступления. Самих же малолетних, исполнявших «обряды жидовской ереси» надлежало отдавать в Военносиротские отделения для воспитания, содержания и военного обучения.

Поскольку в середине XVIII века семейное воспитание, прежде всего, конечно, в дворянской среде, уже не было единственной формой социализации, государство не могло оставаться равнодушным к «качеству» лиц, выполнявших воспитательные функции на профессиональной основе. В этой связи не случаен Именной Указ Елизаветы «О предварительном испытании в науках иностранцов…»,[10] по которому предписывалось «никому в домы не принимать и не иметь и до содержания школ не допускать» учителей иностранцев, не прошедших специальной аттестации в России, под угрозой штрафа в размере 100 рублей.

Продолжая линию на укрепление нравственных устоев общества, государство формулировало также ряд правовых запретов на азартные игры,[11] на произношение бранных слов[12] и др. Не обладая явной проювенальной направленностью, эти нормативные акты должны были способствовать оздоровлению нравственного климата пребывания

---

[9] Полное Собрание Законов Российской Империи. Второе Собрание. СПб., 1830. (Далее – 2 ПСЗ). Т. 1. Ст. 393 (С. 530-531).

[10] 1 ПСЗ. Т. 14. Ст. 10724 (С. 765).

[11] 1 ПСЗ. Т. 12. Ст. 9380 (С. 670-671).

несовершеннолетних, а также предупреждать данные социальные отклонения в их среде.

Развитие отечественного законодательства в IX – первой трети XIX столетия привело к появлению множества уголовно-правовых актов и отдельных норм, имевших зачастую бессистемный и разрозненный характер. Обусловленная сложностью их практического применения, потребность практики в едином универсальном уголовном законе, возникшая на фоне становления отечественной уголовно-правовой науки, была удовлетворена в процессе длительной и кропотливой работы возглавляемой бароном Розенкампфом, а затем графом М. Н. Сперанским, комиссии по составлению Свода законов Российской империи. Итогом деятельности комиссии стало издание, наряду с прочими, в 1832 году тома XV Свода законов, объединившего свыше полутора тысяч уголовных законов, принятых в России начиная с 1649 года.

Том XV Свода законов не только подвел черту предшествующему этапу развития русского уголовного законодательства, но и во многом определил ориентиры его дальнейшей эволюции. Впервые осуществив институционализацию правовых норм, он объединил их в главы и разделы, определяя при этом принадлежность, значение норм и объекты уголовно-правовой охраны.

Институт преступлений против несовершеннолетних был представлен в Своде законов несколько скудно. Раздел 8 Книги 1 Т. XV Свода законов «О наказании за преступления противу прав семейственного состояния» включал две главы. В первой, «О превышении прав родительской власти», содержалось указание всего на один состав преступления – превышение прав родительской власти (ст. 653), которое могло выражаться либо в принуждении детей к бракосочетанию без их желания либо в принуждении их к вступлению в монашество. Т. XV Свода законов не создал каких-либо новых норм, призванных охранять интересы подрастающего поколения; он

---

[12] Там же. Ст. 8868. (С. 21-22).

лишь сгруппировал накопленные столетиями предписания по определенным рубрикам. Несмотря на это, не стоит принижать и недооценивать его значение. Появление такого закона не было случайным. Демонстрируя работу философского закона перехода количественных изменений в качественные, он свидетельствовал о значительном «скачке» отечественного уголовного законодательства, переходе его на принципиально иной уровень – уровень теоретически обоснованного кодифицированного нормативно-правового акта, в рамках которого было признано необходимым сосредоточить внимание государственных структур на проблеме защиты интересов подрастающего поколения.

XIX век в истории России характеризуется некоторой ломкой устоявшихся традиций семейных отношений, свидетельством чего могут служить данные о динамике преступлений против союза брачного и родственного. Так, с 1843 по 1863 год число дел о преступлениях против прав семейственных возросло с 893 до 1196, с 1874 по 1892 год в 33 губерниях европейской части России – с 2048 до 3126, а к 1913 году их число в России в целом достигло 5365. При этом темпы прироста данной группы преступлений обгоняли рост иных преступлений и составляли 1,5 % ежегодно в период с 1843 по 1863 год и 3,8 % ежегодно в период с 1863 по 1913 год. В подобных условиях роста криминальной напряженности внутри и вокруг семьи уголовное законодательство, подверженное влиянию передовых гуманистических идей, не могло оставаться безразличным к проблеме обеспечения стабильности этого важнейшего социального института. Изменение и совершенствование отечественного уголовного закона, связанное с дальнейшей защитой интересов воспитания и развития несовершеннолетних от преступных посягательств, связано с подготовкой и принятием новой редакции Т. XV законов Российской империи.

Начавшиеся в декабре 1836 года работы по пересмотру Т. XV Свода законов издания 1832 года, возглавляемые графом Сперанским, а затем графом Блудовым, завершились утверждением в 1845 году Уложения о

наказаниях уголовных и исправительных,[13] которое вошло в Свод законов издания 1857 года в качестве первой книги Т. XV. Этот закон, неоднократно корректировавшийся на всем протяжении XIX – начала XX века (в 1866, 1885, 1895, 1906, 1912 годах), составлял основу уголовного законодательства империи вплоть до событий 1917 года. Наряду с ним в России существовали и некоторые иные законы, содержавшие уголовно-правовые нормы. Из них наибольшее значение имел, несомненно, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864)[14], регулировавший вопросы ответственности за уголовные проступки.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных содержало две специализированные главы с преступлениями против несовершеннолетних: Главу 6 «О нарушении постановлений о воспитании юношества», которая была включена в Раздел VIII «О преступлениях против общественного благоустройства и благополучия», и Главу 2 «О злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей», включенную в Раздел XI «О преступлениях против прав семейных». В первом случае Уложение предусматривало ответственность за самовольное учреждение учебного или воспитательного заведения (ст. 1319), за уклонение от выполнения решения о закрытии учебного заведения (ст. 1320), за обучение детей без надлежащего свидетельства о необходимых на то знаниях (ч. 1 ст. 1321), за допуск таких лиц к педагогической деятельности родителями, родственниками, опекунами, содержателями училищ и пансионов (ч. 2 ст. 1321); в качестве квалифицирующего признака во всех

---

[13] Первоначальная редакция закона приводится по изданию: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845; все последующие реакции – по изданию: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. 17, пересм. и доп. СПб., 1913.

[14] Текст закона приводится по изданию: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 года. С доп. по прод. 1906 и 1908 г., с прилож. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. 18, доп. СПб., 1909.

статьях предусматривалась повторность. Рассматриваемые деяния относились к категории уголовных проступков и наказывались штрафом в пользу призрения лиц, имевших право на обучение. Таким образом, законодатель не только стремился к тому, чтобы оградить процесс формирования личности несовершеннолетних от влияния «непроверенных учителей», могущих привить им неодобряемые социумом ценности и установки, но и использовал в полной мере восстановительную функцию уголовного закона, направляя средства, полученные от штрафов, на благотворительную помощь неимущим детям, нуждавшимся в образовательных услугах. Забота правительства о качестве воспитания молодежи вполне объяснима. Самодержавный строй, характеризующийся тотальным контролем за всякой сферой жизнедеятельности общества, не мог быть равнодушен к содержанию образования, как основному компоненту воспитательного процесса, а также к «благонадежности» воспитателей. Устанавливая ответственность за описанные деяния, правительство исходило из того, что «без обладания делом воспитания, порядок не будет прочен, что необходимо воспитывать молодое поколение в духе известной правительственной системы».[15] Такая позиция государства находила воплощение, во-первых, в том, что большая часть учебных заведений принадлежала казне, а, во-вторых, в том, что заведения, которые учреждались частными лицами и общественными структурами были поставлены под жесткий правительственный (финансовый и административный) контроль. Цель подобной политики вполне определенна: не допустить неконтролируемой передачи идей и инакомыслия (иными словами, преступных идей) в среде подрастающего поколения. Реализуя стремление сохранить за собой монополию на идеологию, государственная власть должна была не только пресекать идущую в разрез с ней деятельность, но и по возможности не допускать ее, используя предупредительную мощь уголовного права.

---

[15] Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 444.

Следующая группа норм, защищавшая интересы несовершеннолетних в России второй половины XIX века, содержалась в разделе XI «О преступлениях против прав семейных». Традиционный для русских семей абсолют родительской власти в эпоху реформ середины XIX века был несколько снижен, а сама власть урезана и поставлена в рамки закона. «Это смягчение обусловливалось не только нравственными началами, но и государственным интересом, потому что дети, находясь в безусловной власти родителей, повинуясь им беспрекословно, тем самым выходили из власти государства; самодержавие родителей парализировало самодержавие верховной власти и закона. Теперь власть родителей сохранена законом в пределах, требуемых нравственностью, благом семьи, самих детей и государства», - писал по данному поводу А. Лохвицкий.[16] Превышение же пределов родительской власти расценивалось как преступление.

Злоупотребление родительской властью в смысле Отдела 1 Главы 2 Раздела XI могло проявляться, помимо прочего, в вовлечении своих детей в преступление «через употребление во зло своей власти или посредством преступных внушений умышленно» (ст. 2079), которое каралось максимальной мерой наказания, предусмотренной за то преступление, в совершение которого ребенок был вовлечен, даже если родители сами и не принимали участия в его исполнении; в развращении нравственности детей и потворстве их разврату (ст. 2080), которое наказывалось тюремным заключением сроком от 3 до 6 месяцев.

При этом ст. 2081 устанавливала важное правило, согласно которому родители, совершившие наряду со злоупотреблением своей властью какое-либо иное преступление, подлежащее более строгому наказанию, чем предусмотрено в ст. ст. 2078 – 2080, 2082, должны отвечать за содеянное по совокупности преступлений.

Ограничение, призванное обеспечить интересы нравственного и физического здоровья детей, было предусмотрено и в иных статьях

---

[16] Там же. С. 477.

уголовного законодательства. Так, ст. 1296 Уложения карала заключением на срок от 2 до 3 лет и лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ тех родителей, которые будут изобличены в сводничестве «для непотребства» своих детей; ст. 51 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривала ответственность в виде ареста для родителей или лиц, обязанных иметь попечение над малолетним, за допущение его к прошению милостыни, а также позволяла увеличить наказание до двухмесячного тюремного заключения в случае «обращения сего проступка в ремесло». При этом, как гласил комментарий к последней норме, который можно распространить и на предыдущие, «условием наказания в данном случае служит нарушение обязанности содержать детей и приучать их к честному ремеслу, а не развращать, и тем более не обращать их развращения в прибыль для себя».[17] Описанные нормы не содержались в разделе «О преступлениях против прав семейных». Статья 1296 Уложения находилась в главе «О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений», а ст. 51 Устава – в главе «О нарушении порядка и спокойствия», в зависимости от чего можно определить и основное социальное предназначение норм. Однако, это не исключало факта злоупотребления родительскими обязанностями из объективной стороны деликтов, а следовательно и направленности норм на удержание родителей от поступков, способных причинить вред развитию детей.

Важным дополнением анализируемых норм служила Глава 4 Раздела IX, которая ставила заслон различным злоупотреблениям со стороны опекунов и попечителей – лиц, заменяющих родителей в случае их отсутствия. Статья 2093 устанавливала ответственность данных лиц за вовлечение опекаемых ими детей в преступление. При этом санкция за преступление опекунов и попечителей определялась максимальной мерой

---

[17] Там же. С. 431.

наказания, предусмотренной в Уложении для данного вида преступления в случае совершения его иными лицами.

Охраняя интересы несовершеннолетних, уголовное законодательство XIX столетия стремилось дисциплинировать не только родителей и опекунов, но и всех иных лиц, которым общество вверило функции воспитания молодежи, в частности, педагогов и воспитателей. Помимо указанных выше положений главы 6 «О нарушении постановлений о воспитании юношества», их ответственность содержалась и в иных нормах. Так, ст. 1285 Уложения предусматривала возможность назначения наказания в виде тюремного заключения на срок от 3 до 6 месяцев с лишением специального права иметь надзор за несовершеннолетним лицам, имевшим надзор за малолетним или несовершеннолетним, а также любым другим лицам, которые находились при детях в услужении у их родителей, опекунов или родственников, в случае если они благоприятствовали склонности этих малолетних и несовершеннолетних к «непотребству» или другим порокам или же побуждали их к тому «своими внушениями или обольщениями». Под непотребством в данном случае понимался определенный вид неодобряемого обществом сексуального поведения. Это понятие было общеупотребительным и не требовало особых комментариев. Категория же других пороков вызывала некоторые сложности и требовала, по мнению юристов, ограничительного толкования. А. Лохвицкий в этой связи указывал: «ложь, скупость, расточительность, гордость – все это пороки. Надобно полагать, что здесь идет дело о пороках только физического разврата».[18] Такое понимание пороков объяснялось, в первую очередь, местоположением и объектом рассматриваемой нормы. Она была включена в группу преступлений «О соблазнительном и развратном поведении, о противоестественных пороках и сводничеств». Как видим, данная статья охраняла интересы нормального полового развития малолетних, устанавливая запрет не столько на совершение различного рода развратных

[18] Лохвицкий А. Указ. соч. С. 440.

действий и иных сексуальных посягательств, а на своего рода попустительство, небрежение обязанностями по воспитанию со стороны ответственных лиц.

В 1902 году перечень деяний, ответственными за совершение которых признавались лица, осуществлявшие надзор и воспитание несовершеннолетних, был расширен. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был дополнен ст. 144^{1}. Она предусматривала ответственность в виде ареста до 1 месяца либо штрафа не свыше 100 рублей для лиц, обязанных иметь надзор за малолетним или несовершеннолетним лицом, отданным ему по постановлению судебной или следственной власти, за оставление такого лица без надлежащего надзора, если состоящее под надзором лицо учинит: 1) преступное деяние, за которое законом определено уголовное наказание, либо; 2) иное менее тяжкое преступное деяние.

Это еще один факт так называемого попустительства преступлению малолетнего следовало отличать от активных действий по вовлечению в преступление, как по характеристике объективной стороны, так и по субъекту. Здесь речь шла уже не о целенаправленном воздействии на подростка со стороны родителей, а о халатном, небрежном отношении ответственных лиц к делу воспитания несовершеннолетних.

Охраняя нравственное и физическое здоровье подростков от пагубного влияния алкоголя, законодатель в 1902 году ввел также и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, две нормы соответствующего содержания. В ст. 51^{10} устанавливалась ответственность за допущение малолетних к распитию крепких напитков в «заведениях для распивочной торговли» такими напитками; а в ст. 51^{14} за «держание в заведениях трактирного промысла с продажею крепких напитков прислуги моложе установленного возраста». В обоих случаях виновному грозило наказание в виде штрафа до 50 рублей.

Кроме этого, закон формулировал и некоторые общие нормы. Так, в ст. 1384 Уложения варьировалась ответственность мастера за отсутствие с его

стороны заботы об обучении и хорошем поведении своих подмастерьев и учеников. В первый раз это деяние каралось запрещением иметь учеников в течение года, во второй раз срок лишения данного права увеличивался вдвое, в третий раз виновный навсегда лишался права мастера.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845) впервые в истории российского уголовного права представило развернутую и обоснованную соответствующим уровнем развития уголовно-правовой теории систему правовых норм об ответственности за преступления против несовершеннолетних. Дифференциация ответственности в зависимости от возраста ребенка – потерпевшего, от вида нарушаемых правил о религиозном и светском воспитании, от специальных признаков субъекта преступления определила дальнейшее развитие норм о преступлениях против несовершеннолетних, которое протекало в русле уточнения объекта посягательств, оптимизация формулировок диспозиций и санкций норм, конструировании новых квалифицированных составов преступлений по признаку возраста потерпевшего. Оно было связано и воплотилось в Уголовном Уложении России 1903 года. Следует учесть, что Уложение вводилось постепенно и полностью никогда не было реализовано Среди интересующих нас норм, не известных прежнему уголовному законодательству, отметим ст. 420, которая грозила родителям заключением в тюрьме и лишением родительской власти над несовершеннолетним в случае обращения несовершеннолетнего, не достигшего 17 лет, к нищенству и иному безнравственному занятию или за отдачу его для этой цели.

Таким образом, несмотря на известную декларативность правовых норм в России XIX столетия, мы можем заключить, что их содержание в части охраны интересов несовершеннолетних в целом соответствовало научным представлениям об идеале уголовно-правовой защиты детства, отражало общеевропейскую тенденцию повышения качества этой защиты и стало своего рода классическим образцом, определившим дальнейшее направление развития ювенального уголовного права России.

Октябрьские события 1917 года не только прервали процесс поступательного развития российского общества, но и направили его в принципиально новое русло, провозгласив в качестве идеалов социального устройства государственную собственность, равенство сословий и полов, секуляризацию власти и быта. В подобных условиях революционной модернизации страны, предлагавшей решительный и бескомпромиссный отказ от всего, что было связано с монархическим прошлым, коренную перестройку претерпели и интересующие нас социальные институты семьи и права, в том числе в части охраны несовершеннолетних.

Важными документами советской власти в этой области были Декрет от 4.03.1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» и Инструкция Комиссиям по делам несовершеннолетних. Защищая интересы подрастающего поколения в случае совершения ими правонарушений, документы одновременно ориентировали соответствующие органы и на борьбу с преступлениями против несовершеннолетних. Так, согласно ст. 5 Декрета при установлении преступного участия взрослых лиц в деле несовершеннолетнего, Комиссия должна была сообщить надлежащему судебному или следственному органу об обнаруженных ею признаках преступного участия указанных лиц.

Эта общая формулировка получила развитие в Инструкции, где особо оговаривалась обязанность комиссий привлекать к судебной ответственности взрослых за подстрекательство и склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению общественно опасных деяний, за соучастие с ними в преступлении или за попустительство такового; за склонение несовершеннолетних и малолетних к проституции, половым извращениям, за сводничество и т.п., за эксплуатацию труда несовершеннолетних и малолетних, за жестокое обращение с несовершеннолетними и малолетними.

Согласно примечанию 1 к ст. 14 Инструкции в случае совершения указанных действий родителями суду предоставлялось право лишать их

родительских прав в силу того, что они могут осуществляться «исключительно в интересах детей».

Однако, конкретные признаки составов преступлений против детей и санкции за них ни в Декрете, ни в Инструкции определены не были. Отчасти этот пробел будет восполнен в дальнейшем, в УК РСФСР.

Уголовный Кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, согласно ст. 5 имел своей задачей «правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов» и осуществлял эту защиту «путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания и других мер социальной защиты. Заложенная в нем система уголовно-правовых норм просуществовала неизменной до 1926 года, когда был принят второй УК РСФСР. Вместе с тем, принципиальных изменений в нее новый кодекс не внес. Его появлению предшествовало образование СССР и издание Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года.[19]

Перечень преступлений, нарушающих интересы формирования личности несовершеннолетних, был в первоначальной редакции УК 1926 года практически идентичным перечню УК 1922 года.

Особое значение в деле охраны интересов несовершеннолетних имело дополнение УК в 1936 году ст. 73^2, в которой говорилось об ответственности за подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, а также понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т.п.[20] За совершение этого преступления устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок не ниже 5 лет. Местоположение этой нормы и санкция позволяют сделать вывод об особом отношении государства к деяниям подобного рода.

---

[19] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (далее – СУ СССР). 1924. № 24. Ст. 205 (С. 372 – 380).

[20] Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 15 января 1956 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1956. С. 45.

Дело в том, что ст. 73^2, была помещена в главу «Иные преступления против порядка управления». Преступлением же против порядка управления закон признавал «всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти и рабоче-крестьянского правительства, тем не менее приводит к нарушению правильной деятельности организации управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти» (ст. 59^1). Согласно формуле санкции («наказание не ниже») это преступление в соответствии со ст. 46 УК относилось к категории преступлений против основ строя и власти.

27 октября 1960 года Верховный Совет РСФСР утвердил новый Уголовный кодекс РСФСР. В нем получили дальнейшее развитие многие законодательные решения, оформившиеся к середине XX столетия.

УК РСФСР 1960 года не знал самостоятельной главы о преступлениях против несовершеннолетних; нормы, защищавшие их права, были рассредоточены по нескольким главам, причем традиционно, несовершеннолетие потерпевшего учитывалось в них либо в качестве квалифицирующего признака, либо в качестве условия криминализации деяний.

Интересующие нас нормы о защите интересов детей от негативного влияния взрослых содержались в Главе X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Статья 210, предусматривавшая ответственность в виде лишения свободы до 5 лет за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в пьянство (с 1972 года), в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми (до 1974 года и за склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических веществ), а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования, - была одной из наиболее часто встречаемых на практике и одной из наиболее

эффективных гарантий безопасности детства. Вопросам, связанным с ее применением, было посвящено не одно постановление Пленума Верховного Суда, множество разъяснений содержалось также в конкретных судебных определениях.

Впервые официальное толкование этой нормы было дано в Постановлении № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 12.09.1969 года «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность»[21], в котором указывалось, что вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность следует признавать действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлениях, подстрекательство его к совершению одного или нескольких конкретных преступлений, либо на привлечение его к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника.

При этом надлежит иметь в виду, указывал Пленум, что вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность предполагает все виды физического насилия и психического воздействия: убеждение, запугивание, подкуп, обман, возбуждение низменных побуждений, предложение совершить преступление, обещание приобрести или сбыть похищенное, дача совета о месте и способах совершения или сокрытия следов преступления и другие. Распитие спиртных напитков с несовершеннолетним в целях облегчения склонения его к совершению преступления должно было рассматриваться как способ вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность.

Пленум также разъяснял, что состав преступления – вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность – образует хотя бы один факт умышленного склонения несовершеннолетнего лицом, достигшим восемнадцати лет, к совершению преступления путем психического или физического воздействия (просьбы, обещания, предложения, обмана,

---

[21] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 5. С. 14 – 18.

запугивания, угроз, насилия и т.п.), а ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность должна наступать независимо от форм соучастия и количества совершаемых лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, преступлений, а также и в том случае, когда последний по тем или иным причинам не совершил преступления, к которому его склонял взрослый подстрекатель[22].

Пленум особо отмечал, что «по ст. 210 УК РСФСР могут быть квалифицированы лишь действия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, и совершенные умышленно. Поэтому при рассмотрении дел данной категории во всех случаях необходимо устанавливать, сознавал ли взрослый, что вовлекаемое им лицо является несовершеннолетним».

При назначении наказания за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность Верховный Суд рекомендовал учитывать формы и способы вовлечения несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность, степень отрицательного воздействия на правильное воспитание, нормальное развитие и здоровье несовершеннолетнего, а также наступившие вредные последствия, прежнее поведение и возраст взрослого и несовершеннолетнего, характер и степень общественной опасности преступления, в совершение которого был вовлечен несовершеннолетний.

В главе X Уголовного Кодекса содержалась еще одна норма, охранявшая интересы несовершеннолетних наряду с защитой общественного порядка и безопасности. В ст. 227 законодатель предусмотрел ответственность за неизвестное прежнему УК РСФСР (1926) создание группы, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования религиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью, а равно руководство такой группой или вовлечение в нее несовершеннолетних.

---

[22] Сборник Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1997. С. 132.

При этом под вовлечением в группу несовершеннолетних предлагалась понимать «склонение как своих, так и чужих детей к посещению сборищ, во время которых религиозные обряды сопровождаются причинением вреда здоровью граждан или связаны с половой распущенностью, а равно привлечение несовершеннолетних в той или иной форме к деятельности подобной секты»[23]. Эта деятельность несовершеннолетних могла выражаться в разноске писем или посылок с религиозной литературой, в охране мест сборищ сектантов и т.п.

Таким образом, несмотря на отсутствие особой главы о преступлениях против несовершеннолетних, УК РСФСР содержал немалое количество норм, ориентированных на защиту их личных, семейных, имущественных и иных интересов, в том числе и норму о запрете вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Представленный анализ отечественного законодательства в части ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления позволяет установить, что, возникнув на определенном этапе общественного развития, анализируемая правовая норма в своем собственном развитии прошла четыре основных этапа: 1) этап криминализации вовлечения в преступление и попустительства преступлениям детей со стороны только родителей; 2) этап криминализации вовлечения в преступление и попустительства преступлениям несовершеннолетних со стороны родителей и иных лиц, ответственных за их воспитание; 3) этап криминализации вовлечения несовершеннолетних в преступление со стороны любых лиц; 4) этап криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления со стороны любых лиц с усилением ответственности родителей и иных, ответственных за воспитание несовершеннолетнего, субъектов за совершение данного преступления.

---

[23] Уголовный Кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Особенная часть. Учебное пособие / Под ред. М.И. Ковалева, Е.А. Фролова, М.А. Ефимова. Свердловск, 1962. С. 440 – 441.

§ 2. Понятие вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Непременным условием качественного применения любого закона является правильное уяснение смысла и значения содержащихся в нем понятий. Особую значимость проблема определения понятий приобретает в сфере уголовно-правового регулирования. Тем не менее, в теории уголовного права точному значению слов и понятий не всегда уделяется должное внимание, что порой способствует ошибкам в построении уголовно-правовых норм, а значит, и в их толковании в ходе применения. Уголовный Кодекс России изменил диспозицию действовавшей ранее уголовно-правовой нормы о вовлечении несовершеннолетних в антиобщественную деятельность (ст. 210 УК РСФСР), выделив вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в самостоятельный состав преступления. В действующем законодательстве диспозиция статьи, предусматривающей ответственность за данное преступление, сконструирована по типу описательной диспозиции и содержит характеристику способов вовлечения, его субъекта и направленности. Однако сам термин «вовлечение» в законе не раскрывается, что порождает на практике его различное толкование. Следует заметить, что официального толкования понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» на сегодняшний день нет. Оно исследуется в науке уголовного права, но Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем последнем постановлении по рассматриваемым проблемам не уделил данному вопросу внимания. В связи с этим возникает необходимость сопоставить имевшиеся ранее разъяснения Пленума Верховного Суда СССР (РСФСР) с современной формулировкой признаков данного преступления.

За период с 1969 по 1985 год было дано три толкования понятию вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления. В постановлении № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 12. 09. 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в

преступную и иную антиобщественную деятельность» указывалось, что вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность являются действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлениях, подстрекательство его к совершению одного или нескольких конкретных преступлений, либо на привлечение его к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника[24].

В постановлении № 16 от 03 .12. 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» Пленум Верховного Суда СССР указал, что под вовлечением в преступную деятельность следует понимать действия взрослого, направленные на возбуждение у него желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений, сопряженные с применением физического или психического воздействия (побои, уговоры, уверения в безнаказанности, лесть, угрозы и запугивание, подкуп, обман, возбуждение чувства мести, зависти или других низменных побуждений, дача совета о месте и способах совершения преступления или сокрытия следов преступления, обещание оказать содействие в реализации похищенного и другие)[25].

В постановлении № 17 Пленума Верховного Суда СССР от 05. 12. 1986 г. «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по применению законодательства при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» указывалось, что вовлечением в преступную деятельность следует признавать действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений, сопряженные с применением физического или психического воздействия».[26]

---

[24] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 5. С.16.

[25] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 126.

[26]

Постановление № 5 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25. 12. 1990 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» определяло, что «в случае, когда подросток совершает преступление по предложению взрослого, это лицо с учетом конкретных обстоятельств дела может быть привлечено к ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность»[27].

В 2000 году, 14 февраля, Пленум Верховного Суда РФ постановлением №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»[28] отменил все ранее действовавшие постановления, принятые по проблемам квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, однако какого-либо определения рассматриваемого понятия в нем, к сожалению, не содержится. Не нашли своего отражения проблемы толкования понятия вовлечения несовершеннолетних в пьянство и в Обзоре о рассмотрении судами Российской Федерации дел о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность[29].

Как видим, позиция Пленума менялась достаточно серьезным образом: от перечисления конкретных форм совершения преступления (постановление 1969) до обобщенных формулировок о возбуждении желания совершить преступление (постановление 1976). Это было обусловлено и содержанием

---

[27] Там же. С. 469.

[28] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №4. С.9 -13. Следует заметить, что, отменив прежние постановления, новое постановление Пленума обошло молчанием большинство вопросов, связанных с квалификацией вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, а также с практикой назначения наказания за это преступление. В силу чего в своей работе мы будем достаточно часто обращаться к постановлениям 1976 и 1990 годов.

[29] Бюллетень Верховного Суда РСФСР.- 1988.- № 5.- С.10-16.

прежнего законодательства, и политической конъюнктурой, и изменениями в уголовно-правовой политике.

Также неоднозначно понятие «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» трактуется и наукой уголовного права. Основные проблемы при определении данного понятия вызывают: характер действий взрослого лица (должны ли они быть систематическими или однократными); характеристика состава преступления (формальный или материальный); характеристика самого несовершеннолетнего (точнее уровня его развития и возраста).

Так, некоторые юристы утверждают, что под вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность следует понимать длительное пагубное воздействие взрослых на несовершеннолетних, предлагая считать преступлением «вовлечение в неоднократное совершение преступления в качестве исполнителя, пособника или укрывателя».[30] Этой же позиции придерживались исследователи, утверждавшие, что вовлечение представляет собой такой вид деятельности, которая предполагает намерение превратить несовершеннолетнего в преступника.[31] Другие – напротив, признавали наличие состава преступления уже в однократных действиях взрослого лица. В частности, К. К. Сперанский указывал, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления могут образовывать действия взрослого, направленные на подстрекательство несовершеннолетнего к совершению одного или нескольких преступлений.[32]

Ряд исследователей полагал вслед за разъяснением, содержащемся в постановлении 1976 года, что вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления следует считать действия взрослого, в результате которых он стал участвовать в совершении преступления в качестве соисполнителя или пособника. Такой позиции придерживается в настоящее

---

[30] Уголовное право. Часть Особенная. М., 1966. С.493.

[31] Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР. М., 1963. С. 449.

время С. Ш. Ахмедова.[33] Большая же часть ученых считает, что «под вовлечением в преступную деятельность следует понимать любую форму приобщения, втягивания подростка в преступление. Это возможно как в форме подстрекательства к совершению конкретного преступления, так и в форме пропаганды преступного образа жизни, психологической подготовки подростка к тому, чтобы он стал на преступный путь».[34]

Наконец, в рамках третьей проблемы оформился подход, согласно которому для квалификации действий взрослого как преступления необходимо, чтобы несовершеннолетний достиг определенного уровня развития или возраста (С. Ш. Ахмедова называет таким возрастом 3 года,[35] Кибальник А. Г. и Соломоненко И. Г. – возраст достижения несовершеннолетним нижней границы уголовной ответственности[36]); а также сложилось мнение, что возраст вовлекаемого несовершеннолетнего не имеет значения для квалификации действий взрослого.[37]

Столь различное понимание вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления представителями науки уголовного права не может оказать позитивного влияния на практику применения соответствующей уголовно-правовой нормы. Поэтому представляется необходимым дать собственное видение содержания анализируемого понятия. При этом полагаем уместным начать правовой анализ понятия с уяснения его грамматического содержания.

---

[32] Сперанский К. К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов-на-Дону, 1991. С.87.

[33] Ахмедова С. Ш. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 25.

[34] Трофимов Н. Вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность //Советская юстиция. 1968. № 14. С. 17; см. также: Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. С. 100.

[35] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 13.

[36] Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права России. Ставрополь, 2001. С. 285.

[37] Пудовочкин Ю. Е. Указ. Соч. С. 112 – 113.

Понятие «вовлечение» является центральным в диспозиции ст. 150 УК РФ. Чтобы глубже проникнуть в его истинный смысл, обратимся к словарям. Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой не содержит слова «вовлечение», но определяет слово «вовлечь» как «побудить, привлечь к участию в чем-нибудь».[38] Словарь Д. И. Ушакова гласит: «вовлечение - действие по глаголу вовлекать». Смотрим далее: «Вовлекать - 1. соблазнять, склонять к чему-либо; 2. привлекать к участию в работе, деятельности»[39]. Как видим, в словарях не четкого ответа на вопрос о том, является ли вовлечение оконченным или неоконченным действием, означает оно процесс или результат этого процесса.

В науке уголовного права также нет единства во взглядах на завершенность процесса вовлечения. Е. Хоршак полагает, что вовлечение означает как процесс, так и результат этого процесса.[40] Б. Протченко указывает, что «вовлечение предполагает определенный процесс, тогда как судебная практика признает наличие состава преступления и при условии заранее не подготавливавшихся взрослым подстрекательства, привлечения несовершеннолетнего к совершению преступления».[41] Авторы коллективной монографии по проблемам вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность разграничивают понятия «вовлечение» и «вовлекание», понимая под первым оконченное, но не результативное действие, а под вторым – не безуспешное действие, а длящийся, то есть неоконченный процесс.[42]

Нам представляется, что в рассматриваемом споре есть основание некоторым образом совместить приведенные позиции. В частности,

---

[38] Ожегов С. И., Шведова Н. Б. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 88.
[39] Толковый словарь русского языка (В 4 т.) / Под ред. Д.И. Ушакова. - М.: ОГИЗ, 1935.- Т.1: А - Кюрины / Сост. Г.О. Винокур и др. - Стб. 322-323.
[40] Хоршак Е. Роль взрослых в совместной преступной деятельности с несовершеннолетними //Советская юстиция. 1967. №23. С. 12.
[41] Протченко Б. О применении ст. 210 УК РСФСР в судебной практике //Советская юстиция. 1985. №1. С. 15.
[42] Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность. Киев, 1986. С. 63.

рассматривать вовлечение как процесс воздействия взрослого на несовершеннолетнего, при этом следует понимать его именно как оконченное действие, хотя и не приведшее к результату; а также можно рассматривать вовлечение несовершеннолетнего в преступление как результат этого процесса. Следует заметить, что такое разграничение имеет существенное уголовно-правовое значение: понимание вовлечения как процесса позволяет привлекать к ответственности взрослых, не дожидаясь совершения преступления несовершеннолетним, и квалифицировать его действия по ст. 150 УК; а взгляд на вовлечение как на результат действий взрослого позволяет дифференцированно подходить к их оценке в зависимости от того, совершил или не совершил несовершеннолетний преступление.

Признание вовлечения некоторым процессом предполагает известную активность взрослого лица. Еще в определении Судебной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Г. и О. от 8.12.1945 г. значилось, что «подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к совершению преступлений предполагает активное психологическое воздействие с целью склонения несовершеннолетних к занятию преступной деятельностью; поэтому одно лишь допущение взрослым присутствия несовершеннолетних при совершении им преступления, лишенное упомянутой цели, не содержит состава указанного выше преступления».[43] Аналогичные рекомендации содержались в определении Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР по делу С. от 23.01.1978 г., где утверждалось, что «один лишь факт совместного участия взрослых с несовершеннолетними в преступлениях не образует состава преступления».[44] Подтверждается такой подход к определению сущности вовлечения и теорией уголовного права. В частности, А. И. Марцев и А. М. Царегородцев указывают, что «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления предполагает активные действия вовлекателя,

---

[43] См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938 – 1978 г.) / Под общ. ред. С.В. Бородина. М., 1980. С. 253.

связанные с психическим или физическим воздействием на несовершеннолетнего».[45] Г. М. Миньковский и Г. З. Брускин также подчеркивают, что «говоря о вовлечении в совершение преступлений или иное антиобщественное поведение, законодатель имеет в виду любые целенаправленные действия, которыми взрослый возбуждает намерение или укрепляет решимость совершить преступление или начать проявлять иную форму антиобщественного поведения».[46]

Однако, некоторые исследователи, в частности К. К. Сперанский, говоря о подготовке несовершеннолетнего к участию в совершении преступлений, указывают, что присутствие несовершеннолетнего при совершении взрослым преступления, без активных вовлекательских действий с его стороны, («пассивное научение») может быть способом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.[47]

С одной стороны, описание способов вовлечения в совершение преступления в ст. 150 УК дано открытым списком, а потому они могут быть любыми. Но, на наш взгляд, исходя из буквального толкования понятия, вовлечение предполагает процесс определенного воздействия непосредственно на самого несовершеннолетнего, все остальные действия направлены лишь на изменение внешних условий, которые лишь потенциально способны отразиться на процессе формирования личности несовершеннолетнего. Объектом же вовлечения является личность, а потому преступное посягательство должно быть направлено непосредственно на нее.

Что касается характеристики самого процесса воздействия взрослого на несовершеннолетнего, то его содержание в науке уголовного права

---

[44] Там же.

[45] Марцев А. И., Царегородцев А. М. Уголовно-правовые средства повышения эффективности борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность //Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 43. М., 1985. С. 73.

[46] Миньковский Г. М., Брускин Г. З. Общая характеристика вовлечеия несовершеннолетних в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение //Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение. Сб. науч. трудов. М., 1981. С. 6.

[47] Сперанский К.К. Указ. Соч. С. 89.

понимается различным образом. М. Матюшенко и Н. Шость полагают, что вовлечение в преступление – есть «умышленные действия взрослого, направленные на вовлечение подростков» в совершение преступления.[48] На наш взгляд, очевидная тавтологичность данного определения не позволяет использовать его в практике применения закона. Пленум Верховного Суда СССР 1976, 1986 года говорил о вовлечении как о действиях, направленных на возбуждение желания совершить преступление. Данную позицию резко критиковал К. К. Сперанский, указывавший, что, во-первых, «желание» предполагает всегда сводное волеизъявление несовершеннолетнего на участие в преступлении, которого может и не быть в ситуации принуждения подростка к его совершению, а во-вторых, что такая формулировка оставляет за рамками состава преступления случаи подготовки несовершеннолетнего к преступной деятельности, не связанные с вовлечением его в совершение конкретного преступления.[49] При этом сам К. К. Сперанский понимал под вовлечением «действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания (а точнее решимости) совершить преступление».[50] К. К. Кусниденов определял вовлечение как такие действия виновного, которые направлены на приобщение или втягивание несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность.[51] В. Ф. Иванов рассматривал в качестве вовлечения «умышленные действия взрослого лица, направленные на создание у несовершеннолетнего решимости и готовности совершать общественно опасные действия, возбуждение у него желания совершать эти действия либо фактическое втягивание его в совершение преступления».[52] На наш взгляд, каждое из определяющих вовлечение

---

[48] Матюшенко М., Шость Н. Ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность //Советская юстиция. 1985. № 16. С. 7.
[49] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 84.
[50] Там же. С. 85.
[51] Кусниденов К. К. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в пьянство. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1978. С. 9.
[52] Иванов В. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних путем понуждения в преступную и иную антиобщественную деятельность //Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические проблемы. Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 1987. С. 83.

понятий – приобщение, втягивание, укрепление решимости, укрепление готовности – раскрывает ту или иную сторону вовлечения, а потому, между ними нет противоречий, все они могут найти отражение в определении понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления».

При характеристике понятия «вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления» следует осветить вопрос о понятии «несовершеннолетний». УК РФ для обозначения лиц, не достигших совершеннолетия, использует несколько понятий: малолетний; лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу возраста; лицо, не достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность; несовершеннолетний; ребенок, дети; лицо, не достигшее возраста 14 лет; лицо, достигшее возраста 14 лет; лицо, не достигшее возраста 16 лет; лицо, достигшее возраста 16 лет; лицо, не достигшее возраста 18 лет. Подобная градация уместна, поскольку благодаря ей более отчетливо проводится принцип индивидуализации и дифференциации, к тому же, возраст и лица, совершившего преступление, и жертвы является одним из факторов, обусловливающих общественную опасность деяния. Однако указанная градация не лишена недостатков и одним из ее слабых звеньев является понятие «несовершеннолетний». УК РФ определил данное понятие в ст. 87, указав, что несовершеннолетним признается лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Вместе с тем, очевидно, что распространение содержания данного понятия на нормы Особенной части УК способно вывести за рамки уголовно-правовой охраны лиц, которым ко времени совершения против них преступления не исполнилось 14 лет, что абсолютно недопустимо. В литературе уже высказаны соображения относительно корректировки ст. 87 УК.[53] Считаем необходимым поддержать эти предложения и ограничить определенное УК

---

[53] См.: Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 9; Милевский А. И. Уголовно-правовая борьба с торговлей несовершеннолетними. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 13.

РФ понятие несовершеннолетнего исключительно нормами главы 14, понимая под несовершеннолетними в статьях Особенной части УК любых лиц, которым не исполнилось 18 лет.

Обратим внимание также и на то, что УК РФ 1996 года в отличие от своего предшественника говорит о несовершеннолетнем в единственном числе, тогда как в УК РСФСР, в ст. 210 предусматривалась ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Однако и в период действия УК РСФСР судебная практика однозначно усматривала признаки состава преступления и в ситуациях вовлечения в совершение преступления одного несовершеннолетнего. Так, весьма определенно сформулировано определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Л. от 28. 09. 1967 г.: «Вовлечение несовершеннолетнего в преступление предполагает определенные действия взрослого, связанные с непосредственным физическим или психическим воздействием на несовершеннолетнего».[54] В таком же смысле понимала рассматриваемую норму и местная судебная практика. Народным судом Ленинского района г. Ставрополя по ст. 210 УК РСФСР за вовлечение несовершеннолетних в пьянство и в преступную деятельность были осуждены С. и К. Из материалов уголовного дела установлено, что С. и К. 32-х и 26-ти лет соответственно, оба холостые, ранее не судимые, рабочие, признанные хроническими алкоголиками, проживающие по соседству с несовершеннолетним Т. (17-ти лет), который характеризовался отсутствием воли, лживостью, леностью и несоответствием уровня развития возрасту постоянно (более трех раз в течение месяца) вовлекали последнего в употребление спиртных напитков: совместно с ним распивали спиртное, давали ему деньги для его приобретения, а после очередной выпивки склонили его к совершению кражи, целью которой было стремление добыть

---

[54] Вопросы уголовного права и процесса … С. 253.

средства для покупки спиртных напитков. Систематические действия С. и К. получили верную оценку суда.[55]

В этой связи представляется, несомненно, более правильной позиция действующего УК, обозначающего потерпевшего в диспозиции ст. 150 как «несовершеннолетнего», в единственном числе. В данном случае текст уголовного закона был приведен в соответствие с его практическим пониманием. Это один из примеров того, как практика применения уголовно-правовой нормы оказывает влияние на изменение ее отражения в законе.

Следующей составляющей анализируемого понятия является словосочетание «совершение преступления», пришедшее на смену известной ранее действовавшему УК «преступной деятельности». Смысл замены ясен. Преступная деятельность – понятие, отражающее систематический характер действий того, кто совершает преступления; совершение преступления же является единичным фактом. Вместе с тем следует заметить, что судебная практика прошлых лет не требовала при квалификации рассматриваемого преступления вовлечения несовершеннолетнего в совершение именно нескольких преступлений, в преступную деятельность в строгом смысле этого слова. В цитированном ранее постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 16 от 03. 12. 1976 г. рекомендовалось оценивать в качестве преступления и действия взрослого, направленные на склонение несовершеннолетнего к совершению хотя бы одного преступления. В этой связи преимущества формулировки нового уголовного закона очевидны, поскольку они снимают даже гипотетические дискуссии относительно того, куда вовлекается несовершеннолетний.

Исключив понятие деятельности, и введя словосочетание «совершение преступления», УК РФ породил новую проблему. Известно, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ст. 14 УК); известно также, что совершение преступления (деяния, содержащего все

---

[55] Архив суда Ленинского района г. Ставрополя за 1984 год.

признаки состава преступления) является основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК). Однако, совершение предусмотренного УК РФ деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, не образует преступления. Можно ли в данном случае говорить о том, что не достигший возраста ответственности несовершеннолетний вовлекается в совершение преступления. По мнению некоторых юристов, применение ст. 150 УК РФ в подобных ситуациях теоретически несостоятельно.[56] При этом предлагается несколько вариантов разрешения возникающей ситуации. А. Ялин, Ю. Е. Пудовочкин предлагают заменить в ч. 1 ст. 150 УК понятие «преступление» на «общественно опасное деяние».[57] С. Ш. Ахмедова считает возможным оставить в части первой рассматриваемой статьи состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, а в части второй сконструировать состав вовлечения малолетнего в совершение общественно опасного деяния.[58] Полагаем, что второй из рассматриваемых вариантов не может быть признан состоятельным, поскольку оставляет за рамками состава преступления случаи вовлечения в совершение предусмотренного УК деяния несовершеннолетних, хотя и достигших возраста ответственности, но не способных быть субъектами уголовной ответственности в силу невменяемости или отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Что касается первого варианта, то он выглядит более предпочтительным и теоретически более убедительным.

Рассуждая над смыслом понятия «совершение преступления», следует учитывать, что наличие в ст. 150 УК РФ квалифицирующего признака «вовлечение в преступную группу» заставляет отвергнуть мнения тех юристов, которые определяют вовлечение несовершеннолетнего в

---

[56] Ялин А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности //Российская юстиция. 2001. № 2. С. 59.
[57] Ялин А. Указ. Соч. С. 59; Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 111.
[58] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 27.

совершение преступления только как склонение его к совершению конкретного преступления. В частности, С. Ш. Ахмедова утверждает об ошибочности позиции, согласно которой пропаганда преступного образа жизни может служить формой совершения анализируемого преступления, а также говорит о том, что его состав является материальным, поскольку предполагает наступления последствий в виде совершения подростком преступления, хотя бы на стадии покушения.[59] Заметим, что участие в преступной группе может и не предполагать участия в совершаемых группой преступлениях. Специальные исследования свидетельствуют: «участие лица в преступном сообществе … составляют вступление лица в преступное сообщество, создаваемое для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, его желание и согласие принять на себя обязательства по совершению преступных действий, которые ему будут поручены организатором или руководителем сообщества, подчинение уставной дисциплине в интересах функционирования преступного сообщества, и др.»[60] Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу может и не предполагать склонения его к участию в каком-либо конкретном преступлении. Предвидя возражения относительно того, что участие в преступной группе само по себе может содержать признаки преступления (ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 209, ч. 2 ст. 208 УК РФ), укажем, что участие несовершеннолетнего в группе может и не содержать признаков состава преступления, если, во-первых, несовершеннолетний не достиг 16 лет, а во-вторых, если группа не обладает указанными в законе признаками (например, группа невменяемых или группа несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, созданная для совершения предусмотренных в УК деяний[61]).

---

[59] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 24 – 25.
[60] Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. С. 34.
[61] См.: Пудовочкин Ю. Е., Чечель Г. И. Квалификация случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную группу //Российская юстиция. 2000. № 12. С. 37 – 38.

Подводя итог рассмотрению понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», отметим, что в нем должны найти отражение: 1) характеристика действий взрослого лица; 2) характеристика несовершеннолетнего, которого вовлекают в совершение преступления; 3) характеристика деяния, в которое он вовлекается. С учетом изложенного **под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) следует понимать активные действия достигшего совершеннолетия лица, направленные на лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, и заключающиеся в приобщении, втягивании, укреплении у него решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния или деятельности либо в приобщении и подготовке его к преступному образу жизни**.

§ 3. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран

Необходимым дополнением в исследовании сравнительно-правовых аспектов анализируемой темы является характеристика рассматриваемого преступления против несовершеннолетнего по законодательству зарубежных стран.

Краткий экскурс в историю уголовного законодательства зарубежных стран позволяет установить, что дореволюционное отечественное уголовное законодательство в деле охраны несовершеннолетних нисколько не отставало от своих западных аналогов, и даже в определенной части превосходило их. Из всех зарубежных стран, пожалуй, лишь США предусматривали достаточно высокий уровень гарантий безопасности детства. Американское законодательство позапрошлого столетия знало множество норм, имевших целью защиту детей и предупреждение их физического и морального упадка. Приведем некоторые, наиболее важные положения, отмеченные еще в 1912 году А. М. Рубашевой.[62] Согласно американскому законодательству преступление совершал тот, кто наносил вред здоровью или морали ребенка, кто приводил его в такое положение, или заставлял заниматься такой профессией, при которой являются эти опасности. Запрещено было оставлять без сопровождения ребенка в театрах, концертах, или в таких местах, где продаются спиртные напитки, а также давать или продавать ему их. Запрещено было заставлять детей просить подаяния, собирать тряпки и отбросы. Посещение детьми мест, пользующихся дурной славой, не дозволялось; особенно строго наказывалось распространение порнографической литературы через детей или среди них.

---

[62] См.: Рубашева А.М. Особые суды для малолетних и система борьбы с детской преступностью. Т. 1. Америка, Англия, Германия и Австрия. С предисл. Л.Я. Тауберга. М.: Издание Московского Мирового Судьи по делам о малолетних, 1912. С. 39 – 40.

Схожие нормы содержались и в германском уголовном законодательстве.[63] Здесь закон наказывал лишение свободы похищение несовершеннолетнего с целью принуждения его к безнравственным действиям; поощрение нищенства; недержание от воровства и подобных поступков; недержание от преступлений.

Несколько примитивными, по замечанию А. М. Рубашевой, в плане охраны интересов несовершеннолетних выглядели австрийские законы[64], которые карали безнравственные поступки – сводничество, оставление ребенка без присмотра, употребление ребенка для нищенства.

Как видим, российское право XIX столетия в части защиты детей от негативного влияния со стороны взрослых лиц не только выдерживало конкуренцию с западным, но и в некоторых случаях превосходило зарубежное законодательство.

Некоторое отставание отечественного законодательства от зарубежного можно наблюдать лишь в советский период истории. Для доказательства этого положения приведем некоторые положения УК ГДР (западного, но в тоже время социалистического государства). Так, немецкий Уголовный Кодекс уделял особое внимание посягательствам на процесс формирования личности ребенка. Это нашло отражение в первую очередь, в обширной Главе 4 «Преступные деяния против молодежи и семьи».[65] Наряду с прочими, в ней содержался ряд предписаний относительно защиты детей от негативного влияния взрослых лиц.

В соответствии с ч. 1 § 142 УК ГДР, кто пренебрегал родительскими или иными возложенными на него по закону обязанностями заботиться о физическом, умственном или нравственном развитии ребенка или подростка таким образом, что он:

---

[63] Там же. С. 66.
[64] Там же. С. 98.
[65] Уголовный и Уголовно-процессуальный Кодекс ГДР / Под ред. и с предисл. М.А. Гельфера. М., 1972. С. 90 – 94.

1) длительное время оставлял без внимания ребенка или подростка и тем самым умышленно или неосторожно причинял ущерб или ставил под угрозу его развитие;

2) жестоко обращался с ребенком или подростком;

3) путем серьезного нарушения своих обязанностей способствовал совершению ребенком или подростком уголовно наказуемых действий, наказывался лишением свободы на срок до двух лет или условным осуждением.

К этой же группе относилось деяние, указанное в § 143, согласно которому взрослый, который лишал ребенка предписанного государством семейного или домашнего воспитания или же склонял или помогал ему в том, чтобы уклониться от этого воспитания, наказывался общественным порицанием, штрафом или условным осуждением.

Особую группу в УК ГДР образовывали нормы о посягательствах на нравственное и физическое развитие молодежи. Так, § 145 предусматривал ответственность взрослого, который ставил под угрозу умственное или нравственное развитие ребенка или подростка тем, что он подстрекал его к антисоциальному образу жизни или склонял к совершению или к участию в уголовно наказуемом деянии, при условии, если ребенок или подросток не выполнял этих действий.

УК (в § 147) наказывал также взрослых, которые 1) подстрекали детей и подростков к злоупотреблению алкоголем; 2) вопреки своим обязанностям способствовали злоупотреблению алкоголем детьми или подростками, отпуская им алкогольные напитки, или же вопреки своим обязанностям не препятствовали злоупотреблению алкоголем.

В современной ситуации, когда основой для формирования национального законодательства в части охраны детства служат универсальные нормы Конвенции ООН о правах ребенка, существенного отличия уголовные законодательства зарубежных стран и России не обнаруживают. Уголовные кодексы зарубежных стран по-разному решают

проблему институционализации норм о защите интересов и прав несовершеннолетних: значительная их часть (УК Швейцарии, Испании, ФРГ, Польши, Казахстана) содержит отдельную главу о посягательствах против семьи и несовершеннолетних; другие же (УК Китая, Голландии) – нет. Несмотря на это основной комплекс прав ребенка в любом случае находится под уголовно-правовой охраной.

Важнейшим правом ребенка, которое охраняют все зарубежные уголовные законы, является его право на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

В некоторых странах соответствующий запрет сформулирован в самом общем виде. В частности, УК Голландии в ст. 240-а установил ответственность в виде тюремного заключения сроком до 2 месяцев или штрафа в 5 тысяч гульденов для того, кто «поставляет, предлагает или показывает несовершеннолетнему изображение или предмет, показ которых должен считаться вредным для лиц до 16 лет, зная или обоснованно предполагая при этом, что несовершеннолетний не достиг 16 лет».[66] Эту норму можно признать уникальной; аналогов ей в других кодексах нет. Равно как и нет аналогов ст. 135 УК Швейцарии, согласно которой «кто производит, ввозит, складирует, пускает в обращение, рекламирует, выставляет, предлагает, показывает, предоставляет или делает доступными звуковые записи, фотоснимки, изображения, другие предметы или показы, которые не подлежат защите в силу своей незначительной культурной или научной ценности, навязчиво изображают жестокость в отношении людей или животных и тем самым тяжким образом нарушает элементарные ценности» наказывается тюремным заключением до 3 лет или штрафом до 40 тысяч франков.[67] В основном, зарубежные УК запрещают распространение

---

[66] Уголовный Кодекс Голландии / Науч. ред. Б.В. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб., 2000.

[67] Уголовный Кодекс Швейцарии / Пер. с нем., предисл. А.В. Серебренниковой. М., 2000.

определенного, конкретного вида информации: о намерении совершить преступление, порнографического характера и т.д.

Особенностью зарубежных законов в ряде случаев является отсутствие специальной нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления и формулирование особого состава подстрекательства к преступлению. Так, УК Голландии в разделе V «Преступления против общественного порядка» содержит ст. 131, согласно которой «лицо, которое публично, устно либо в письменной форме, либо с помощью изображения подстрекает другое лицо или других лиц к совершению любого уголовного правонарушения и акта насилия против властей, подлежит сроку тюремного заключения не менее пяти лет или штрафу четвертой категории (25 тысяч гульденов)».

Более детально ответственность за это деяние регламентирована в УК штата Нью-Йорк.[68] В ст. 100 УК предусмотрел ответственность за «домогательство», иными словами, за подстрекательство любого лица к совершению какого-либо правонарушения. При этом ответственность, определяемая «степенью» домогательства, зависит от возраста лица, которое склоняют к правонарушению и вида этого правонарушения. Согласно § 100.05 лицо может быть признано виновным в домогательстве четвертой степени, если «будучи старше 18 лет, с намерением, чтобы другое лицо моложе 16 лет осуществило поведение, которое составило бы преступление, оно просит, требует, приказывает, домогается или как-либо еще пытается сделать так, чтобы это другое лицо осуществило такое поведение». Такое посягательство карается тюремным заключением до 1 года. Наказание может повышаться до 4 лет заключения, если малолетнее лицо склоняется к совершению преступления, наказываемого заключением свыше 1 года, и до 15 лет, если за преступление, к которому склоняли лицо до 16 лет, следует

---

[68] Уголовное право Соединенных Штатов Америки. Сборник нормативных актов / Сост., отв. ред. и автор вступит. ст. И.Д. Козочкин. М., 1986.

пожизненное тюремное заключение. Важное положение, касающееся рассматриваемого преступления, содержится в § 100.15, которое снимает многие теоретические и практические проблемы, связанные с его доказыванием; в соответствии с ним: «Нет защиты против преследования за уголовно наказуемое домогательство в том, что упрашиваемое лицо не могло быть виновным в преступлении, которое просили совершить, в силу уголовной безответственности».

В ст. 100 УК штата Нью-Йорк регламентирует вопросы ответственности за сговор на совершение преступления с одним или более лицами. При этом, как и в рассмотренном выше случае, он последовательно повышает санкции до 4, 7, 15 лет тюремного заключения, в зависимости от тяжести преступления, на совершение которого состоялся сговор, если лицо старше 18 лет было виновно в сговоре с лицом до 16 лет; собственно совершения преступления для наступления ответственности не требуется.

Еще одно важное положение содержится в § 115.00. Согласно ему, если какое-либо лицо старше 18 лет оказывает помощь лицу моложе 16 лет, намеревающемуся осуществить поведение, которое составило бы преступление, то есть осуществляет поведение, посредством которого этому лицу предоставляются средства или возможность для его совершения и которое фактически помогает этому лицу совершить преступление, оно подлежит тюремному заключению сроком на 1 год. Наказание повышается до 4 лет заключения, если оказывается помощь в совершении преступления, которое может быть наказано более чем одним годом тюремного заключения; и до 25 лет, если помощь оказывается в совершении преступления, караемого смертной казнью.

Анализ показывает, что в деле защиты детей от негативной информации законодательство зарубежных государств основные усилия сосредотачивает на защите детей от информации порнографического характера. Этому посвящен значительный объем нормативных предписаний исследуемых кодексов, которые помещены в главы о половых преступлениях

либо о преступлениях против общественной нравственности. Защита же несовершеннолетних от информации иного рода, распространение которой по УК РФ карается ст. 150, ст. 151, в этих законах либо не проводится вовсе, либо осуществляется фрагментарно. В любом случае она не проводится в главах, специально посвященных охране детей. На этом фоне отечественный кодекс выглядит более привлекательным, устанавливая запрет на пропаганду несовершеннолетним преступного и антиобщественного образа жизни. Тем не менее, в УК некоторых стран мы обнаруживаем нормы, не известные российскому закону, защищающие несовершеннолетних от информации, пропагандирующей насилие (Швейцария), а равно от любой негативной информации (Голландия). Полагаем, что заложенное в таком решении рациональное зерно вполне может быть востребовано отечественным законодателем при дальнейшем реформировании УК.

Зарубежные УК содержат и ряд предписаний о защите здоровья детей от алкогольной и иной продукции. Так, УК Голландии в ст. 252 детально регламентирует ответственность за спаивание несовершеннолетних: лицу, приведшему в состояние алкогольного опьянения ребенка младше 16 лет, грозит до девяти месяцев тюремного заключения; если в процессе спаивания применялось насилие, повлекшее смерть ребенка, срок заключения увеличивается до девяти лет. Более строгая ответственность за «простое» спаивание, до двух лет лишения свободы, предусмотрена в ст. 208 УК Польши. УК Швейцарии установил, что тот, «кто дает ребенку, не достигшему 16 лет, алкогольные напитки или другие вещества в количестве, которое может угрожать его здоровью, или наркотические вещества, или предоставляет их в распоряжение для потребления, наказывается тюремным заключением (до трех лет)». Целый ряд антинаркотических предписаний содержит и УК Китая.[69]

---

[69] См.: Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 1999.

Следует отметить, что нормы о защите здоровья детей в УК РФ в таком виде не указаны. Однако это вовсе не означает некачественности российского закона. Что касается защиты детей от алкоголя и наркотиков, то она в УК РФ проводится на достаточно высоком уровне, поскольку ст. 151 УК не требует наступления состояния опьянения для квалификации, тем самым упреждает вред здоровью ребенка.

Особого внимания в рамках этого раздела работы заслуживает, на наш взгляд, система норм об охране интересов несовершеннолетних в уголовном законодательстве стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Балтии. Проводимые в них социально-правовые преобразования основаны на единых международных требованиях о приоритете личности, ее прав и свобод, о первостепенном обеспечении интересов ребенка во всех странах его жизнедеятельности. Эти факторы, а также общность правовых традиций и правового менталитета определяют во многом сходные подходы государств Содружества и Балтии к реформированию уголовного законодательства в целом, и к криминализации посягательств на несовершеннолетних в частности.

Предварительно укажем, что общность правовых традиций, и даже нахождение в едином правовом поле в период существования СССР, не препятствовали наличию разнообразия в уголовном законодательстве союзных республик в части установления ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Аналогичные УК РСФСР формулировки данного преступления содержали УК Украинской ССР (ст. 208), Белорусской ССР (ст. 205), Азербайджанской ССР (ст. 215), Литовской ССР (ст. 214), Туркменской ССР (ст. 239). В УК других союзных республик давалось несколько иное определение вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность. Так, УК Эстонской ССР (ст. 202) предусматривал ответственность только за привлечение лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, к занятию преступной деятельностью; УК Узбекской ССР (ст. 218) определял это преступление как вовлечение

несовершеннолетнего в преступную деятельность или подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления». Аналогичная редакция содержалась в ст. 201 УК Казахской ССР, ст. 224 УК Молдавской ССР. УК Грузинской ССР формулировал рассматриваемое преступление как «подстрекательство несовершеннолетних к совершению какого-либо преступления, если эти действия не влекут по закону более тяжелого наказания».

Как видим, в ряде случаев на момент распада СССР и образования самостоятельных государств из бывших союзных республик, в их законодательстве существовали порой существенные отличия в части установления ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Создание Содружества Независимых Государств и протекающие в нем интеграционные процессы ставят на повестку дня решение вопроса о сближении, унификации уголовного законодательства стран СНГ, в том числе в части охраны детства.

Значительным шагом на пути сближения уголовного законодательства стран СНГ стало принятие 17.02.1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ Модельного Уголовного Кодекса - рекомендательного акта для государств Содружества.[70]

Модельный УК выделил самостоятельную главу о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, а статью о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений сформулировал следующим образом:

«Статья 167. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

---

[70] Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников СНГ // Известия вузов. Правоведение. 1996. № 1. С. 92-150.

(1) Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, - преступление небольшой тяжести.

(2) Те же действия, совершенные родителем, педагогом либо иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, - преступление средней тяжести.

(3) Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, - преступление средней тяжести.

(4) Действия, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в организованную группу или преступное сообщество либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, - тяжкое преступление».

Влияние Модельного Кодекса весьма заметно в новых уголовных законах стран СНГ, что создает единые стандарты в сфере охраны интересов несовершеннолетних. Вместе с тем, определенная специфика национальных правовых систем все же имеется и требует освещения.

Практически все государства СНГ в своих УК охране несовершеннолетних посвятили самостоятельную главу: «Против семьи, молодежи и нравственности» - в УК Узбекистана (1995.)[71]; «Против семьи и несовершеннолетних» - в УК Киргизии (1997.)[72], Казахстана (1997.)[73], Таджикистана (1998.)[74], Латвии (1998.)[75]; «Против несовершеннолетних и

---

[71] http: // www. lawlib. uz.

[72] http: // www. toktom. kg.

[73] Уголовный Кодекс Республики Казахстан. Челябинск, 1997.

[74] Новые законы Республики Таджикистан. Часть IX. Уголовно-процессуальный кодекс (изменения и дополнения). Уголовный кодекс (часть общая, часть особенная). Душанбе, 1998.

[75] Уголовный кодекс Латвийской республики. СПб., 2001.

семейный отношений» - в УК Азербайджана (1999.)[76]; «Против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних» - в УК Беларусь (1999.)[77]. Традиция невычленения особой главы, объединяющей посягательства на детей, сохранена в УК Украины (2001.)[78] и Эстонии (в редакции 2001.)[79], что, естественно мало отразилось на качестве соответствующих нормативных предписаний.

Защищая несовершеннолетних от вредной для их развития и здоровья информации, законы всех государств устанавливают запрет на вовлечение их в преступление.

Так, УК Украины в разделе XII «Преступления против общественного порядка и нравственности» предусмотрел ст. 304, которая грозит наказанием в виде ограничения свободы на срок до пяти лет или лишения свободы на тот же срок тому, кто вовлекает несовершеннолетнего в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, азартными играми.

УК Казахстана в ст. 131 также использует термин «преступная деятельность» и не раскрывает характеристики способов совершения данного преступления. Согласно закону «1. Вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста,- наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, - наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, -

---

[76] Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб., 2001.

[77] http: // ncpi. gow. by.

[78] Уголовный кодекс Украины. М., 2001.

[79] Уголовный Кодекс Эстонской республики. СПб., 2001.

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, - наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет».

УК Эстонии (ст. 202 УК) при описании признаков этого деяния также использует известный УК РСФСР (1960.) термин «преступная деятельность», и также как УК Украины объединяют в одной статье ответственность за вовлечение в преступную деятельность и иную антиобщественную, в частности, проституцию, к тому же эстонский закон не предусматривает квалифицирующих признаков преступления, как и Латвия (ст. 172 УК).

Остальные же государства описывают состав вовлечения в преступление в основном, с использованием терминологии, аналогичной УК РФ. Отличия заметны лишь в следующем.

В УК Беларуси анализируемая норма (ст. 172) сформулирована следующим образом:

«1. Вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом - наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же действие, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо совершенное родителем, педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, - наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в организованную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, - наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет».

В УК Киргизии отличия от российского закона при формулировании состава вовлечения наблюдаются только в части четвертой ст. 156, которая сконструирована следующим образом: «(4) Деяния, предусмотренные частями первой, второй и третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в организованную преступную группу или преступное сообщество либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, - наказываются лишением свободы на срок от восьми до десяти лет».

Как видим, УК Беларуси, Таджикистана (ст. 165), Киргизии (ст. 156) при характеристике квалифицирующего признака говорят об «организованной группе», «организованной группе или преступном сообществе», а не о «преступной группе»; УК Беларуси, Таджикистана, Азербайджана (ст. 170) при описании признаков специального субъекта в квалифицированном составе не упоминают о том, что обязанность воспитания несовершеннолетнего возложена на него законом. УК также по разному объединяют квалифицирующие признаки преступления в части статьи: Беларусь в ч. 2 ст. 172 УК объединяет признак насилия, угрозы его применения и признак специального субъекта, Азербайджан в ч. 3 ст. 170 УК объединяет признак насилия, угрозы его применения и вовлечение в преступную группу, тяжкое или особо тяжкое преступление. Следует заметить, что при описании квалифицирующих признаков преступления, с точки зрения юридической техники, наиболее безупречно выглядит УК Таджикистана, поскольку в нем каждый из признаков в рамках части статьи получил буквенный индекс. При этом сама ч. 4. ст. 165 УК Таджикистана выглядит следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего:

а) в организованную группу или преступное сообщество;

б) в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Спецификой Таджикского УК является примечание к рассматриваемой норме, которое отсутствует в законах всех остальных стран, и определяет, что «под понятием несовершеннолетний в настоящей главе понимаются малолетние и несовершеннолетние лица». Наличие этого примечания, с одной стороны, снимает вопросы о возможности привлечения к ответственности взрослого лица за вовлечение в совершение преступление лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а с другой – вводит в УК новое определение понятия несовершеннолетний, параллельно с тем, которое содержится в ст. 86 УК Таджикистана и определяет несовершеннолетнего как лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Проведенный сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства ряда стран СНГ и Балтии позволяет сделать вывод о преимущественно едином подходе законодателя этих стран к проблеме защиты ребенка от негативного влияния взрослых лиц. Вместе с тем дальнейшая правовая интеграция и усиление защиты детства требуют установления единых стандартов в области уголовно-правовой защиты несовершеннолетних, что может найти отражение в создании оптимальной модели уголовно-правовой нормы о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления на основе сравнительного и уголовно-правового анализа данного преступления.

Глава 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Юридический анализ состава любого преступления в уголовно-правовой литературе традиционно начинается с анализа признаков объекта преступления, при этом объект преступления считается частью, элементом состава преступления. Высказываемые в правовой теории идеи о вынесении объекта преступления за рамки его состава, поскольку признаки объекта подвижны и изменчивы,[80] не получили широкой поддержки в среде юристов. В связи с этим можно признать традиционным взгляд на объект преступления как на обязательный элемент состава преступления. В теории уголовного права объектом преступления признается то, на что направлена преступная деятельность виновного лица, что терпит ущерб или чему создается угроза причинения ущерба от преступления.

Разработка проблемы содержания объекта преступления ведется в отечественной науке достаточно давно, при этом, начиная с 1924 года (с известной работы А. А. Пионтковского[81]) большинством ученых поддерживалась мысль о признании общественных отношений в качестве единственного содержания объекта преступления.[82] Однако, в последнее время теория объекта преступления подверглась существенной ревизии. Так, А. В. Наумов последовательно отстаивает тезис о признании объектом

---

[80] См.: Фефелов П. А. Основания уголовной ответственности в советском праве //Советское государство и право. 1983. № 12. С. 87.

[81] Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924.

[82] Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Учеб. пособие. Волгоград, 1976; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969; Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001

преступлений благ, интересов, на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом.[83] Г. П. Новоселов считает, что объектом любого преступления выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих – как социум (общество).[84] С. И. Никулин полагает, что объектом преступления по уголовному праву следует признавать различного рода социальные и личные блага (интересы), общественные отношения и непосредственно человека – участника этих отношений.[85] Детальный анализ научных позиций относительно содержания объекта преступления не входит в предмет нашего исследования, однако, мы считаем необходимым заметить, что выдвигаемые в последнее время теории берут за основу определения объекта преступления ту или иную часть (элемент) общественного отношения – субъектов (люди), их права (интересы), предмет отношения (блага). В этой связи уместно напомнить и признать абсолютно верной позицию Б. С. Никифорова, который еще в 1956 году писал, что: «участники общественных отношений, носители, «субъекты» соответствующих возможностей, соответствующих охраняемых правом интересов, те государственные и общественные установления: государство, личность, государственный аппарат, вооруженные силы и т. д., которым причиняется вред, ущерб, урон, охватываются понятием объекта преступления; вместе с самими этими интересами они образуют составную часть объекта преступления».[86]

---

[83] Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Изд. 2-е. М., 2000. С. 159.

[84] Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60.

[85] Уголовное право Российской Федерации: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рарога. М., 1996. С.37

[86] Никифоров Б. С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву //Советское государство и право. 1956. № 6. С. 68.

Таким образом, по нашему мнению, нет оснований для отказа от традиционной теории признания общественных отношений содержанием объекта преступления.

Не менее значимой в рамках теории объекта преступления является проблема градации объектов «по вертикали». Современная структура Особенной части УК дает основание к возобновлению теоретической разработки проблем классификации объектов преступных посягательств. Рассматривая этот вопрос, ученые предлагают различные варианты его решения. Так, Р. Р. Галиакбаров выделяет общий объект; родовой, который является частью общего и определяется им в разделе Особенной части УК; видовой (групповой), который является частью родового, определяется в главе Особенной части УК и на который посягают преступления, предусмотренные статьями соответствующей главы; непосредственный - объект конкретного преступления.[87] Однако при таком подходе игнорируется тот факт, что в главах зачастую объединяются статьи, предусматривающие ответственность за преступления, имеющие различные видовые объекты; например, глава о преступлениях в сфере экономической деятельности объединяет налоговые преступления, преступления, связанные с недобросовестной конкуренцией и т.д. Кроме того, автор, говоря о соотношении общего, родового и видового объектов по принципу «часть – целое», не упоминает, к сожалению, о соотношении видового и непосредственного объектов, которое, очевидно, не может быть таким же. Г. Н. Борзенков, комментируя преступления в сфере экономической деятельности, утверждает, что объединение глав 21, 22, 23 в одном разделе (VIII) не означает создания какого-либо нового, надродового объекта.[88] С ним не согласен В. И. Динека, по мнению которого в разделе Особенной

---

[87] Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Учебник. Краснодар, 1999. С. 99 -102.

[88] Новое уголовное право России. Особенная часть. Учебное пособие /Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1996. С.124.

части УК РФ как раз и закреплен интегрированный (надгрупповой) объект.[89] В. Е. Мельникова утверждает, что в одних случаях разделы выделяются по родовому объекту, а внутри раздела может иметь место деление глав по видовому объекту. В других – раздел выделяется по сложному объекту, а глава – по родовому.[90] Однако в предлагаемом варианте кроется глубокая методологическая ошибка, ибо нельзя в рамках одной классификации использовать различные основания для выделения равных звеньев, а также нельзя применять одно основание для определения различных частей (видовой и родовой объект – для выделения глав, родовой и сложный – для вычленения раздела). В. И. Динека, выделяя видовой объект, закрепленный в норме Особенной части УК, наряду с родовым, определенным в главе, пишет, что преступления, объединенные рамками одной главы, не могут быть отграничены друг от друга по признакам объекта, так как он у них един.[91]

Список разночтений проблемы классификации объектов преступного посягательства можно было продолжить. Однако задача состоит не в этом. Для продолжения исследования объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления необходимо уяснить, что, во-первых, что само понятие классификации не может быть применено для характеристики деления объектов «по вертикали», поскольку в этом случае члены деления должны выделяться по единому основанию, исключать друг друга, а само деление быть непрерывным, чего не наблюдается ни в одном из рассмотренных вариантов деления объектов преступления на виды; во-вторых, что определенные общности объектов преступления можно обнаружить лишь в статье и главе Особенной части УК РФ, поскольку, по

---

[89] Уголовное право. Общая часть. Учебник /Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С.185-186.

[90] Уголовное право Российской Федерации: учебник /Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С.119.

[91] Уголовное право. Общая часть. Учебник /Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С.185-186.

нашему мнению, объединение преступлений в рамках раздела Особенной части УК не приводит к появлению нового объекта преступления.

Исходя из сказанного, определим содержание родового (определенного главой 20 УК) и видового (определенного ст. 150 УК) объектов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.[92]

Родовой объект анализируемого преступления представляет собой совокупность поставленных под охрану закона от преступных посягательств общественных отношений, обеспечивающих безопасность несовершеннолетних и семьи.

Интересы семьи и несовершеннолетних, безусловно, тесно взаимосвязаны. Семья, являясь неотъемлемой частью современной общественной системы, выступает одновременно и как инструмент для удовлетворения многообразных индивидуальных потребностей личности, и как социальный феномен, непосредственно влияющий на многие общественные процессы. Указанная вторая составляющая проявляется в том, что семья выступает в качестве первого института социализации ребенка, она «регулирует процесс нравственного и интеллектуального развития личности, способствуя активизации положительных воздействий, нейтрализуя отрицательные внешние факторы»[93]. В этих условиях преступное воздействие на семью непременно отражается на воспитании несовершеннолетнего и, наоборот, оказание негативного влияния на процесс формирования личности последнего является нарушением одной из функций семьи. Близость рассматриваемых социальных ценностей проявляется также в том, что семья является одним из основных источников средств существования для несовершеннолетнего, на семью в ряде случаев возлагается юридическая ответственность за совершенное им

---

[92] Анализ признаков общего объекта преступления входит в предмет исследования в силу своей специфичности.

[93] Соколов Э.В., Духович Б.Н. Семья как источник воспитательных воздействий //Семья как объект философского и социального исследования. Сб. ст. Л., 1974. С.144.

правонарушение и так далее. В тоже время следует заметить, что такая взаимосвязь интересов семьи и несовершеннолетних ее членов может наблюдаться не всегда. В частности, интересы семьи могут идти в разрез с интересами ребенка в ситуации, когда несовершеннолетний находится в социально неблагополучном семейном окружении.

Прием объединения в одной главе преступлений против семьи и несовершеннолетних используется в большинстве стран; не вызывает он критики и в большинстве научных работ по данной проблеме. Однако в ряде исследований отстаивается несколько иной взгляд на содержание родового объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. В частности, Ю. Е. Пудовочкин пишет: «интересы семьи являются, в анализируемых преступлениях (и то не во всех) дополнительным или факультативным объектом, а потому не могут быть указаны в наименовании главы 20 Особенной части УК. К тому же раздел VII УК объединяет, судя по наименованию, преступления против личности, а не против каких-либо социальных институтов, в которых эта личность растет и развивается».[94] Таким образом, автор предлагает исключить слово «семья» из названия главы 20 УК и именовать ее «Преступления против развития несовершеннолетних». Аналогичное предложение высказывал и К. К. Кусниденов, предлагая в условиях УК РСФСР создать главу «О преступлениях против нормального развития несовершеннолетних».[95] Следует заметить, что и те авторы, которые согласны с нынешним наименованием главы 20 УК, при ее анализе все равно подразделяют все преступления данной главы на две группы: преступления против семьи и преступления против несовершеннолетних. Вполне определенно на этот счет высказывание Ю. В. Усковой: «нам представляется, что в данной главе объединены две относительно самостоятельные группы статей. Каждая из

---

[94] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 85.

[95] Кусниденов К. К. Указ. Соч. С. 10.

них имеет свой видовой (групповой) объект посягательства. Наблюдается ситуация, когда в одной главе УК РФ законодатель в исключение из общего правила предусмотрел два самостоятельных видовых объекта. Каждый из них равноценен, ни один не находится с другим в соподчинении. Равноценность объектов связана с равной потребностью в интересах общества и государства одинаково охранять как интересы семьи в целом, так и интересы несовершеннолетних ее членов».[96]

Нам представляется, что такое понимание родового (видового) объекта рассматриваемого преступления вполне оправданно. Оно позволяет предложить законодателю выделить из состава главы 20 УК нормы, направленные на охрану интересов семьи в самостоятельную главу УК РФ, оставив в главе 20 только те преступления, которые причиняют или создают угрозу причинения вреда процессу развития несовершеннолетнего. В данном случае родовым объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления будет выступать группа общественных отношений, обеспечивающих нормальное развитие несовершеннолетних. «Нормальное развитие несовершеннолетних как комплекс общественных отношений охватывает ряд звеньев нормального физического, психического и нравственного развития, воспитания несовершеннолетних в духе уважения и соблюдения законов».[97] Следует дополнить, что, во-первых, нормальное развитие несовершеннолетних предполагает еще и нормальное их социальное развитие, то есть утверждение ребенка как самостоятельного и полноправного члена общества, самостоятельное или через посредников удовлетворение ребенком предоставленных ему прав, свобод и реализацию возложенных обязанностей; а во-вторых, что «нормальность» развития предполагает не только соблюдение законов. Даже в воспитательных колониях для несовершеннолетних, согласно Инструкции об организации

---

[96] Ускова Ю. В. Уголовно-правовая охрана семьи. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 11.

[97] Кусниденов К. К. Указ. Соч. С. 10.

воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Министерства внутренних дел Российской Федерации (утвержденной приказом МВД РФ № 201 от 2.04.1997.), воспитательная работа «заключается в планомерном и целенаправленном воздействии на осужденных в целях их исправления, формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общения, повышения общеобразовательного и культурного уровня, подготовки к самостоятельной правопослушной жизни в обществе».[98] Таким образом, следует признать, что и в обычной жизни нормальное воспитание и развитие предполагает и соблюдение законов, и уважение человека, его труда, традиций общения и т. д.

С учетом изложенного мы можем определить **родовой объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное физическое, психическое, нравственное и социальное развитие лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в духе соблюдения Конституции и законов Российской Федерации; уважения человека, его прав и труда; уважительного отношения к обществу, правилам и традициям человеческого общения; утверждения несовершеннолетнего в качестве самостоятельного и полноценного субъекта общественных отношений, свободно реализующего свои права и свободы.**

Развитие несовершеннолетнего происходит не только в процессе самовоспитания и самообразования, но и по большей части, в результате активного воспитательного воздействия на него стороны взрослых лиц. Воспитательную деятельность можно представить как «процесс сокращенного воспроизведения развития человечества в развитии отдельных индивидов, социального филогенеза в социальном онтогенезе»[99].

---

[98] Гарант – Справочная правовая система. Гарант 5.1.

[99] Харчев А.Г. Социология воспитания (о некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности).- М.: Политиздат, 1990.- С.16.

Воспитание, как условие развития личности, протекает в обществе на различных уровнях: на уровне малых социальных групп и на уровне социума в целом. Эти линии воспитания могут преследовать различные цели, идеалы семейного воспитания могут не совпадать с общественными, закрепленными в нормах общественной морали. Государство же призвано защищать имеющимися в его распоряжении средствами именно те ценности, которые сформировались на общесоциальном уровне, и не вторгаться в частную жизнь своих граждан. Идеалы семейного воспитания находятся под охраной закона лишь в той мере, в какой они соответствуют общественным. А потому объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является такое развитие несовершеннолетних, которое соответствует идеалу общественного воспитания последних, развития у них социально-значимых черт. Сознательная деятельность общества, направленная на получение определенных, предвиденных идеологических и психологических результатов, составляет вторичный по отношению к семейному воспитанию и самовоспитанию уровень и обладает самостоятельным значением. Одно из направлений указанной деятельности заключается в выявлении и усилении эффективности факторов наиболее благоприятных для формирования личности, а равно в нейтрализации и устранении, насколько это возможно, нежелательных для целей воспитания влияний, одним из проявлений которого является воздействие на несовершеннолетнего с целью склонения его к совершению преступлений. Само по себе несовершеннолетие служит обстоятельством, значительно облегчающим формирование у человека различных личностных девиаций, поскольку этот возраст отличается неустойчивостью жизненных позиций и мировоззренческих установок. Активный поиск собственного «Я», попытки самоутверждения и самореализации, сопровождаемые изменениями, протекающими на биологическом уровне, приводят личность несовершеннолетнего в состояние неустойчивого развития, при котором всякое воздействие может служить источником и основой развития той или иной личностной черты. В этих

условиях тлетворное, развращающее влияние взрослых приобретает особую общественную опасность, что и объясняет необходимость криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Видовой объект состава данного преступления соответствует непосредственному объекту в распространенной ранее трехчленной классификации.

В УК РСФСР (1961) аналогичная норма находилась в главе о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, в соответствии с чем в литературе определялся и ее родовой объект. К. К. Сперанский признавал им общественную безопасность, гарантирующую личную неприкосновенность.[100] С. С. Яценко, как представляется, был менее последователен в своих рассуждениях. Он полагал, что непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность является социалистическая нравственность, принципы половой морали и воспитания несовершеннолетних. А далее указывал, что вовлечение – двуобъектный состав, поскольку в результате его совершения вред причиняется не только общественному порядку (который понимался С. С. Яценко как «состояние фактически складывающихся в соответствии с правилами социалистического общежития и нормами морали общественных отношений, регулируемых и охраняемых уголовно-правовыми нормами, направленными на обеспечение спокойный условий общественно-полезной деятельности, отдыха и быта людей, общественной нравственности, выполнения конституционных обязанностей»), но и интересам несовершеннолетнего.[101] Общественный порядок, обеспечивающий надлежащее поведение граждан во взаимоотношениях между собой, моральную неприкосновенность личности, уважение к нравственным ценностям общества признавал основным объектом

---

[100] Сперанский К.К. Указ. соч. С.77-78.

[101] Яценко С. С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, 1976. С. 23, 39 – 40, 41 – 42.

рассматриваемого преступления И. Н. Даньшин, который также полагал, что дополнительным объектом вовлечения выступает нормальное физическое и правильное нравственное воспитание подрастающего поколения.[102] И. Я. Козаченко и Т. Ю. Погосян признавали объектом вовлечения общественный порядок и общественную безопасность.[103] В. Ф. Кириченко относил вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность к подгруппе преступлений против общественного порядка, составляющих проявление паразитизма.[104] Особое положение занимала точка зрения Е. А. Худякова, согласно которой объект вовлечения конструируется из двух: общественного порядка и объектов тех преступлений, в совершение которых втягивается подросток.[105] Однако ее вряд ли можно признать состоятельной, поскольку взрослый вовлекатель непосредственно не нарушает социальных благ, образующих последние объекты, кроме того, при неконкретизированном вовлечении они вовсе не подвергаются опасности. Оригинальную позицию занимал В. Ф. Иванов, который, признавая нормальное физическое развитие и правильное нравственное воспитание несовершеннолетнего дополнительным к общественному порядку объектом вовлечения, писал, что ущерб основному объекту опосредуется воздействием на дополнительный объект и что нарушение дополнительного объекта – есть непременное условие причинения вреда основному объекту.[106] Такая трактовка соотношения основного и дополнительного объектов преступления

---

[102] Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 147.

[103] Уголовный Кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С.561.

[104] Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1970. С. 6 - 7.

[105] Там же. С. 52.

[106] Иванов В. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего путем понуждения в преступную или иную антиобщественную деятельность //Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические аспекты. Межвуз. научн. сб. Саратов, 1987. Вып.3. С. 81.

представляется нам неправильной, поскольку именно основной объект служит критерием общественной опасности преступления.

В настоящее время, в связи с изменением местоположения анализируемой нормы в системе Уголовного закона, вопрос о признании общественного порядка, общественной нравственности, общественной безопасности в качестве объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления снят.

Однако единства во взглядах ученых относительно содержания видового объекта данного преступления не наблюдается.

С. В. Бородин, классифицируя все преступления, предусмотренные главой 20, по признаку непосредственного объекта, указывает, что преступление, предусмотренное ст. 150 УК относится к преступлениям против несовершеннолетних.[107] Однако такой подход не позволяет уяснить социальной сущности данного преступления и отграничить его от иных преступлений, в результате которых несовершеннолетнему причиняется вред.

Также неприемлемыми представляются утверждения Г. П. Новоселова и А. Е. Якубова. Г. П. Новоселов включает преступление, предусмотренное ст. 150 УК, в группу преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение каких-либо антиобщественных действий.[108] А. Е. Якубов, на основании непосредственного объекта преступлений, их характера и содержания выделяет среди преступлений главы 20 УК преступления, способствующие антиобщественной деятельности несовершеннолетних (ст. 150, 151), которые могут сопровождаться причинением вреда их здоровью (ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151).[109] Такое определение места вовлечения несовершеннолетнего в совершение

---

[107] Новое уголовное право России. Учебное пособие. Особенная часть … С. 91.

[108] Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов /Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов М., 2000. С.170-181.

[109] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник /Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 1997. С. 155-156.

преступления среди иных преступлений против развития несовершеннолетних не позволяет уяснить его сущности и отличие от иных преступлений.

А. А. Магомедов, справедливо заявив, что все преступления главы 20 «посягают по общему правилу и на интересы несовершеннолетнего, и на интересы семьи», относит анализируемое преступление к группе посягательств, связанных с нарушением интересов воспитания несовершеннолетнего путем непосредственного вовлечения его в совершение уголовно-наказуемых и иных антиобщественных действий.[110] Более конкретно высказались А. Г. Кибальник и И. Г. Соломоненко, которые считают объектом данного преступления, нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних.[111] Однако при таком подходе также затруднительно отграничить вовлечение в совершение преступления от иных преступлений, скажем, от развратных действий, которые причиняют вред нормальному развитию несовершеннолетнего; кроме того, отношения, обеспечивающие развитие несовершеннолетнего, отнесены указанными авторами к содержанию родового (видового) объекта преступлений главы 20 УК, в связи с чем выделение этих же отношений на уровне видового (непосредственного) объекта представляется не соответствующим законам формальной логики.

От всех приведенных позиций отличается позиция Ю. Е. Пудовочкина, который признает основным видовым объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления общественные отношения, обеспечивающие гарантированное ст. 17 Конвенции о правах ребенка его право на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.[112] Полагаем, что она

---

[110] Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник /Под ред. В. П. Ревина. М., 2000. С. 527.

[111] Кибальник А. Г. , Соломоненко И. Г. Лекции по уголовному праву. Ставрополь, 2000. С. 228.

[112] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 97.

является наиболее правильной, поскольку достаточно точно определяет, от чего именно охраняется процесс развития несовершеннолетнего статьей 150 УК РФ.

Право ребенка на защиту от негативной информации подтверждают международные и национальные нормативные источники. Так, ст. 17 Конвенции ООН о правах ребенка (1989)[113] установила, что государства – участники Конвенции обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к таким информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка. Обязанность государства содействовать распространению именно такой информации подтверждается и Законом РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998).[114] В ст. 14 этого закона, которая называется «Защита ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию», установлено, что «органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение».

Защита ребенка от негативной информации вытекает из требований ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка, в которой установлено, что ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право предполагает

---

[113] Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000. С. 306 – 323.

[114] Гарант – Справочная правовая система. Гарант 5.1.

свободу искать, поучать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка. Однако, согласно ч. 2 данной статьи, осуществление этого права может подвергаться некоторым ограничениям, однако этими ограничениями могут быть только те ограничения, которые предусмотрены законом и которые необходимы: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности или общественного порядка, или здоровья, или нравственности населения. К числу таких ограничений со всей очевидностью относится установленное в ст. 150 УК ограничение на распространение среди несовершеннолетних информации о возможности, допустимости, необходимости совершения преступлений. «Вовлечение несовершеннолетних взрослыми лицами в совершение преступления представляет повышенную общественную опасность для общества не только потому, что расширяет круг правонарушителей, но и потому что такие действия оказывают развращающее воздействие на неокрепшую психику несовершеннолетних, нарушают их нормальное духовно-нравственное развитие, прививают им искаженные ценностные ориентации».[115]

Таким образом, общественные отношения, обеспечивающие защиту ребенка от информации, наносящей вред его развитию, необходимо признать основным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступление. Принимая во внимание, что состав вовлечения несовершеннолетнего признается нами формальным составом преступления, необходимо заметить, что при квалификации анализируемого преступления «установление объекта обеспечивается путем установления противоправности совершенного деяния, а причинение вреда фактическим общественным отношениям презюмируется, причем презумпция эта в

---

[115] Игнатов А. Н. Преступления против семьи и несовершеннолетних //Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации /Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 321.

большинстве случаев является неопровержимой».[116] Это замечание особенно важно, поскольку установить в практической деятельности размер и вид вреда, причиненного развитию несовершеннолетнего, не представляется возможным в силу отсутствия каких-либо объективных, материальных изменений в развитии общественных отношений, образующих объект рассматриваемого преступления. Кроме того, криминологические исследования показывают, что среди вовлекаемых в совершение преступлений несовершеннолетних высок процент тех, кто до совершения в отношении преступления вел антиобщественный образ жизни (почти половина вовлекаемых в преступление подростков на момент вовлечения состояла на учете в органах внутренних дел). Это свидетельствует о том что фактические общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие несовершеннолетнего, на момент вовлечения его в совершение преступления уже были ущербны. Однако судебная практика совершенно справедливо не ставит квалификацию вовлечения в зависимость от предшествующего поведения несовершеннолетнего. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 16 от 03. 12. 1976 г. прямо указывалось: «для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 210 или 210^1 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, не имеет значения поведение несовершеннолетнего до момента его вовлечения взрослым лицом в преступную или иную антиобщественную деятельность либо доведения до состояния опьянения (ранее употреблял спиртные напитки или наркотические вещества, совершал преступления или другие антиобщественные действия)».[117] Таким образом, у суда нет необходимости в каждом конкретном случае устанавливать насколько глубоко были затронуты вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления общественные отношения, обеспечивающие его развитие, какой именно вред был ему причинен, действительно ли он был причинен, повлиял ли факт

---

[116] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Изд. 2-е. М., 1999. С. 132.
[117] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 126 – 127.

вовлечения на направленность личностного развития несовершеннолетнего. Достаточно установить лишь противоправность содеянного взрослым лицом. Степень же отрицательного воздействия взрослого лица на несовершеннолетнего может быть учтена судом лишь при индивидуализации уголовного наказания.

Признавая отношения, обеспечивающие защиту детей от негативной информации, основным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, следует отметить, что «почти каждое преступление посягает не на одно, а на несколько смежных общественных отношений»,[118] что «группируя преступления по главам, уголовный кодекс учитывает лишь основную направленность данного преступления, наиболее ванную часть общественных отношений, на которые оно посягает, выделяет главный объект».[119]

В этой связи представляется необходимым уяснить содержание объекта преступления в квалифицированном составе преступления, предусматривающем ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершаемое с применением насилия или угрозой его применения; а также за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу. Находящийся в плоскости другого родового объекта он всегда претерпевает изменения наряду с основным объектом, что дает основание считать его дополнительным объектом преступления.

Направленность насилия в ч. 3 ст. 151 УК не определена, следовательно, оно может быть применено и в отношении самого несовершеннолетнего, и в отношении других лиц. Представляется, что в последнем случае содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с применением или угрозой применения насилия и соответствующее насильственное преступление против личности независимо

---

[118] Кудрявцев В. Н. Указ. Соч. С. 130.

[119] Там же. С. 34.

от объема применяемого насилия, поскольку в результате совершения такого рода преступления причиняется вред двум самостоятельным объектам. Определение же объекта преступления в случае применения насилия в отношении самого несовершеннолетнего вовлекаемого должно быть поставлено в зависимость от объема применяемого насилия, его характеристики. Подробный анализ насильственного вовлечения будет проведен нами ниже, здесь же отметим, что дополнительным объектом данного преступления будет выступать телесная неприкосновенность, психическое и физическое здоровье несовершеннолетнего.

Что касается вовлечения несовершеннолетнего в преступную группу, то, на наш взгляд, дополнительным объектом данного преступления следует признать общественную безопасность, поскольку создание ряда преступных групп (банд, незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ и др.) создает реальную угрозу причинения вреда состоянию защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (см. ст. 1 Закона РФ «О безопасности» (1992)[120]).

Рассматривая проблему определения объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, необходимо остановиться на характеристике потерпевшего от этого преступления, который традиционно в теории считается факультативным признаком объекта преступления. В тоже время в науке и практике признается, что если какой-либо факультативный признак указывается законодателем в числе признаков основного состава преступления он приобретает качество обязательного признака состава преступления.[121] В диспозиции ч. 1 ст. 150 УК прямо указано, что действия взрослого лица направлены против несовершеннолетнего. Следовательно, в структуре состава анализируемого

---

[120] Гарант– Справочная правовая система. Гарант 5.1.

[121] Гаухман Л. Д. Указ. Соч. С. 46.

преступления несовершеннолетний признается обязательным признаком объекта преступления, а точнее потерпевшим.

В уголовно-правовой литературе под потерпевшим (как физическим лицом) понимается «лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный вред, либо нарушены его законные права»,[122] лицо, «в случае причинения ему непосредственно преступлением физического, материального и психического вреда».[123] В литературе разработаны и базовые элементы уголовно-правового понятия «потерпевший».[124] Ими являются следующие факторы:

1 - потерпевший должен являться субъектом права, то есть участником охраняемых законом общественных отношений;

2 - наличие реального вреда или возможности его причинения;

3 - запрещенность причинения вреда именно той нормой, за нарушение которой виновный привлечен к уголовной ответственности.

В исследуемой нами категории дел эти три элемента налицо, а потому жертвы преступления, предусмотренного ст. 150 УК, могут признаваться потерпевшими в уголовно-правовом и процессуальном смыслах этого понятия. Акт признания лица потерпевшим служит юридической предпосылкой к тому, чтобы данное лицо получило комплекс специфических процессуальных прав, ядром которого является право на участие в собирании и оценке доказательств, которые используются для доказывания того, что их обладатель действительно пострадал от преступления. В изученных же уголовных делах постановление о признании несовершеннолетнего потерпевшим от преступления отсутствует. Придание статуса потерпевшего

---

[122] Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика. Ставрополь, 2000. С. 29.

[123] Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего как обстоятельство, влияющее на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания субъекта преступления. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 7.

[124] Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988.С.9.

несовершеннолетней жертве вовлечения сопряжено с рядом трудностей. Одна из существенных связана с тем, что вовлекаемые подростки все таки в результате воздействия взрослых лиц совершают преступление, что является основанием для привлечения их к ответственности и придания им статуса обвиняемых. В свете этого факта затмевается их положение как потерпевших, что является недопустимым. В связи с этим возникает необходимость обратить внимание следственно-прокурорских и судебных работников на вопросы соблюдения процессуальных прав несовершеннолетних жертв преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в части придания им статуса потерпевшего, что является гарантией соблюдения принципа законности и гуманизма в отправлении правосудия.

В науке предложены различные рекомендации относительно возможности признания несовершеннолетних вовлекаемых потерпевшими от преступления. Так, вряд ли можно согласиться с утверждением Ю. Е. Пудовочкина о том, что такое признание должно происходить в любом случае.[125] Весьма категорично, а потому также не вполне правильно, на этот счет высказался Л. Л. Каневский, указавший, что «если вовлекаемый в преступную и иную антиобщественную деятельность является малолетним (не достигшим 14 лет), его целесообразно, как правило, рассматривать как потерпевшего от действий взрослого. Когда вовлекаемый подросток достиг 14 лет, признание его потерпевшим может быть произведено в исключительных случаях. Это связано с возросшей возможностью несовершеннолетнего противостоять отрицательному влиянию взрослого».[126] Полагаем, что ставить признание потерпевшим

---

[125] Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и профилактики. Ставрополь, 2000. С. 34 – 35.

[126] Каневский Л. Л. Особенности предмета доказывания, планирования и организации взаимодействия по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность и иные формы антиобщественного поведения // Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение. Сб. науч. тр. М., 1981. С. 54 – 55.

несовершеннолетнего вовлекаемого в зависимость от того, противостоял ли он, и если да, то насколько, влиянию взрослого вовлекателя, крайне недопустимо.[127] Для признания несовершеннолетнего потерпевшим от вовлечения в совершение преступления (если деяние взрослого не содержит признаков насилия) необходимо установить, что были нарушены фактические общественные отношения, составляющие объект рассматриваемого преступления, что процессу развития подростка был причинен реальный вред или создана угроза реального причинения вреда. А для этого необходимо выяснить уровень и направленность развития несовершеннолетнего, существовавшие на момент вовлечения его в преступление. Если развитие и воспитание несовершеннолетнего имели социально одобряемую направленность, то вовлечение его в преступление, несомненно, причиняет вред его развитию и служит основанием для признания несовершеннолетнего вовлекаемого потерпевшим; в противном случае оснований для такого признания нет. Полагаем, вслед за Л. Л. Каневским, что в любом случае есть основания для признания потерпевшими малолетних лиц, вовлекаемых в преступление, поскольку они не способны правильно оценивать смысл и значение тех поступков, в совершение которых их привлекает взрослый субъект. Показательно в этом отношении уголовное дело по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 ч. 4 УК РФ, рассмотренное Карачаевским городским судом Карачаево-Черкесской Республики. Из материалов дела следует, что Д. после распития спиртных напитков уговорил восьмилетнего сына своей сожительницы Н. перелезть через забор во двор к соседу и похитить стоящих во дворе клеток кролика.[128] Активное, настоятельное воздействие на восьмилетнего ребенка в противоправных целях со стороны

---

[127] См. по этому поводу: Чечель Г. И. Жестокий способ совершение преступления против личности: уголовно-правовые и криминологические исследования. Ставрополь, 1992. С. 110 – 112.

[128] Архив суда г. Карачаевска КЧР за 2001 год.

лица, которое совместно с ним проживает, и которое, если не по закону, то в силу правил человеческого общежития обязано позитивно на него влиять и воспитывать, которому несовершеннолетний испытывает доверительные чувства, не может пройти незамеченным для развития этого ребенка. Авторитетный человек заявляет о возможности совершения кражи; естественно, что в подобной ситуации совершенное ребенком деяние, даже после судебного разбирательства, не будет однозначно осознаваться как запретное. В итоге развитию ребенка причине серьезный вред, а суд признает его всего лишь свидетелем совершенной кражи, в то время как сосед, у которого украли крольчиху стоимостью 120 руб. (в ценах 2001 года) признается судом потерпевшим. Нелогичность такой ситуации, на наш взгляд очевидна. Если несовершеннолетнему причиняется или создается угроза причинения вреда, он должен признаваться потерпевшим от преступления.

С проблемой причинения вреда фактическим отношениям, составляющим объект рассматриваемого преступления, тесно связан вопрос об установлении нижнего порога несовершеннолетия для потерпевшего от него. В науке было высказано мнение о необходимости установления нижнего предела несовершеннолетия при вовлечении в преступную и иную антиобщественную деятельность[129]. Аргументировалось оно следующим образом. Поскольку вовлечение предполагает двустороннюю психическую связь вовлекающего и вовлекаемого, эта связь должна отражать способность вовлекаемого осознавать значение совершаемого, оценивать существо своих поступков. А для этого возраст и способность восприятия ребенка должны быть такими, чтобы вовлечение могло реально отразиться на его нравственном развитии. Предполагалось во всяком случае устанавливать уровень развития ребенка и характер его субъективной связи со взрослым. Надо сказать, что современный УК РФ воспринял это положение, определяя понятие несовершеннолетнего в ч. 1 ст. 87. Основываясь на данном

---

[129] Преступления против общественной безопасности, общественного порядка ... С.53.

определении, некоторые юристы прямо указывают, что «если в совершение преступления вовлекается малолетнее лицо, то виновный является посредственным исполнителем преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ), а ответственность вовлекающего по ст. 150 УК РФ исключается, так как малолетнее лицо не может совершить преступление по определению – в силу недостижения минимального возраста уголовной ответственности. Также надо расценивать случаи вовлечения несовершеннолетних в возрасте 14 - 15 лет в совершение деяний, уголовная ответственность за которые установлена по общему правилу (то есть с 16 лет)».[130] Неудачность подобного толкования очевидна. Установление нижнего предела несовершеннолетия неоправданно сужает рамки уголовно-правовой охраны. Субъективный характер воспитания и формирования личности, с одной стороны, предполагает факт осознания несовершеннолетним оказываемого на него негативного воздействия, но с другой, формальный состав вовлечения не охватывает наступления последствий, не включает собственно деформации личности несовершеннолетнего. Для закона не важно, осознает ли подросток нависшую над ним угрозу деградации, значимо только одно - осознание общественной опасности вовлечения самим вовлекателем. Общественная опасность вовлечения девяти - двенадцатилетних подростков не меньше, а в некоторой степени и выше вовлечения пятнадцати - семнадцатилетних. Подавить очаги внутреннего сопротивления малолетних проще, их психологические структуры более податливы, социальный опыт незначительнее. Если отражение подобных факторов в сознании вовлекателя не приводит к изменению его поведения, это может свидетельствовать лишь о его более стойкой антиобщественной направленности, что может учитываться судом при назначении наказания.

---

[130] Кибальник А. Г. Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права … С. 285.

§ 2. Объективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Объективная сторона преступления, по верному определению В. Н. Кудрявцева, представляет собой «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата».[131] При этом известно, что не все признаки объективной стороны преступления входят в содержание объективной стороны состава этого преступления. Законодатель отбирает и фиксирует в тексте закона лишь наиболее важные, узловые, отражающие общественную опасность деяния признаки. При этом в науке определены условия, при которых достигается паритет между общественно опасными видами поведения и их уголовно-правовым отражением. В частности, для достижения такого паритета необходимо, чтобы: 1) описание объективной стороны общественно опасного деяния охватывало все варианты поведения индивидов, способные причинить вред, на предотвращение которого направлена норма; 2) описание объективной стороны строилось так, чтобы предусматривать все реальные обстоятельства, при которых возможно причинение одинаково опасного вреда охраняемому объекту; 3) признаки, при которых действительно увеличивается общественная опасность содеянного, выделялись как отягчающие обстоятельства и строго ранжировались по степени общественной опасности; 4) описание субъекта включало всех лиц, которые своим поведением способны вызывать наступление одних и тех же общественно опасных последствий.[132] С этих позиций попытаемся

---

[131] Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 9.

[132] Гонтарь И. Я. Понятия «преступление» и «состав преступления» в аспекте диалектической логики //Современные проблемы уголовного права и криминологии. Сб. науч. тр. Владивосток, 1991. С. 24 – 25.

рассмотреть, насколько адекватно норма о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступление отражает общественную опасность данного преступления и соответствует задачам всесторонней охраны прав и интересов несовершеннолетних.

Законодатель, определяя преступность деяния, различным образом конструирует описание объективной стороны, включая или не включая наступление последствий в число минимально необходимых признаков, в зависимости от чего определяется момент окончания преступления. Рассматриваемый нами состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является формальным, а это означает, что наступление последствий выходит за рамки состава, то есть совокупности минимальных и необходимых признаков, и для возложения уголовной ответственности достаточно совпадения характеристик совершенного деяния с его признаками, зафиксированными в диспозиции статьи Особенной части УК. Наступление же последствий иногда может заслуживать самостоятельной уголовно-правовой оценки или, во всяком случае, учитываться судом при назначении наказания.

Вместе с тем, в науке встречается и другой подход к определению вида состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. В частности, С. Ш. Ахмедова утверждает: «состав вовлечения малолетнего или несовершеннолетнего в совершение преступления по описанию в законе его объективной стороны относится к материальным. Оконченным преступление должно считаться в момент наступления общественно опасных последствий – совершение малолетним иди несовершеннолетним преступления, хотя бы на стадии приготовления к нему».[133] Аналогичного мнения придерживаются А. Г. Кибальник и И. Г. Соломоненко, указывая: «представляется более правильным считать моментом окончания этого преступления начало совершения вовлеченным несовершеннолетним собственно преступных действий (как минимум – приготовления к преступлению, в которое тот

[133] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 25.

вовлечен)».[134] И. П. Лановенко и В. И. Попов также пишут, что вовлечение без всяких видимых последствий – это не так преступление, как проявление несостоявшимся вовлекателем своего аморального «Я», что вовлечение – это не только деяние, но и последствие, под которым они понимают реальный ущерб нормальному развитию несовершеннолетнего.[135] Такой подход основывается на утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03. 12. 1976 г., согласно которому, если, несмотря на воздействие взрослого лица, «подросток не стал участвовать в совершении преступления (хотя бы на стадии приготовления или покушения), действия взрослого должны расцениваться как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность».[136]

В современных условиях считаем приведенные позиции несостоятельными. Еще в 1972 году в определении Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР по делу У. и Ц. указывалось, что ответственность по ст. 210 УК РСФСР за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность наступает независимо от фактического совершения несовершеннолетним преступления или участия в нем.[137] Этот подход нашел подтверждение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14. 02. 2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», согласно которому «преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий».[138] К такому же решению вопроса склоняется и большинство ученых, анализирующих проблемы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления. Г. М. Миньковский и Г. З. Брускин говорят о том, что состав рассматриваемого преступления является

---

[134] Кибальник А. Г. Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права … С. 284.
[135] Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность … С. 97.
[136] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 126.
[137] Вопросы уголовного права и процесса … С. 254.

формальным, поскольку вовлечение представляет собой определенный процесс воздействия взрослого на несовершеннолетнего.[139] В. Ф. Иванов утверждает, что состав является формальным, поскольку последствия преступления не могут быть точно определены и зафиксированы.[140] С. С. Яценко (в условиях прежнего УК) аргументировал формальный характер данного состава преступления тем, что факт совершения деяния представляет собой и процесс нарушения общественного порядка.[141] Пудовочкин Ю. Е. утверждает, что «если исходить из того, что преступление окончено с момента причинения вреда объекту посягательства, то необходимо признать, что вред развитию несовершеннолетнего причиняется не в результате совершения им преступления (точнее сказать, вред ему причиняется и в этом случае, но это вред, причиненный себе самому), а в процессе негативного воздействия взрослого лица. Поэтому вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует считать оконченным с момента выполнения виновным действий по вовлечению».[142]

Вместе с тем, формальный характер состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не означает, что данное преступление является беспоследственным. М. И. Ковалев совершенно справедливо заметил, что «любая форма активности, даже самое элементарное телодвижение, вызывает соответствующие изменения во внешнем мире».[143] Вместе с тем, характеристике последствий вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в уголовно-правовой литературе уделяется незначительное внимание. Н. Бабий указывает, что в результате вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность вред причиняется всему нравственному и физическому развитию

---

[138] Бюллетень Верховного Суда РФ 2000. № 4. С. 10.
[139] Миньковский Г. М., Брускин Г. З. Указ. Соч. С. 8.
[140] Иванов В. Ф. Указ. Соч. С. 84.
[141] Яценко С. С. Указ. Соч. С. 42.
[142] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних …С. 100 – 101.
[143] Ковалев М. И. Общественно опасные последствия и диспозиция уголовного закона // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 38.

несовершеннолетнего.[144] Е. А. Худяков также пишет, что объективным последствием преступления, предусмотренного ст. 210 УК РСФСР является нарушение правильного нравственного развития несовершеннолетних.[145] В тоже время К. К. Сперанский определил последствия вовлечения в преступную деятельность как угрозу причинения подростку нравственного и физического вреда.[146]

Для правильного определения последствий вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, необходимо решить поднятые в науке теоретические вопросы о том, может ли выступать в качестве последствия преступления угроза причинения вреда или последствие представляет собой всегда реальный вред; а также вопрос о том, могут ли выступать в качестве последствий преступления изменения во внешнем мире, не описанные в статье Особенной части УК РФ. На первый вопрос следует дать, безусловно, положительный ответ, поскольку законодатель и сам признает возможность наступления общественно опасных последствий в качестве последствий некоторых преступлений (см., например, ст. 215 УК РФ). Постановка же второго вопроса представляется не вполне правомочной, поскольку она не учитывает различия между последствиями реального преступления и последствиями как элементом состава преступления; первые могут быть и не указаны в законе, а вторые становятся признаком состава преступления только в случае, если указываются в законе.

Таким образом, и реальная деградация личности несовершеннолетнего, и угроза таковой, не являясь признаком состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, могут иметь место в реальной практике. Законодатель стремится не просто предотвратить распад социально значимых и одобряемых связей, но и исключить саму возможность последнего, а потому и не связывает наступление уголовной

---

[144] Бабаий Н. Уголовная ответственность за спаивание несовершеннолетних. Мн., 1986. С. 14.
[145] Преступления против общественной безопасности, общественного порядка … С. 53.

ответственности за вовлечение с фактом причинения или угрозы причинения вреда развитию несовершеннолетнего.

Формальный состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления включает в число признаков объективной стороны лишь признаки действия и описание способов его совершения. В качестве преступного действия в ст. 150 УК РФ закон называет вовлечение. Содержание данного понятия было раскрыто нами ранее. В рамках настоящего раздела работы отметим лишь те его характеристики, которые имеют непосредственное отношение к квалификации данного преступления.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления внешне напоминает подстрекательство его к совершению преступления. Однако обосновать уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления только как за подстрекательство его к совершению преступления не представляется возможным по ряду причин: во-первых, действия, составляющие вовлечение, по своему содержанию и воздействию шире, чем подстрекательство; во-вторых, преступным закон признает не только вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, но в вовлечение его в совершение предусмотренных УК, но ненаказуемых действий и в преступную группу; в-третьих, закон должен отразить специфическую, повышенную опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления по сравнению с подстрекательскими действиями в отношении взрослых людей.[147]

С объективной стороны вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может иметь три формы:

1) неконкретизированное вовлечение, при котором происходит психологическая обработка несовершеннолетнего, привитие ему преступного

---

[146] Сперанский К.К. Указ. Соч.- С.96.

[147] Рапопорт Е. А. Уголовно-правовые основы предупреждения преступлений. Диссертация … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 150.

образа жизни, вербовка в ряды преступного мира, и которое встречается в 15 % всех случаев вовлечения;[148]

2) конкретизированное вовлечение, при котором взрослый стремится сформировать у несовершеннолетнего самостоятельный умысел на совершение преступления, так называемое подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления, наблюдаемое в 19 % дел;

3) конкретизированное вовлечение, при котором несовершеннолетний привлекается к совершению задуманного взрослым преступления в качестве соисполнителя или пособника, которое присутствует в 66 % случаев вовлечения.

Первая форма – самая сложная с точки зрения практического восприятия, фактически недоказуемая. Подготовка несовершеннолетнего к участию в преступлении предполагает заранее спланированную, продуманную деятельность по формированию антиобщественной установки личности несовершеннолетнего. Она может протекать в форме агитации, пропаганды преступного и принижения значимости законопослушного образа жизни, восхваления «прелестей воровской романтики». Указанная деятельность взрослых может осуществляться как интеллектуальными (информационными), так и физическими способами воздействия. К. К. Сперанский называет среди них: задабривание, восхваление отдельных черт характера подростка, воспитание у подростков низменных чувств и инстинктов, культивирование паразитического образа жизни, а также спаивание подростка, постановка его в материальную зависимость, обучение на месте преступления воровским приемам и другим навыкам.[149]

В некоторых случаях психологическое воздействие на несовершеннолетнего в процессе вовлечения может быть определено при помощи разработанного в психологии понятия манипуляции, понимаемого как «вид психологического воздействия, используемый для достижения

---

[148] Здесь и далее данные К.К. Сперанского. См.: Сперанский К.К. Указ. Соч. С. 87, 92, 95.

[149] Там же. С. 84 – 85.

одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий».[150] Последний характеризуется следующими параметрами:

1) наличием мишени воздействия (Известно, что оно строится, в основном, в расчете на низменные влечения человека, его агрессивные стремления. Изучение уголовных дел показало, что 31,9% подростков, вовлекаемых в преступную деятельность, обладают такими отрицательными качествами как злобность, агрессивность, раздражительность. Именно на них (а также на повышенную внушаемость) опирается взрослый вовлекатель);

2) оперированием информацией (обещания, обман и др.), а равно использованием определенных средств принуждения и применением силы;

3) тайным характером манипулятивного воздействия (При этом наиболее тщательно скрывается не сам факт манипуляции, а истинные намерения манипулятора);

4) расчетом на машиноподобие адресата воздействия, на осуществление им запрограммированных действий в ответ на те или иные влияния со стороны партнера по общению.

Манипуляция может осуществляться через безличные элементы (посредством внешней организации, создания условий ожидаемого действия) и путем использования личностных структур вовлекаемого. Признание того, что несовершеннолетний - личность является вынужденным и случается в том случае, когда принуждение или обман невозможны или нежелательны. Личность здесь выступает серьезным препятствием, обойти которое можно за счет формального признания ее существования. Дать несовершеннолетнему понять, что он не игрушка в чужих руках, а вполне самостоятельный человек возможно, если переложить на него ответственность за совершаемые действия. «Глубинная сущность манипулятивного воздействия заключается в стремлении переложить

---

[150] Доценко Е.Л. Механизмы межличностной манипуляции // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1993. №4. С.3.

ответственность за совершаемые действия на адресата, тогда как выигрыш достается манипулятору».[151]

В изученных нами уголовных делах не встретилось ни одного преступления, совершенного в форме агитации пропаганды преступного образа жизни. Причина этого проста. Как правило, дела о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления возбуждаются лишь в процессе расследования какого-либо преступления, самостоятельно или с участием взрослого совершенного несовершеннолетним (по нашим данным все 100 % случаев вовлечения закончились совершением преступления несовершеннолетним совместно с взрослым вовлекателем). В этой ситуации Уголовный закон реализует исключительно карательную функцию, превентивный его потенциал сведен в нулю. Закон, а также практика его применения, не предупреждает пагубное воздействие взрослых на несовершеннолетних, а лишь пассивно отвечает на совершенное преступление.

Такое положение дел нельзя признать удовлетворительным. Оно требует скорейшего изменения в части усиления профилактической работы правоохранительных органов.

Конкретизированное вовлечение (подстрекательство) является более распространенным и осязаемым. Подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления в своем логическом развитии проходит три этапа: 1) воздействие на психику несовершеннолетнего с целью возбудить у него решимость совершить преступление; 2) возникновение такой решимости у подростка; 3) совершение им преступления. Однако в силу особенностей конструкции состава преступления вовлечение будет считаться оконченным уже на первом этапе. Как и любое другое подстрекательство к совершению преступления действия взрослого должны предшествовать совершению преступления несовершеннолетним (хотя последнее и не обязательно для наличия состава вовлечения в преступление). В этой связи весьма характерно

---

[151] Там же. - С.10.

постановление Президиума Кировского областного суда от 01. 02. 1995 г. по делу З.

Первомайским районным судом З. осуждена по ст. 102 и 210 УК РСФСР. Она признана виновной в совершении умышленного убийства своего мужа З-а и в вовлечении своей 11-летней дочери С. в преступную деятельность. 11 ноября 1992 г. после 17 часов между З. и З-ым, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, произошла ссора на почве злоупотребления последним спиртными напитками. В ходя ссоры З. причинила мужу две ссадины на лбу, относящиеся к легким телесным повреждениям без расстройства здоровья. З-в угрожал жене уничтожить или продать их имущество с целью получения денег на водку, затем уснул на кухне, сидя в кресле. З. из личных неприязненных отношений решила убить мужа. Она сказала дочери, что задушит мужа, издевательства которого больше терпеть не может, после чего ночью они спрячут труп. Около 21 часа З. задушила мужа махровым полотенцем, а примерно в 3 часа ночи разбудила дочь, с помощью которой вытащила труп, завернутый в одеяло, на улицу. От подъезда они выволокли труп на территорию строящегося дома и столкнули в котлован, а затем приняли меры к сокрытию следов преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда оставила приговор без изменения. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений в части осуждения З. по ст. 210 УК РСФСР. Президиум Кировского областного Суда 01. 03. 1995 г. приговор в части осуждения З. по ст. 210 УК отменил, дело по этому обвинению прекратил, указав следующее.

В нарушение ст. 314 УПК РСФСР суд в описательной части приговора не указал, в совершение какого именно преступления З. вовлекала несовершеннолетнюю дочь, а также не привел доказательств, на основании которых основан вывод суда о совершении ею действий по вовлечению дочери в преступную деятельность. Органами предварительного следствия З. обвинялась в том, что свою несовершеннолетнюю дочь привлекла в качестве

пособника в совершении убийства З-а. однако ни предварительным следствием, ни судом не установлено доказательств, подтверждающих это обвинение. Органы предварительного следствия основывались на показаниях З., впервые допрошенной в качестве подозреваемой. Она пояснила, что сообщила дочери о своем намерении задушить мужа, после убийства мужа разбудила ее, и дочь согласилась вынести труп. Однако несовершеннолетняя С. ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании не говорила, что дала такое согласие. Напротив, в судебном заседании С. заявила, что пыталась остановить мать, но та сказала, что все равно задушит мужа. В судебном заседании З. утверждала, что попросила помочь вынести труп *только после* убийства мужа *и до этого не заручалась согласием* дочери. Основываясь на этом, Президиум Кировского областного суда не признал в действиях З. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РСФСР.[152]

Однако в цитированном постановлении содержится фраза, заставляющая обсудить один немаловажный вопрос о квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления со специальным субъектом. В качестве одного из аргументов отказа в преследовании З. по ст. 210 УК РСФСР Президиум Кировского областного суда указал: «в соответствии с ч. 2 ст. 18 и ч. 2 ст. 19 УК РСФСР С. (и при достижении возраста, при котором наступает уголовная ответственность) не могла бы нести уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство и недонесение в силу ее близкого родства с осужденной, то есть действия С. не являлись преступными».

На наш взгляд, этот аргумент и основанное на нем судебное решение не могут быть признаны состоятельными. Не важно, в силу каких обстоятельств несовершеннолетний не может нести уголовную ответственность за деяние, в совершение которого он вовлекается: в силу недостижения возраста, в силу невменяемости, в силу отставания в

---

[152] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 8. С. 15.

психическом развитии или в силу отсутствия признаков специального субъекта. Объективно это деяние является общественно опасным, и его совершение причиняем вред развитию подростка. А потому в рассматриваемом выше случае были все основания признать З. виновной в вовлечении своей дочери в заранее необещанное укрывательство убийства и недонесение о его совершении. Ведь если ранее судимый взрослый вовлекает в совершение кражи ранее не судимого несовершеннолетнего, или если родившая женщина привлекает к убийству своего новорожденного несовершеннолетнего, несовершеннолетний не может нести ответственность за кражу, совершенную лицом, ранее судимым, и за детоубийство, однако, это не исключает наличия признаков вовлечения его в совершение преступления.

Квалификация подстрекательства несовершеннолетнего к совершению конкретного преступления обладает некоторой спецификой, поскольку в действиях взрослого обнаруживается уже не один состав преступления. Эту проблему по-разному решают некоторые авторы. Так, А. К. Щедрина пишет, что если наказание за преступление, к которому подстрекался несовершеннолетний ниже, чем предусмотрено за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, то действия виновного должны квалифицироваться только ст. 210 УК РСФСР (ст. 150 УК), если же наказание за преступление, к которому подстрекался несовершеннолетний, выше чем предусмотрено санкцией ст. 210 УК РСФСР (ст. 150 УК), то виновный должен отвечать по совокупности преступлений за вовлечение и соучастие в форме подстрекательства к совершению конкретного преступления.[153] Такой подход представляется нам слишком механистическим, а потому неприемлемым. Наиболее верна позиция Г. Ф. Бурчака, который говорит, что подстрекательские действия взрослого в отношении несовершеннолетнего должны всегда квалифицироваться по

---

[153] Уголовный кодекс РСФСР: Научный комментарий. Т. 2. Особенная часть. Учебное пособие /Под ред. М. И. Ковалева, Е.А. Фролова, М.А. Ефимова. Свердловск, 1962. С. 409.

совокупности преступлений, причем он справедливо решает вопросы квалификации в зависимости от того, совершил несовершеннолетний под влиянием взрослого преступление или нет.[154]

Кроме того, квалификация действий взрослого вовлекателя зависит и от возраста вовлекаемого несовершеннолетнего. В частности Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 7 от 14.02.2000 г. указал, что «при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности,… лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет ответственности за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения».[155]

В итоге выстраивается следующий алгоритм квалификации случаев подстрекательства несовершеннолетних к совершению преступления.

1) Если взрослый воздействует на несовершеннолетнего, способного нести уголовную ответственность, который самостоятельно, без участия взрослого выполнил преступление, к совершению которого его подстрекал взрослый, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за соучастие в преступлении, совершенном несовершеннолетним со ссылкой на ст. 33 УК, а несовершеннолетний – за выполненное им преступление. При этом следует иметь в виду, что соучастие в силу теории акцессорности предполагает выполнение несовершеннолетним именно того преступления, в которое его вовлекал взрослый. Если же несовершеннолетний выйдет за пределы умысла взрослого лица, квалификация действий последнего должна ограничиваться границами общего с несовершеннолетним умысла.

В силу изложенного представляется абсолютно верной квалификация действий З., которую дал суд Октябрьского района г. Ставрополя. Между З. и несовершеннолетними П-к и П-д возник предварительный сговор на хищение чужого имущества в крупном размере, причем З. явился организатором этой группы, поскольку определил несовершеннолетним место и время

---

[154] Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность… С. 68.

[155] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 10.

совершения преступления, рассказал о наличии в квартире имущества и денежных средств, указал место, где они должны будут передать ему похищенное и после совершения преступления обещал заплатить им деньги, при этом З. предоставил несовершеннолетним право самостоятельно избрать способ совершения хищения. Суд признал, что З. организовал несовершеннолетних П-к и П-д на совершение тайного хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с учетом неоднократности для З. и причинением потерпевшей К. крупного ущерба на сумму 4000 долларов США. Несовершеннолетние П-к и П-д, реализуя умысел на хищение, применили к потерпевшей насилие, опасное для жизни и здоровья, а потому их действия были квалифицированы судом как разбойное нападение по п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Поскольку З. не принимал непосредственно участия в разбойном нападении (он ожидал передачи похищенного не вдалеке от места совершения преступления) и несовершеннолетние вышли за пределы умысла З., направленного на тайное хищение чужого имущества, в его действиях отсутствует объективная сторона разбоя. Поэтому суд, сохранив в обвинении ст. 150 УК, изменил квалификацию действий З. по п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ, данную на предварительном следствии, на ч. 3 ст. 33 и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.[156]

2) Если в результате вовлечения преступление выполнено несовершеннолетним совместно с взрослым, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за соисполнительство в конкретном преступлении, причем, если состав этого преступления предусматривает квалифицирующий признак «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору», он должен быть вменен и взрослому, и несовершеннолетнему.

Подтверждением может служить следующее уголовное дело, рассмотренное судом Ленинского района г. Ставрополя. По ст. 210 УК

---

[156] Архив суда Октябрьского района г. Ставрополя за 2001 год.

РСФСР за вовлечение несовершеннолетних в пьянство и в преступную деятельность были осуждены С. и К. Из материалов уголовного дела установлено, что С. и К. 32-х и 26-ти лет соответственно, оба холостые, ранее не судимые, рабочие, признанные хроническими алкоголиками, проживающие по соседству с несовершеннолетним Т. (17-ти лет), который характеризовался отсутствием воли, лживостью, леностью и несоответствием уровня развития возрасту постоянно (более трех раз в течение месяца) вовлекали последнего в употребление спиртных напитков: совместно с ним распивали спиртное, давали ему деньги для его приобретения, а после очередной выпивки склонили его к совершению кражи, целью которой было стремление добыть средства для покупки спиртных напитков. Систематические действия С. и К. получили верную оценку суда, который квалифицировал их по ст. 210 и ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, а действия несовершеннолетнего Т. по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР.[157]

3) Если, совершая под влиянием взрослого преступление, несовершеннолетний не довел его до конца по независящим от него причинам, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за приготовление или покушение на преступление.

4) Если в аналогичной ситуации несовершеннолетний не стал совершать преступления, взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за приготовление к конкретному преступлению в форме приискания соучастников (см. ч. 5 ст. 34 УК РФ), если преступление, к которому он привлекал несовершеннолетнего, относится к категории тяжких или особо тяжких.

5) Если взрослый воздействует на несовершеннолетнего, не способного нести уголовную ответственности в силу возраста или невменяемости, то в случае совершения им самостоятельно общественно опасного деяния (оно не может быть признано преступлением), взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и как исполнитель выполненного несовершеннолетним деяния

---

[157] Архив суда Ленинского района г. Ставрополя за 1984 год.

согласно теории посредственного причинения. «Посредственное причинение заключается в совершении субъектом преступления через лиц, которые действуют невиновно или не обладают признаками субъекта преступления».[158] Такие случаи на практике не являются слишком распространенными. По нашим данным среди вовлекаемых в совершение преступления доля лиц в возрасте до 14 лет составляет около 4%. Однако степень опасности подобных действий от незначительного их числа не становится меньшей. Ответственность взрослого всегда должна наступать по совокупности преступлений, поскольку своими действиями он нарушает и общественные отношения, составляющие объект деяния, совершенного несовершеннолетним, и правоотношения, обеспечивающие безопасность его развития. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением В. Ф. Иванова о том, что «если взрослый, привлекая подростка к антиобщественной деятельности, уверен, что его действия не могут реально отразиться на нравственном развитии несовершеннолетнего в силу неспособности последнего понимать смысл и характер совершаемых действий, то только в этих случаях действия взрослого могут рассматриваться как использование подростка в качестве «слепого» орудия, а не вовлечение».[159]

6) Если в аналогичной ситуации несовершеннолетний совершал деяние совместно со взрослым, квалификация действий взрослого не изменится и на ней не отразится факт совершения деяния двумя лицами, поскольку он в этом случае не образует соучастия. Если же несовершеннолетний не стал выполнять общественно опасных действий, взрослый несет ответственность только по ст. 150 УК.

Однако в науке такой подход к квалификации признается не всеми исследователями. В частности, Р. Р. Галиакбаров пишет, что совместное совершение преступления несколькими лицами, «когда в процессе

---

[158] Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 37.

[159] Иванов В. Ф. Указ. Соч. С. 86.

совершения посягательства субъект наряду со своими использует дополнительно физические усилия невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, либо других лиц, которые по предусмотренным уголовным законом основаниям не могут быть привлечены к уголовной ответственности» образует самостоятельную разновидность стечения нескольких лиц в одном преступлении – групповой способ совершения преступления.[160] Автор предлагает квалифицировать ситуации совершения субъектом преступления совместно с несубъектами предусмотренного в УК общественно опасного деяния по правилам квалификации преступлений, совершенных группой лиц. В обоснование своей позиции он ссылается на постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22. 04. 1992 г. и «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» от 22. 03. 1966 г., в соответствии с которыми, действия участника группового изнасилования, разбойного нападения или грабежа подлежат квалификации по тем пунктам и частям соответствующих статей, которые предусматривают ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору группой лиц, независимо оттого, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, недостижения возраста или иным обстоятельствам.[161]

Широкое подтверждение такой подход находит и в практике применения уголовного закона. Например, Г. осужден по ч. 3 ст. 117 по признаку совершения преступления группой лиц и ст. 210 УК РСФСР. Он признан виновным в том, что с К. (не привлеченным к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности) совершил изнасилование В. при следующих обстоятельствах. Потерпевшая В., находясь в сильной степени опьянения, упала у железнодорожного переезда. Г. и 13-летний К. подняли ее и повели по дороге к поселку. В пути

---

[160] Там же. С. 42.

[161] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 489, 352.

следования у Г. возник умысел совершить с В. половой акт, воспользовавшись ее беспомощным состоянием. С этой целью Г. с помощью К. отвел В. к копне соломы, раздел ее и там совершил с потерпевшей насильственный половой акт. По предложению Г. К. также пытался совершить с В. половой акт, но не смог осуществить своего намерения, затем они надели на потерпевшую часть снятой с нее одежды, положили В. на копну, прикрыли соломой и уехали домой. Президиум Верховного Суда РСФСР указал по данному делу, что изнасилование признается совершенным группой лиц независимо оттого, что второй участник преступления в силу требований ст. 10 УК РСФСР не привлечен к уголовной ответственности.[162]

Следует отметить, что в последнее время имеется тенденция законодательного оформления такой позиции. В Государственной Думе в первом чтении принят внесенный Верховным Судом РФ законопроект «О внесении изменений и дополнений в ст. 35 УК РФ», согласно которому предлагается дополнить ст. 35 частью восьмой следующего содержания: «Преступление, совершенное лицом совместно с другими лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом, признается преступлением, совершенным группой лиц или группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).[163]

Однако, на наш взгляд, такой подход к квалификации преступлений выглядит не вполне законным. Мы можем полностью согласиться с точкой зрения А. П. Попова, который указал, что «позиция судебной практики и авторов, пытающихся вывести группу лиц, указанную в Особенной части УК, за рамки соучастия с соответствующим допущением участия в ней лиц, не являющихся субъектами преступления, не выдерживает критики, поскольку она не упрощает, а усложняет понимание групповых

---

[162] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1979. №1. С. 9.

[163] http: //www.akdi.ru

преступлений; размывает наше представление о многих уголовно-правовых категориях, что усугубляет ошибки судебной практики; не обоснована по существу. Групповые преступления необходимо рассматривать только в рамках института соучастия, лишь так мы можем разобраться в этом вопросе, окончательно его не запутывая».[164]

Таким образом, по нашему мнению, если взрослый выполняет совместно с несовершеннолетним, не способным нести уголовную ответственность, преступление, соучастия не образуется и взрослый должен нести ответственность только по ст. 150 УК и за выполненное совместно преступление как его посредственный причинитель. В связи с этим следует признать абсолютно верной позицию суда г. Карачаевска КЧР, высказанную по делу Ф. Ф., будучи матерью двух несовершеннолетних детей П. (11 лет) и Д. (9 лет), пришла с ними к дому, в котором, как ей было известно, находились оставшиеся без присмотра хозяев вещи, заставила их проникнуть в дом через окно и оттуда подавать ей вещи. На предварительном следствии ее действия были квалифицированы как вовлечение несовершеннолетних в преступление и как кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище и с причинением значительного ущерба потерпевшему. Однако суд исключил из обвинения признак совершения кражи группой лиц по предварительному сговору. Аргументация суда безупречна: «состав группы могут образовывать только лица, подлежащие уголовной ответственности. Лица, не достигшие 14 лет, входить в группу не могут, хотя фактически они непосредственно и участвовали в тайном изъятии чужого имущества».[165] Относительно же вовлечения суд указал: «Ф. вовлекала в тяжкое преступление лиц, не несущих уголовной ответственности за недостижением 14 лет. Дети ответственности не несут, но она отвечает за их действия как исполнитель путем посредственного причинения. Кроме того, она не только вовлекла

---

[164] Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 65.

[165] Архив суда г. Карачаевска за 2000 год.

детей в совершение тяжкого преступления, как организатор, но и сама является исполнителем этого преступления». Соответственно суд квалифицировал действия Ф. по ч. 4 ст. 150 и п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

К ситуации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления по степени опасности отрицательного влияния на процесс формирования личности несовершеннолетнего приближается совершение взрослыми лицами преступления в соучастии с несовершеннолетним, при котором инициатива совершения преступления исходила от самого несовершеннолетнего. «Отрицательное, побуждающее к преступлениям влияние на несовершеннолетних в таких случаях заключается в укреплении их антиобщественного отношения к охраняемым законом интересам, что, несомненно, является весьма опасным нарушением общественного долга взрослых граждан по отношению к нравственному развитию несовершеннолетних».[166] При соучастии с взрослым несовершеннолетний получает достаточно большой опыт криминального поведения. В такого рода объединениях создаются благоприятные условия для обмена информацией и передачи негативного социального опыта, такие действия взрослых зачастую ведут к тому, что несовершеннолетние встают на преступный путь. Никаких правовых форм, усиливающих уголовную ответственность взрослых лиц за совершение преступления в соучастии с несовершеннолетним, действующий УК РФ фактически не содержит. Однако количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в группе со взрослыми постоянно возрастает. Согласно данным краевой судебной статистики среднее число несовершеннолетних, осужденных за совершение преступления в группе со взрослыми лицами, составляет 28,57% от общего числа несовершеннолетних осужденных или 39,95% от числа несовершеннолетних, осужденных за совершение преступления в группе. В 2000 году этот показатель составил 129,1% от уровня 1997 года. Аналогичным образом по сведениям УВД Ставропольского края среднегодовое число несовершеннолетних,

---

[166] Рапопорт Е. А. Указ. Соч. С. 152.

совершивших преступление в группе со взрослым, составляет 20,59%; а число преступлений, совершенных «смешанной» группой, - 26,18%. Значение этих показателей возросло в 1998 году по сравнению с 1989 годом соответственно на 7,66% и 9,76%. Эти цифры отражают и случаи непосредственного вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, и иные случаи совместного участия взрослых в преступной деятельности несовершеннолетних. И если в отношении первых закон может реагировать статьей 151 УК, то в отношении второй – никаких средств воздействия и реагирования нет. А потому мы можем поддержать высказанную в науке точку зрения о необходимости дополнения перечня отягчающих обстоятельств указанием на совершение преступления взрослым в соучастии с несовершеннолетним.[167]

Однако вызывает возражения позиция И. Н. Туктаровой о необходимости дополнения перечня отягчающих обстоятельств таким признаком как «совершение преступления в присутствии несовершеннолетнего».[168] Объяснялось такое решение следующим образом: «совершение убийства, изнасилования, истязания (чаще всего семейно бытовых) на глазах у подростка с еще не сформировавшейся психикой, влияет на его нормальное нравственное развитие. Такие действия не проходят бесследно и причиняют серьезные моральные страдания и влекут тяжелые психологические травмы».[169] Полагаем, что усиление ответственности за совершение преступления в присутствии несовершеннолетнего возможно только в том случае, если его присутствие осознается преступником (который, к тому же, должен достигнуть совершеннолетия). Однако при осознании такого присутствия уместно ставить вопрос либо о соучастии, либо о вовлечении, либо об особой жестокости совершенного взрослым преступления. Полагаем, что этих форм

---

[167] Там же.
[168] Туктарова И. Н. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 13.
[169] Там же.

вполне достаточно для того, чтобы отреагировать на различные варианты присутствия несовершеннолетнего при совершении преступления.

Описывая объективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, законодатель достаточно много внимания уделил способам этого вовлечения. В период действия УК РСФСР в науке уголовного права было высказано мнение, что установление способа совершения преступления, предусмотренного ст. 210 УК РСФСР, не имеет значения.[170] Такая позиция не вполне оправдана, поскольку противоречила указанию Пленума Верховного Суда РСФСР о необходимости всякий раз в случае привлечения лица к ответственности по ст. 210 УК РСФСР в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении и в приговоре наряду с другими обстоятельствами совершения преступления указывать способ вовлечения его в преступную деятельность.[171] Несмотря на то, что это постановление утратило свою силу, содержавшееся в нем требование весьма правильно и объективно. А потому установление способа вовлечения является всегда обязательным, так как он может свидетельствовать о повышенной степени общественной опасности деяния и учитываться судом при назначении наказания, а также может служить исходной базой для выдвижения версий расследования. Способ совершения преступления на предварительном следствии и в суде должен всегда подлежать проверке на предмет наличия в нем признаков самостоятельного состава преступления. Неустановление конкретных обстоятельств дела, в том числе способов совершения преступления, является одним из оснований направления уголовного дела на дополнительное расследование.

---

[170] Миньковский Г., Каневский Л. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность – важное направление профилактической работы //Советская юстиция. 1967. №18. С.20.

[171] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) ... С.515-522, см. также Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. №1. С.9-18.

Ставропольским краевым судом направлено на дополнительное расследование уголовное дело по обвинению Сыркова в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 117, ст. ст. 120, 228, 210 УК РСФСР, поскольку в материалах дела отсутствовало указание на конкретные способы совершения преступлений, время и место, что является нарушением требований ст. 144 УПК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ Определением от 26.03.1997 г. отклонила протест прокурора, указав, что доводы государственного обвинителя о том, что по делу невозможно установить более точное время и детальные обстоятельства совершенных преступлений, не могут быть приняты во внимание, так как они не основаны на законе.[172]

В ч. 1 ст. 150 УК РФ законодатель впервые зафиксировал следующие способы совершения преступления: обещание, обман, угроза, иные способы. Открытость этого списка, его неопределенность, с одной стороны, предоставляют правоприменительным органам широкие возможности в деле самостоятельной оценки деяния, исходя из внутреннего убеждения в его общественной опасности, но, с другой, - всякая неопределенность, если она не ограничена пределами толкования в пользу обвиняемого, имеет автоматическую тенденцию к беспредельному расширению вплоть до полного размывания границ закона и разумных его очертаний. А потому, было бы целесообразным при описании способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления применить подход, используемый законодателем при формулировании объективной стороны таких составов, как побои (ст. 116), истязание (ст. 117), уклонение от исполнения обязанностей военной службы (ст. 339), заключающийся в составлении примерного перечня способов совершения преступления, сочетающегося с обобщающим понятием (соответственно: физическая боль, насильственные действия, обман). При такой законодательной конструкции признаки конкретных способов, содержащихся в примерном списке,

---

[172] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. №10. С.9-10.

способствуют выяснению существенных признаков тех способов, которые прямо не указаны в законе, но обозначены при помощи обобщающего понятия. Анализируя указанный в ст. 150 УК перечень, следует учитывать, что указанная в части первой угроза исключает угрозу применения насилия, а понятие «иные способы» не охватывает применение насилия, что зафиксировано в ч. 3 ст. 150 УК РФ. При этом характеристика насилия, является оно физическим или психическим, отсутствует, хотя очевидно, что речь идет именно о применении или угрозе применения насилия физического. Сама же по себе угроза является разновидностью психического насилия. Таким образом, в ч. 1 ст. 150 УК речь идет о ненасильственных способах физического воздействия и о различных способах (насильственных и ненасильственных) психического воздействия, исключая угрозу применения физического насилия. В этом, на наш взгляд, проявляется недооценка законодателем степени общественной опасности психического насилия над личностью несовершеннолетнего как способа совершения преступления. Вместе с тем, душевные страдания вплоть до расстройства психической деятельности, как последствия оказанного на психику целенаправленного давления, являются не менее, а в некоторых случаях и более опасны и значительнее по тяжести, нежели телесные повреждения.

Сказанное обосновывает необходимость исключения угрозы из перечня способов, перечисленных в ч. 1 ст. 150 УК РФ и ограничения «иных способов» исключительно ненасильственными. Подобный прием применен законодателем в ст. 135 УК, исключающей применение насилия при совершении развратных действий. Таким образом, основной состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления должен предполагать оказание на последнего ненасильственного психического или физического воздействия.

Способами ненасильственного психического воздействия являются: предложение, убеждение, внушение, подкуп, возбуждение чувства зависти, мести, злости и других низменных побуждений, задабривание, восхваление

отдельных черт и качеств характера подростка, дача советов, указаний и другие. Физическое воздействие может быть выражено в одобряющем кивке головы, похлопывании по плечу и других действиях, исключающих насилие. Как правило, физическое и психическое воздействие не оторваны друг от друга, часто сочетаются между собой. Указанные способы согласуются с теми, что были перечислены в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР №16 от 3.12.1976 г. (с последующими изменениями).[173]

Встречаемость способов на практике по различным данным выглядит примерно одинаково и следующим образом. По данным Л. Л. Каневского путем просьб и уговоров в совершение преступления было вовлечено 31,3 % подростков; угрозами и запугиванием – 4,3%; обманом – 2,9 %; личным примером – 1,4 %; развратными действиями – 2,9 %; с помощью алкоголя – 29 %; насилием – 2,9 %; обещанием – 2,4 %.[174] По данным К. К. Сперанского вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность осуществляется следующими способами: предложение совершить преступление (33%), неоднократное предложение совершить преступление (5%), убеждение (6%), внушение (4%), шантаж (1%), возбуждение низменных побуждений (1%), распитие спиртных напитков с несовершеннолетним (30%), склонение к употреблению наркотических веществ (10%), постановка в материальную зависимость (5%), физическая расправа (5%).[175] По данным С. Ш. Ахмедовой почти в 50% случаев вовлечение в преступление осуществляется посредством предложений, просьб, уговоров.[176] Наши исследования также показывают, что основным способом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, присутствующим более чем в 70% случаев, является предложение совершить

---

[173] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР ... С.149 - 150.

[174] Каневский Л. Л. О практике работы органов прокуратуры, милиции и суда по борьбе с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность. Уфа, 1966. С. 11 – 12.

[175] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 101 – 102.

[176] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 25.

преступление, все остальные способы имеют незначительную распространенность.

Несмотря на это, законодатель в ч. 1 ст. 150 не посчитал необходимым указать на предложение как на один из способов совершения преступления (оно охватывается понятием «иные способы»). Однако еще в 1965 году Судебная Коллегия Верховного Суда в определении по делу Д. от 06. 03. 1965 г. указала, что вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность может проявляться и в форме предложения.[177] Этот подход 1990 году подтвердил Пленум Верховного Суда РФ, который указал, что «когда подросток совершает преступление по предложению взрослого, это лицо с учетом конкретных обстоятельств дела может быть привлечено к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность».[178] Учитывая, что в законодательно определенный состав преступления должен включать наиболее типичные, часто встречающиеся признаки преступления, полагаем, что включение предложения в число примерных способов совершения анализируемого преступления будет вполне уместно. Это позволит не только привести законодательство в соответствие с криминологическими реалиями, но и избежать многих ошибок на практике. Так, например, не вполне аргументированным выглядит оправдание судом Октябрьского района г. Ставрополя Ш. в части обвинения его по ст. 210 УК РСФСР. Ш., имеющий образование 8 классов, нигде не работающий, ранее судимый, в возрасте 20 лет, достоверно зная о том, что П. не достиг совершеннолетия (ему было 16 лет, и он обучался в Профцентре), привлек его к совершению кражи. Предварительное следствие квалифицировало действия Ш. по ст. 158 и 210 УК РСФСР. Суд Ш. по ст. 210 оправдал, указав следующее: «П. совершал преступления добровольно. Никакого насилия, а именно побоев, уговоров, связанных с физическим или психическим насилием, Ш. к П. не применял».

---

[177] Вопросы уголовного права и процесса … С. 253.

[178] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 469.

В то время как из показаний самого П. следует, что именно Ш. предлагал, настаивал, приказывал совершать все совершенные кражи.[179] Понимание судом вовлечения как насильственной деятельности повлекло, на наш взгляд, неправильное применение уголовного закона.

В плане научного исследования представляется необходимым классифицировать способы совершения рассматриваемого преступления. Одну из первых классификаций способов вовлечения дал сам Верховный Суд РСФСР в определении по делу Л. от 28. 09. 1967 г., указав, что вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность предполагает определенные действия взрослого, связанные с психическим или физическим воздействием на несовершеннолетнего.[180] Однако деление способов на физические и психические мало что дает в плане оценки общественной опасности совершенного преступления, в связи с чем в науке при классификации способов вовлечения акцент смещается в сторону оценки способов как насильственных или ненасильственных. Так, К. К. Сперанский выделяет способы психического воздействия (убеждение, внушение, обман и др.), способы физического воздействия (причинение боли, страданий и др.), способы психофизического воздействия (спаивание, принятие наркотических веществ и др.).[181] В. Ф. Иванов, выделяя ненасильственные (убеждающие) и насильственные (принуждающие) способы вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, ограничивает последние способами, составляющими принуждение, указывая, что «особенность принуждения состоит в том, что в нем физическое и психическое насилие проявляются в своеобразной взаимосвязи, которая придает этому виду насилия цель его применения – достичь нужного ответного поведения несовершеннолетнего. Поэтому принуждение не охватываются такие разновидности физического и психического насилия, которые применяются с целью причинения

---

[179] Архив суда Октябрьского района г. Ставрополя за 1997 год.

[180] Вопросы уголовного права и процесса … С. 253.

[181] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 99 – 101.

физической или психической травмы».[182] На наш взгляд, классификация способов на основании наличия или отсутствия в нем насилия представляется вполне оправданной и перспективной. Таким образом, в зависимости от вида воздействия взрослого на несовершеннолетнего, все способы вовлечения могут быть подразделены на ненасильственные и насильственные, а каждый из этих видов, в зависимости от способа воздействия, - на физические и психические. Изложенное может стать теоретической основой для предложенного выше совершенствования текста диспозиции ч. 1 ст. 150 УК в плане ограничения способов совершения преступления в части первой данной статьи исключительно ненасильственными.

Ряд авторов (Г. М. Миньковский, Л. Каневский, М. Д. Лысов, Н. С. Захаров, Б. С. Волков) говорит о том, что от 20 до 50 % способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления составляет спаивание последнего.[183] По нашим данным спаиванием несовершеннолетних сопровождалось 26,7 % случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Исследования приговоров по уголовным делам, вынесенных в отношении несовершеннолетних, показывают, что 39% несовершеннолетних совершили преступление совместно со взрослыми, причем 35,9% из них распивали накануне спиртные напитки совместно со взрослыми лицами. Тем не менее, уголовные дела по ст. 210 УК РСФСР были возбуждены в 25,6% случаев совершения преступления несовершеннолетними совместно со взрослыми. Еще более негативную ситуацию выявил опрос несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии: 69,6% из них совершили преступление в состоянии опьянения; 61,3% распивали спиртные напитки накануне совершения

---

[182] Иванов В. Ф. Указ. Соч. С. 90.

[183] Миньковский Г., Каневский Л. Указ. Соч. С. 21; Правонарушения несовершеннолетних и их предупреждение / (Захаров Н.С., Лысов М.Д., Волков Б.С. и др.; Науч. ред. Б.С. Волков, М.Д. Лысов). Казань, 1983. С. 54.

преступления с человеком, достигшим 18 лет; в 26,8% случаев взрослые лица явились инициаторами совершения преступления.

В условиях прежнего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение в пьянство и в преступную деятельность в одной статье, особых проблем при квалификации такого деяния не возникало. Теперь же, ответственность за них предусмотрена различными статьями и содеянное виновным не охватывается одной уголовно-правовой нормой. В связи с этим у правоохранительных органов появилась возможность квалифицировать действия лиц, спаивающих несовершеннолетних, а затем вовлекающих их в совершение преступлений, по совокупности преступлений.

Для правильной квалификации важно отграничить совокупность преступлений от случаев, когда совершено несколько деяний, предусмотренных различными статьями Особенной части УК, но одно из них является способом, условием или этапом другого. На наш взгляд, рассмотрение вовлечения в употребление спиртных напитков в качестве способа вовлечения в совершение преступления неправомерно. По общему правилу под способом понимают «ту внешнюю форму, в которой выразилось действие, те приемы и методы, которые использовал преступник в процессе реализации объективной стороны посягательства».[184] При вовлечении таким значением обладают методы насильственного или ненасильственного воздействия на несовершеннолетнего, а не распитие с ним спиртных напитков.

Таким образом, «спаивание» несовершеннолетних перед вовлечением их в совершение преступлений правильнее рассматривать в качестве условия последнего либо этапа преступной деятельности взрослого. Отношение теории уголовного права к квалификации нескольких деяний, из которых одно является: а) условием, б) этапом другого преступления - различно: первый вариант позволяет говорить о наличии совокупности, а второй - нет.

---

[184] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Учебник ... С.229.

Их разграничение возможно на основе субъективного отношения виновного к деянию. Если виновный предполагает заблаговременно систематически склонять несовершеннолетнего к употреблению спиртного с дальнейшей целью вовлечь подростка (желательно находящегося в нетрезвом состоянии) в совершение преступления, то налицо разбитая на стадии единая преступная деятельность взрослого, подлежащая квалификации по ст. 150 УК РФ. В том случае, когда умысел на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления возник во время или после очередного совместного распития спиртных напитков, мы имеем дело с идеальной совокупностью, когда вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков явилось условием возникновения умысла на вовлечение его в совершение преступления, что позволяет квалифицировать содеянное по соответствующим частям статей 150 и 151 УК РФ.[185] Аналогичным образом должен решаться вопрос, если вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления сопровождается вовлечением его в совершение иных (кроме систематического употребления спиртных напитков) видов антиобщественных действий.

[185] Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением … С. 43 – 44.

§ 3. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Субъективными признаками любого преступления принято считать признаки, характеризующие субъективную сторону и субъекта преступления. Квалификация преступления предполагает правильное установление всех признаков совершенного деяния, при этом установление признаков субъективной стороны представляет наибольшие трудности. По общему правилу под субъективной стороной преступления понимают набор признаков, характеризующих «внутренние психические процессы в сознании и воле виновного, выраженные в вине, мотиве, цели и эмоциях».[186] Представляя собой своеобразную «модель» объективной стороны состава в психике субъекта, субъективная сторона различных преступлений имеет неодинаковое «предметное содержание» и может иметь различную форму.[187] Выяснение формы вины и ее предметного содержания – важнейшая задача правоприменительных органов, от решения которой зависит соблюдение принципов вины и законности в уголовном праве.

По видимости, для облегчения практической деятельности законодатель ввел в текст УК положение, предусмотренное ст. 24, определяющей случаи установления неосторожной формы вины в преступлении. Критический и догматический анализ данной нормы проведен в уголовно-правовой науке. Основываясь на его результатах, отметим, что если в уголовно-правовой норме не законом определена форма вины, то преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, если состав его сконструирован как материальный, и только умышленно, если состав его сконструирован как формальный.[188] Поскольку состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

---

[186] Пинкевич Т. В. Субъективная сторона преступления. Учебное пособие. Ставрополь, 1997. С. 6.

[187] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений … С. 147.

[188] Зырянов В. Н., Пудовочкин Ю. Е. Теоретические основы квалификации преступлений. Ставрополь, 2002. С. 35.

является формальным составом, то, естественно, само преступление может быть совершено только умышленно. Умышленный характер преступления подтверждает и Верховный Суд. В постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР по делу Г. от 11. 06. 1975 г. сказано: «Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство и преступную деятельность наступает только при доказанности умысла на это и совершении действий, свидетельствующих о его реализации».[189]

В науке уголовного права и на практике этот постулат не вызывает возражений однако, достаточно спорным является вопрос о виде умысла в анализируемом преступлении.

Позиция Верховного Суда по этому вопросу неоднозначна. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03. 12. 1976 г. указывалось, что «по ст. 210 УК РСФСР … могут быть квалифицированы лишь действия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, и совершенные умышленно. Поэтому при рассмотрении дел следует устанавливать, сознавал ли взрослый или допускал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в преступную или иную антиобщественную деятельность».[190] Аналогичная рекомендация содержится в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ №7 от 14. 02. 2000 г, в соответствии с ней при квалификации преступления по ст. 150 УК следует устанавливать «осознавал ли взрослый либо допускал, что своими действия вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления»[191]. Допущение – это возможное отношение к последствиям, а осознание – обязательное отношение к действию (бездействию); поэтому ставить между ними разделительный союз «или» неправомерно. Допущение какого-либо действия – новое и неизвестное уголовному закону психическое отношение,

---

[189] Вопросы уголовного права и процесса … С. 254.
[190] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 126.
[191] См. п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.00 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 10.

его появление в постановлениях Пленума Верховного Суда только запутывает и без того сложный вопрос о предметном содержании вины при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Тем не менее, если отбросить теоретические «придирки», создается впечатление, что Пленум допускает совершение рассматриваемого преступления как с прямым, так и с косвенным умыслом.

В тоже время при разрешении конкретных уголовных дел Верховный Суд высказывает иную позицию. Приведем выдержки из определения Судебной Коллегии Верховного Суда РФ по делу К. от 26. 03. 1992 г. Центральным районным народным судом г. Калининграда К. осужден к лишению свободы по ч. 3 ст. 148 и ст. 210 УК РСФСР за совершение, в частности, следующих действий. В декабре 1990 г. К. с двумя неустановленными лицами под угрозой физической расправы с несовершеннолетним М. и его родителями получил от последнего 2500 рублей, продолжал требовать еще 1500 рублей либо золотые изделия, видео и радиоаппаратуру. При этом К. уговорил М., что он может добыть эти вещи путем кражи. Президиум Калининградского областного суда протест председателя того же суда, в котором ставился вопрос об отмене приговора и прекращении дела производством в части осуждения К. по ст. 210 УК, оставил без удовлетворения. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ по тем же основаниям внес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ. Судебная коллегия 26 марта 1992 года протест удовлетворила, указав следующее. Вина осужденного К. в совершении вымогательства материалами дела доказана, и его преступные действия квалифицированы правильно. Вместе с тем приговор суда в части осуждения К. по ст. 210 УК подлежит отмене, а дело – прекращению производством. С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 210 УК, предполагает наличие у взрослого лица *прямого умысла* на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность и для этого он совершает определенные активные действия, связанные с непосредственным

психическим или физическим воздействием на несовершеннолетнего. Однако по делу это не установлено. При таком положении народный суд необоснованно признал К. виновным по ст. 210 УК, а кассационная и надзорная инстанции не исправили ошибку суда и не прекратили дело производством в этой части.[192]

Также неоднозначно вопрос о виде умысла при вовлечении решается в уголовно-правовой теории. Ряд авторов, при различной аргументации, считает, что вовлечение возможно только с прямым умыслом. Так, И. Н. Даньшин пишет: «по отношению к вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность возможен только прямой умысел. Виновный в данном случае сознает общественно опасный характер своего действия, предвидит причинение существенного вреда общественному порядку и желает наступления этих последствий».[193] Иначе утверждает Н. И. Трофимов: «если интеллектуальный момент умысла характеризуется достоверным или предположительным знанием виновного о несовершеннолетии вовлекаемого и если, сознавая это, он все же склоняет или подготавливает подростка к совершению преступления, то волевой момент умысла заключается в желании вовлечь несовершеннолетнего в преступную деятельность».[194] Как видим, отличие состоит, в первую очередь в содержании волевого момента умысла: первый автор, допуская материальный характер состава вовлечения, говорит о желании виновным последствий, второй, утверждая о формальном характере данного состава, переносит волевой момент с последствий на действие.

Другие исследователи[195] утверждают, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления возможно с прямым и

---

[192] Бюллетень верховного Суда РФ. 1993. №1.
[193] Даньшин И. Н. Указ. Соч. С. 159.
[194] Трофимов Н. Содержание умысла лица, вовлекающего несовершеннолетних в преступную деятельность // Советская юстиция. 1970. №16. С.24-25.
[195] Былинкина А., Гуковская Н. Активизировать борьбу с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социалистическая законность. 1970. №6. С.25; Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность… С.93; Примаченок А. А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних / Под ред. М.А. Ефимова. Мн., 1990. С.193; Яценко С.С. Указ. Соч. С.151.

косвенным умыслом. Наличие косвенного умысла объясняется переносом такого его элемента как допущение с последствий на само деяние, если авторы рассматривают состав вовлечения как формальный, либо в случае признания состава материальным допускается возможность не желания, но сознательного допущения последствий в виде совершения преступления несовершеннолетним.

Для уяснения ситуации необходимо сделать несколько предварительных теоретических замечаний. Мы говорили, что состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является формальным составом. Поскольку последствия вовлечения не включены в объективную сторону состава преступления, говорить об отношении к ним лица, совершившего преступление, в рамках субъективной стороны состава преступления не приходится. Необходимо помнить, что субъективная сторона деяния должна, во всяком случае, коррелировать с его объективной стороной, поскольку субъективная сторона – есть отражение признаков объективной стороны преступления в сознании виновного. Совпадение объемов предметного содержания вины и реально совершенных действий – условие квалификации преступления как оконченного. Поскольку конструктивным элементом объективной стороны в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления включено только действие по вовлечению, то в рамках субъективной стороны конструктивным может быть только отношение к этому действию. Анализ ст. 25, 26 УК РФ показывает, что в рамках вины психическое отношение к действию может быть представлено лишь осознанием или неосознанием его общественно опасного характера. Поскольку вовлечение – умышленное преступление, то отношение виновного к действию представлено в нем только осознанием его общественной опасности. Попытки исследователей включить в содержание умысла при вовлечении (как и при любом другом преступлении с формальным составом) в качестве волевого момента желание совершить определенное действие, неосновательны и по форме, и по существу. Во-

первых, желание совершить определенное действие не включено в формулу умысла и неосторожности самим законом. Во-вторых, желание совершить определенное действие – свидетельство свободы воли виновного, отсутствие которой исключает уголовную ответственность. Поэтому трудно в рамках уголовно-правовых отношений и теоретически, и практически представить ситуацию, при которой лицо, осознавая общественно опасный характер своего действия, совершает его, не желая его совершать. Если лицо осознает опасность своего действии и совершает его, значит оно желает его совершить; если лицо, осознавая опасность действия, не желает его совершения, оно его и не совершает. Таким образом, конструкция умысла для формальных составов преступлений является усеченной и включает в себя только процесс осознания общественно опасного характера совершаемого деяния.

Общественная опасность - категория объективная, но она наполняется специфическим содержанием при совершении различных преступлений, а потому для установления умысла необходимо установить сознание *определенного* характера общественной опасности. В случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления она определяется, во-первых, возрастом вовлекаемого, во-вторых, характеристикой действий, которые совершает субъект преступления, в-третьих, характеристикой действий, в совершение которых он вовлекает несовершеннолетних. Эти объективные признаки, отражаясь в сознании вовлекателя, составляют предметное содержание субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Характер и объем осознания виновным факта несовершеннолетия вовлекаемого подлежит выяснению в ходе предварительного следствия и в судебном заседании. В науке и на практике определилось несколько подходов в решении указанного вопроса.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении №16 от 03. 12. 1976 г. указывал, что уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних

в преступную деятельность наступает «как при осведомленности взрослого о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица, так и в тех случаях, когда по обстоятельствам дела он мог и должен был предвидеть это. Решая указанные вопросы, суды должны учитывать не только показания самого обвиняемого, но и тщательно проверять их соответствие всем конкретным обстоятельства дела».[196]

Основываясь на этой рекомендации, значительная часть отечественных юристов признает возможность квалификации по ст. 210 УК РСФСР (ст. 150 УК РФ) действий виновного при любой степени осознания им возраста вовлекаемого лица. При этом некоторые из них допускают как умышленное, так и неосторожное отношение виновного к возрасту вовлекаемого, в то время как другие говорят исключительно о различных видах умысла в отношении его возраста. В частности, Г. М. Миньковский и Г. З. Брускин пишут, что ответственность по ст. 210 УК РСФСР должна наступать в тех случаях, когда взрослый знал, не знал, но допускал или мог и должен был предвидеть несовершеннолетие вовлекаемого лица.[197] В. Ф. Иванов также допускает возможность не только умысла в отношении возраста, но и неосторожности в виде преступной небрежности, когда взрослый не предвидел, что вовлекает несовершеннолетнего, хотя должен был и мог предвидеть.[198] И. П. Лановенко и В. И. Попов, напротив, говорят, что в данном случае речь идет не о небрежности, а о косвенном умысле, так как вовлекатель относится к возрасту безразлично и никто не возлагал на него обязанности проверять возраст вовлекаемого.[199] Аналогичным образом К. К. Кусниденов указывает, что для квалификации вовлечения в преступную

---

[196] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 126.

[197] Миньковский Г. М., Брускин Г. З. Указ. Соч. С. 14.

[198] Иванов В.Ф. Указ. Соч. С.85.

[199] Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность... С.106; см. также: Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения...- С. 58; Трофимов Н. Содержание умысла...- С. 24-25.

деятельность необходимо установить, что взрослый знал или предвидел несовершеннолетие вовлекаемого.[200]

Однако и в период действия прежнего УК, и в современных условиях, четко обозначена и другая позиция, в соответствии с которой точное знание взрослым возраста вовлекаемого лица является обязательным условием квалификации его действий по вовлечению как преступных.

В частности, Н. Бабий, К. Сперанский говорят о необходимости достоверного знания вовлекателем возраста вовлекаемого. Применительно к составу вовлечения несовершеннолетних в пьянство Н. Бабий пишет: «отсутствие осознания факта несовершеннолетия спаиваемого лица не позволяет говорить об умышленной целевой деятельности, а, следовательно, и о вовлечении несовершеннолетнего в пьянство».[201] К. К. Сперанский, поддерживая это высказывание, говорит, что «особенность субъективной стороны вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность как раз в том и состоит, что взрослый в качестве объекта преступного посягательства выбирает лицо, не достигшее совершеннолетия, и это обстоятельство должно охватываться умыслом виновного»; и далее: «нам представляется, что вина в вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность должна включать в себя факт достоверной осведомленности взрослого о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица».[202] Именно эту позицию поддержал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №7 от 14. 02. 2000 г., указав в п. 8: «если взрослый не знал о несовершеннолетии лица, вовлеченного им в совершение преступления, он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ».

Важно отметить, что судебная практика также неоднозначно решает вопросы об установлении осознания виновным возраста вовлекаемого лица.

---

[200] Кусниденов К. К. Указ. Соч. С. 15.

[201] Бабий Н.А. Указ. Соч. С.80.

[202] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 116.

В подавляющем большинстве случаев судьи придерживаются правила о необходимости установления точного знания виновным возраста вовлекаемого.

Так, народным судом Ленинского района г. Ставрополя рассматривалось уголовное дело по обвинению К. и Р. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 (в части вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность и в пьянство) и ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. В ходе судебного разбирательства было установлено, что К. и Р. на дискотеке в школе распивали спиртные напитки с несовершеннолетним Б., а затем попросили его «пристать» к одному из танцующих с целью спровоцировать драку, в которой К. и Р. принимали участие. При этом К. не был до этого знаком с Б. и не знал о его несовершеннолетии, Р. знал, что Б. учится в ПТУ и полагал, что ему уже исполнилось 18 лет. Б. был младше К. и Р. соответственно на 4 и 2 года, физически развит, крепкого телосложения. Учитывая изложенное, суд оправдал К. и Р. по ст. 210 УК РСФСР.[203]

Другим примером может служить дело Ш., который Карачаевским городским судом обвинялся в совершении нескольких преступлений, в том числе и в вовлечении несовершеннолетних В. и Г. в совершение преступления (ст. 210 УК РСФСР). Суд подтвердил обвинение по факту вовлечения Г. в совершение преступления, поскольку Ш. проживал в одной квартире с Г., неоднократно присутствовал на его днях рождениях, а потому знал о его несовершеннолетии. В тоже время суд исключил из обвинения факт вовлечения В. в совершение преступления, так как «доказательств, указывающих на осведомленность Ш. о несовершеннолетии В., не добыто».[204]

Однако, встречаются и иные варианты решения рассматриваемого вопроса. В частности, постановляя обвинительный приговор М. за вовлечение несовершеннолетних Ч. и К. в совершение кражи автомобиля,

---

[203] Архив суда Ленинского района г. Ставрополя за 1995 год.

[204] Архив суда г. Карачаевска КЧР за 1995 год.

суд указал, что, хотя М. и не знал точно о возрасте вовлекаемых лиц, но, исходя из их антропологических данных, осознавал, что они являются несовершеннолетними.[205]

Как видим, вопрос об обязательности осознания виновным возраста вовлекаемого лица в науке уголовного права остается открытым. Определяя свое отношение к этой проблеме, сделаем предварительно несколько теоретических замечаний.

Во-первых, нам представляется, что говорить в категориях умысла или неосторожности о возрасте вовлекаемого не корректно, поскольку они выражают в целом законодательное определение содержания психической деятельности лица во время совершения преступления, отношение ко всему деянию и его последствиям, а не к отдельным признакам, характеризующим действие, потерпевшего и другие элементы деяния. Применительно к этим признакам, от отношения к которым зависит квалификация преступления, следует говорить скорее о представлении либо знании (осознании), но не об умысле (неосторожности). Использование категории умысла (неосторожности) в отношении возраста вовлекаемого допустимо лишь для удобства оперирования информацией и аргументации.

Во-вторых, психическое отношение лица к отдельным объективным признакам включает только интеллектуальный момент. «Волевое отношение (желание, допущение) к отдельным признакам состава определяться не должно; оно является целостной характеристикой преступления».[206] Интеллектуальное отношение к отдельным признакам состава преступления может иметь две формы: осознание и неосознание. При этом в составе умышленного преступления каждый объективный признак состава осознается, в составе неосторожного преступления хотя бы один признак

---

[205] Архив суда Промышленного района г. Ставрополя за 1996 год.

[206] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений … С. 155.

состава не осознается, хотя может и должен осознаваться.[207] Иными словами, отсутствие осознания хотя бы одного признака состава превращает данное преступление из умышленного в неосторожное.[208] Осознание как форма психического отношения лица к отдельным признакам состава преступления (каким и выступает возраст вовлекаемого лица) может варьироваться в пределах следующих представлений субъекта: данный признак «не исключен» - «возможен» - «вероятен» - «неизбежен».[209]

Исходя из этих позиций, заметим, что психическое отношение взрослого лица при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления к возрасту вовлекаемого не может характеризоваться такими понятиями как: «допускал несовершеннолетие виновного», «не знал, но по обстоятельствам дела мог и должен был предвидеть несовершеннолетие». Субъект преступления при вовлечении может лишь с различной степенью достоверности знать возраст вовлекаемого лица. Абсолютно прав в этой связи Н. Трофимов, когда говорит, что применение ст. 210 УК РСФСР (ст. 150 УК РФ) возможно не только при достоверном, но и при предположительном знании субъектом несовершеннолетнего возраста вовлекаемого лица.[210]

Различная степень осознания возраста вовлекаемого заставляет на практике решать вопрос о квалификации деяния в случае, если: а) - взрослый вовлекает в совершение преступления совершеннолетнего человека, допуская при этом или ошибочно зная о его несовершеннолетии; б) - взрослый вовлекает несовершеннолетнего будучи субъективно уверенным в его совершеннолетии.

---

[207] Никифоров Б. С. Субъективная сторона в формальных преступлениях //Советское государство и право. 1971. №3. С. 116.

[208] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений … С. 153.

[209] Никифоров Б. С. Об умысле по действующему уголовному законодательству //Советское государство и право. 1965. №6. С. 29.

[210] Трофимов Н. Содержание умысла … С. 24.

В первом случае, в ситуации «определенного» умысла, когда лицо субъективно уверено в несовершеннолетнем возрасте совершеннолетнего вовлекаемого, и в ситуации «альтернативного» умысла, когда взрослый, достоверно не зная о возрасте, допускает в сознании возможность несовершеннолетия совершеннолетнего вовлекаемого, исходя из зафиксированного в УК РФ принципа субъективного вменения, следует квалифицировать действия виновного как покушение на вовлечение, так как они были направлены непосредственно на выполнение объективной стороны и не привели к преступному результату по обстоятельствам, не зависящим от воли вовлекателя.

Во втором случае, когда виновный субъективно уверен в совершеннолетии несовершеннолетнего вовлекаемого, следует исходить из аналогичной ситуации при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22.04.1992 г. (в редакции постановления Пленума №11 от 21.12.1993.)[211] запретил квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР (изнасилование заведомо несовершеннолетней) деяние, если виновный полагал, что потерпевшая является взрослой женщиной или добросовестно заблуждался относительно ее возраста. Таким образом, и действия взрослого вовлекателя в данном случае не могут быть квалифицированы как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

При рассмотрении вопроса о субъективной стороне вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, Ю. Е. Пудовочкиным поднята и еще одна немаловажная проблема – проблема осознания виновным содержания правовых терминов, использованных в статье 150 УК.[212]

---

[211] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР … С. 538-542.

[212] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 111 – 112.

Дело в том, что при описании признаков состава преступления в ст. 150 закон дважды использует правовую терминологию, употребляя понятие «несовершеннолетний» и «преступление». Их правовое содержание может не совпадать с обыденным пониманием. К примеру, субъект преступления может быть абсолютно уверен в том, что совершеннолетие наступает не с 18, а с 16 лет, и в том, что деяние, к которому он привлекает подростка, является не преступлением (уголовно противоправным поступком), а, скажем административным проступком. Как можно говорить, что в подобной ситуации лицо осознает факт вовлечения именно несовершеннолетнего и именно в преступление? Еще больше проблем возникает при анализе умысла в особо квалифицированном составе рассматриваемого преступления – вовлечении несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. В этом случае надо доказать не только факт осознания виновным преступности действий, к которым он привлекает подростка, но и осознание им того, что это деяние относится согласно ст. 15 УК к категории тяжких или особо тяжких преступлений. А для этого надо установить, что виновный знал текст ст. 15 УК и размер санкции соответствующей статьи Особенной части, что, по крайней мере, наивно. Возражения по поводу того, что незнание закона не освобождает от ответственности здесь не уместны, поскольку речь идет не о незнании закона о вовлечении несовершеннолетнего в преступление (оно не освобождает от ответственности), а об отсутствии осознания одного из признаков объективной стороны преступления, которое должно исключать ответственность.

Выход из сложившейся ситуации видится нам в отказе от использования в тексте уголовного закона специфических правовых терминов и замене их общеупотребительными понятиями. Применительно к ст. 150 возможна безболезненная замена понятия «несовершеннолетний» понятием «лицо, не достигшее 18 лет», тогда при квалификации деяния надо будет доказывать не точное знание возраста и тем более не восприятие

правовой терминологии, а факт осознания виновным того, что вовлекаемому не исполнилось 18 лет. Понятие «преступление» также может быть заменено понятием «общественно-опасное деяние». Этот термин более предпочтителен еще и потому, что, как было отмечено ранее, совершенное подростком, не достигшим возраста уголовной ответственности, под влиянием вовлекателя деяние, описанного в УК, не является преступлением (это, кстати, достаточно часто используется как аргумент вовлекателями при воздействии на несовершеннолетнего). Возможная в этом случае конкуренция понятий «общественно-опасное деяние» (ст. 150) и «антиобщественное действие» (ст. 151) должна быть устранена путем соответствующего изменения последнего понятия на «действия, причиняющие вред развитию несовершеннолетнего», поскольку степень опасности для общества в целом употребления спиртных напитков, одурманивающих веществ, проституции, бродяжничества, попрошайничества, несомненно, ниже, чем для формирующейся личности ребенка.

Предложенные изменения, на наш взгляд, будут способствовать улучшению качества уголовного закона, его юридической техники и оптимизируют практику охраны интересов несовершеннолетних.

Субъектом преступления в российском уголовном праве принято считать лицо, которое совершило преступление и способно нести за него уголовную ответственность, при этом основными признаками такого лица выступают: физическая характеристика, вменяемость, достижение установленного законом возраста уголовной ответственности. Проблемы, связанные с характеристикой субъекта преступления, всегда волновали исследователей, поскольку они непосредственно связаны с установлением основания уголовной ответственности и определением наказуемости преступления. Мы придерживаемся той точки зрения, что субъект преступления является элементом состава преступления, в связи с чем и рассматриваем его признаки в рамках анализа признаков состава вовлечения

несовершеннолетнего в совершение преступления. Высказанный в науке[213] и, к сожалению, подтвержденный современным уголовным законодательством (ст. 19 УК РФ) взгляд на субъекта преступления как на условие уголовной ответственности, существующее независимо и отдельно от основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), а значит, и от состава преступления, представляется нам не вполне обоснованным, поскольку включение вменяемости и возраста в состав преступления позволяет всесторонне объяснить этот состав преступления и установить внутрисоставные связи образующих его признаков. Присущие субъекту преступления признаки нашли достаточно полное отражение в уголовно-правовой литературе,[214] а потому в рамках данной работы представляется необходимым проанализировать лишь те особенные признаки, которыми обладает субъект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, и связанные с ними проблемы правоприменения.

УК РФ впервые установил в ст. 150, что ответственным за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Такое законодательное решение подтвердил и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №7 от 14. 02. 2000 г., указав, что к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть привлечено лицо, достигшее 18-летнего возраста.

При этом субъект преступления считается достигшим возраста восемнадцати лет не в день своего рождения. Как указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 24. 03. 1959 г. по делу К. «моментом

---

[213] См.: Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946; Фефелов П. А. Основания уголовной ответственности в советском праве //Советское государство и право. 1983. №12.

[214] См.: Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000; Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993; Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. Орел, 1994 и др.

достижения совершеннолетия должно считаться окончание суток, в которые обвиняемому исполнилось 18 лет».[215] Подтвержден этот подход и Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении №7 от 14. 02. 2000 г., который указал, что лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности с ноля часов суток, следующих за днем его рождения. При этом в последнем документе определены и важные правила установления возраста лица при отсутствии достоверных сведений о нем. В частности, при установлении судебно-медицинской экспертизой возраста подсудимого днем его рождения считается последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным количеством лет суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица.[216]

Вместе с тем, следует заметить, что УК РСФСР (1960.) не определял возраст субъекта анализируемого преступления, в связи с чем в уголовно-правовой науке мнения юристов по данному вопросу были неоднозначны. К. К. Кусниденов указывал, что субъектом рассматриваемого преступления могут быть лица, достигшие общеуголовного возраста, то есть 16 лет.[217] Подтверждая этот взгляд, украинские ученые писали, что установление уголовной ответственности с 16 лет следовало бы рассматривать и с позиции правильного (точного) применения уголовного закона, и как дополнительный правовой заслон на пути преступности и иных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.[218] По их мнению, вовлекатель выступает не обладатель определенного возраста, а как антисоциальный «магнит», «авторитет», а потому в ложно понимаемую «взрослость» может втягивать не только опытный взрослый, но и антисоциально настроенный несовершеннолетний. В тоже время М. И. Арсеньева, В. М. Фокин и Н. Г.

---

[215] Вопросы уголовного права и процесса … С. 38.

[216] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №4. С. 10.

[217] Кусниденов К. К. Указ. Соч. С. 14.

[218] Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность … С. 77.

Яковлева утверждали, что ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную и иную антиобщественную деятельность должна наступать с 18 лет.[219] Аналогичного мнения придерживался и Верховный Суд СССР, указавший в постановлении №16 от 03. 12. 1976 г., что по ст. 210 УК РСФСР могут быть квалифицированы лишь действия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста. Законодатель подтвердил правильность последней позиции, поскольку достижение совершеннолетия виновным предполагает и более осознанный им подход к решению вопросов, связанных с совершением преступлений; и осознание повышенной степени опасности совершения преступлений против несовершеннолетних, то есть осознание объекта посягательства. В связи с этим дискуссию относительно возраста субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления можно считать исчерпанной.

В настоящее время вовлекательские действия одного несовершеннолетнего, направленные на привлечение к совершению какого-либо конкретного преступления другого несовершеннолетнего, могут получить оценку лишь в границах института соучастия в преступлении. Несовершеннолетний вовлекатель, не принимающий участия в совершении преступления, может выступать в качестве организатора либо подстрекателя к совершению преступления, если несовершеннолетний, которого он вовлекает в совершение преступление, достиг возраста уголовной ответственности; либо как исполнитель преступления согласно теории посредственного причинения, если несовершеннолетний вовлекаемый не достиг возраста уголовной ответственности или является невменяемым, а равно если он сам непосредственно принимает участие в совершении преступления. Соответственно несовершеннолетний вовлекатель несет ответственность за организацию или подстрекательство к покушению на

---

[219] Арсеньева М. И., Фокин В. М., Яковлева Н. Г. Характеристика особенностей вовлечения несовершеннолетних в иные (кроме преступления) формы антиобщественного поведения //Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних … С. 20.

преступление, если вовлекаемый им несовершеннолетний не доведет преступления до конца по независящим от него причинам. Несовершеннолетний вовлекатель может быть привлечен к уголовной ответственности за приготовление к преступлению в форме приискания соучастников, если его вовлекательские действия не закончились склонением какого-либо несовершеннолетнего к совершению преступления, и если задуманное им преступление относится к категории тяжких или особо тяжких. В любом случае суд имеет право учесть преступную активность несовершеннолетнего вовлекателя на основании ст. 63 УК в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, если признает, что он выполнял особо активную роль в совершении преступления.

Изложенные теоретические рекомендации подтверждаются и практикой применения уголовного закона. Так, судом г. Михайловска были осуждены несовершеннолетние К-о и К-к. Суд установил, что К-о и К-к по предварительному сговору друг с другом и совместно с малолетними Кур-м и Кул-м, из корыстных побуждений, с целью тайного хищения чужого имущества незаконно проникли в помещение магазина ООО «Гамма» в г. Михайловске и совершили кражу продуктов питания. При этом из материалов дела следует, что непосредственными исполнителями кражи являлись малолетние Кур-н и Кул-н. К-о и К-к в помещение ООО «Гамма» не проникали, а находились на улице и следили за появлением посторонних лиц. Поскольку Кур-н и Кул-н не достигли возраста уголовной ответственности, в соответствии со ст. ст. 8, 19, 20 УК РФ они не являются субъектами преступления, а следовательно, в их действиях отсутствует состав преступления. Поэтому следователь, руководствуясь ст. 33 УК РФ, правильно квалифицировал действия К-о и К-к как исполнителей данного деяния посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности.[220]

---

[220] Архив суда г. Михайловска Ставропольского края за 2000 год.

Возможны ситуации, когда несовершеннолетний является организатором преступных групп несовершеннолетних, характеризующихся сплоченностью, устойчивостью, вооруженностью, нацеленностью на совершение тяжких либо особо тяжких преступлений. В этом случае не исключается его ответственность по статьям 208, 209, 210, 239, 281[1] УК РФ.

Как видим, изложенные рекомендации применимы лишь в ситуации вовлечения одним несовершеннолетним другого в совершение конкретного преступления либо в преступную группу. В случае же передачи одним несовершеннолетним другому криминального опыта в форме пропаганды преступного образа жизни или психологической обработки уголовная ответственность несовершеннолетнего вовлекателя исключается. В данном случае включается механизм социально-правовой защиты и социально-правового воздействия на несовершеннолетних, предусмотренный Законом РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999.).

Криминологические исследования показывают, что возраст виновного при вовлечении немногим превосходит возраст несовершеннолетнего вовлекаемого. По данным М. И. Блум около 50 % вовлекателей имеют возраст 18 – 20 лет,[221] по свидетельству С. Ш. Ахмедовой основная масса вовлекателей имеет возраст 18 - 24 года.[222] По нашим данным среди вовлекателей несовершеннолетних в совершение преступлений лица в возрасте 18 лет составили 20%, 19 лет - 15%, 20 лет – 10 %, 21-30 лет - 41%, 31- 40 лет - 11%, 41-51 год - 3%.

Незначительный в большинстве случаев разрыв в возрасте между вовлекателем и вовлекаемым дает основание некоторым юристам предлагать не вполне обоснованные рекомендации относительно квалификации

---

[221] Блум М. И. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство //Вопросы уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Рига, 1971. С. 178.

[222] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 23.

рассматриваемого преступления. Так, ряд авторов формальное достижение возраста 18 лет вовлекателем не признает основанием для возложения уголовной ответственности в случае, если несовершеннолетний младше взрослого на несколько месяцев.[223] А. П. Перминова указывает, что обязательной предпосылкой ответственности по ст. 210 УК РСФСР является превосходство в возрасте, а потому двадцатилетнего вовлекателя можно привлечь к ответственности лишь в случае совершения им преступления в отношении 13 – 14 –летнего несовершеннолетнего.[224] С. С. Яценко, допуская в условиях прежнего законодательства привлечение к ответственности за вовлечение лиц, достигших 16-летнего возраста, также указывает, что основания для квалификации действий виновного как преступных исключаются, если отсутствует использование несовершеннолетним преступником своего возрастного преимущества над вовлекаемым лицом.[225] М. И. Арсеньева, В. М. Фокин и Н. Г. Яковлева полагают, что в случае небольшого разрыва в возрасте (на практике менее полугода) взрослого и вовлеченного и их примерно одинакового развития может быть вполне достаточным применение мер, заменяющих уголовное наказание.[226]

Действительно, как показывают криминологические исследования, разница в возрасте между вовлекателем и вовлекаемым в 57,9% случаев не превышает пяти лет. Уровень образования, культуры, развития у вовлекателя и несовершеннолетних вовлекаемых не имеет принципиальных и существенных отличий. Более того, несовершеннолетние в возрасте 17 и чуть более лет, вовлеченные в совершение преступления, через несколько месяцев став взрослыми, зачастую продолжают преступную деятельность в направлении вовлечения своих младших по возрасту товарищей в

---

[223] Курс советского уголовного права. Л., 1971. Т. 5. С. 61.

[224] Перминова А. П. Некоторые вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступления и другие антиобщественные поступки //Вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Пермь, 1969. С. 68.

[225] Яценко С. С. Указ. Соч. С. 152.

[226] Арсеньева М. И. и др. Указ. Соч. С. 20.

совершение преступлений. В качестве примера можно привести дело И-о., рассматривавшееся судом Ленинского района г. Ставрополя.

З. будучи ранее судимым, после освобождения из мест лишения свободы должных выводов для себя не сделал, нигде не работал и совершил ряд преступлений. В том числе 4-го августа вовлек в совершение преступления двух несовершеннолетних И-о. и З-к, предложив им совершить кражу вина и продуктов в подвалах жилых домов. Похищенные спиртные напитки они принесли домой к З., который два раза разливал вино в стаканы и предлагал им выпить, чем вовлек несовершеннолетних в распитие спиртных напитков. Немногим более полутора месяцев спустя, 21-го сентября И-о, уже будучи совершеннолетним, предложил несовершеннолетнему И. совершить кражу вина, которое они перенесли в подвал дома и стали распивать. Тем самым, И-о вовлек И. в преступную деятельность и пьянство.[227]

Столь незначительный возрастной промежуток между несовершеннолетним и лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, оказывается в реальности весьма существенным, так как определяет различную степень формирования личности, разный жизненный опыт, физическое развитие, взгляды на жизнь и окружающую действительность. А потому, на наш взгляд, он не должен служить основанием к отказу в уголовном преследовании. Совершенно правы авторы, полагающие, что незначительность разницы в возрасте виновного и потерпевшего не меняет юридической природы содеянного и не освобождает от ответственности за вовлечение.[228] На это обращала внимание Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в Определении от 10.01.1978 г. по делу Ковалева указавшая, что разница в возрасте немногим более трех месяцев между Ковалевым и несовершеннолетним Ремизовым не освобождает совершеннолетнего от ответственности за преступление, предусмотренное

---

[227] Архив суда Ленинского района г. Ставрополя за 1986 год.

[228] Правонарушения несовершеннолетних … С. 59.

ст. 210 УК РСФСР,[229] и это естественно, поскольку не возраст определяет роль каждого в преступлении, а личные качества и уровень антиобщественной установки. Более того, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении №16 от 3.12.1976 г. (с последующими изменениями) указывал, что возраст взрослого и несовершеннолетнего должен учитываться при назначении наказания,[230] обойдя вопрос о возрастной разнице в качестве основания непривлечения лица к уголовной ответственности.

Однако в некоторых случаях уголовный закон позволяет все-таки освободить вовлекателей от уголовной ответственности или от наказания. На основании ст. 96 УК РФ к лицам в возрасте от 18 до 20 лет с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения главы 14 УК РФ об особенностях уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних. В этом случае в соответствии со ст. ст. 90, 92 УК РФ вовлекатели в возрасте от 18 до 20 лет, впервые совершившие преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 150 УК РФ, могут быть освобождены от уголовной ответственности, а совершившие это преступление не в первый раз - от уголовного наказания, если будет признано, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Восемнадцатилетний возраст субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления заставляет обсудить еще один сложный вопрос, связанный с возможностью соучастия лиц, не достигших совершеннолетия, в рассматриваемом преступлении.

В его решении на сегодняшний день оформилось два противоположных подхода. Н. Иванов, признавая, что субъект преступления, указанного в ст. 150 УК, является специальным (по признаку возраста), пишет, что, ориентируясь на логическое толкование п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №7 от 14. 02. 2000 г. и на законодательный

---

[229] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1979. №3. С.10-11.

[230] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР ... С. 151.

императив ч. 4 ст. 34 УК, следует признать, что лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, но не имеющее необходимых признаков специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, не может быть признано исполнителем (соисполнителем) этого преступления, но может выполнять роль подстрекателя, пособника или организатора, и его действия следует квалифицировать с указанием выполненной роли.[231] Иного, и как представляется более обоснованного, мнения придерживается Ю. Е. Пудовочкин, когда пишет, что «состав соучастия в преступлении – это состав, который обладает специфическими, указанными в Общей части УК признаками, дополнительно к признакам, указанным в диспозиции статьи Особенной части. В ст. 150 же прямо сказано о восемнадцатилетнем возрасте субъекта. Возраст в данном случае – не специальный признак субъекта, а основной, обязательный, которым должен обладать любой участвующий в преступлении человек, независимо от выполняемой им роли».[232]

Полагаем, что позиция Н. Иванова уязвима, как минимум, по двум причинам. Во-первых, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления вряд ли стоит рассматривать в качестве преступления со специальным субъектом. Как известно, специальный субъект преступления - это «лицо, обладающее *наряду* с вменяемостью и возрастом уголовной ответственности и иным (и) дополнительным (и) юридическим (и) признаком (-ами), предусмотренным (и) в уголовном законе или прямо вытекающим (и) из него, ограничивающим (и) круг лиц, которые могут нести ответственность по данному закону».[233] Возраст большинством исследователей признается основным, но не специальным признаком субъекта преступления. И это абсолютно верно хотя бы потому, что один и тот же признак не может быть

---

[231] Иванов Н. Соучастие со специальным субъектом //Российская юстиция. 2001. №3.

[232] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 113.

[233] Устименко В. В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 23.

одновременно основным и специальным.[234] Если восемнадцатилетний возраст субъекта вовлечения является специальным признаком состава, то каковы в данном случае основные (обязательные) признаки субъекта преступления? Мы полагаем, что восемнадцатилетний возраст субъекта вовлечения не ограничивает круг общих субъектов, способных нести за него уголовную ответственность, а устанавливает этот круг общих субъектов. Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – это преступление, совершаемое общим, достигшим восемнадцатилетнего возраста, субъектом; в силу чего правила ч. 4 ст. 34 УК на него не распространяются.

Второе замечание, которое вызывает высказывание Н. Иванова, состоит в том, что даже если признать вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления преступлением со специальным субъектом, то остается неясным, кого же автор предлагает понимать под лицом, достигшим возраста уголовной ответственности? Всегда ли это лицо, достигшее 16 лет? Или в качестве соучастника в вовлечении может выступать лицо, достигшее 14 лет, особенно в случае, если за преступление, в которое вовлекается несовершеннолетний ответственность наступает с 14 лет? На эти вопросы автор не дает ответа.

Мы полагаем, что лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны не только исполнителями, но и его соучастниками (подстрекателями, организаторами, пособниками). В тоже время следует заметить, что несовершеннолетние, выполняющие совместно со взрослым лицом соисполнительские функции в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, может быть при определенных условиях признаны виновными в подстрекательстве этого

---

[234] В связи с изложенным хотелось бы высказать критические замечания в адрес тех авторов классификаций специальных субъектов преступления, которые выделяют в качестве особой группы специальных субъектов по признаку их возраста. См.: Российское уголовное право /под ред. А. В. Наумова. М., 1994. С. 118; Жуковский В. И. Субъект преступления в уголовном праве России. Ставрополь, 2002. С. 87.

несовершеннолетнего к совершению преступления. Точно также несовершеннолетние, подстрекающие взрослого к вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления, могут быть признаны организаторами того преступления, в совершение которого взрослый вовлекал несовершеннолетнего.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Дифференциация ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления посредством квалифицирующих признаков в УК РФ

Понятие дифференциации уголовной ответственности, при всех отличиях в его понимании, является достаточно хорошо изученным в уголовно-правовой науке.[235] При этом наиболее обоснованным нам представляется понимание дифференциации уголовной ответственности как градации, разделения, расслоения ответственности в уголовном праве, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного.[236] Одним из общепризнанных средств дифференциации ответственности является институт квалифицирующих признаков, посредством которых законодатель конструирует квалифицирующие или привилегирующие составы преступлений, устанавливая соответствующие им новые рамки санкций.

УК РФ впервые установил квалифицирующие признаки состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Статья 150 УК называет среди них: совершение преступления родителем, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего; совершение преступления с применением насилия или угрозой его применения; вовлечение несовершеннолетнего в преступную

---

[235] Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 1998; Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989; Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000 и др.

[236] Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. Соч. С. 52.

группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Рассмотрим содержание данных признаков.

В ч. 2 ст. 150 УК РФ зафиксированы дополнительные признаки, характеризующие субъекта преступления. Диспозиция ч. 2 ст. 150 УК РФ ограничивает круг лиц, способных нести ответственность за совершение этого преступления путем указания на присущую им всем обязанность воспитывать несовершеннолетнего. Для уголовного закона они обладают повышенной степенью общественной опасности не потому, что являются участниками брачно-семейных отношений или обладают определенными профессиональными навыками, а потому, что на них законом возложены важные социально-полезные функции воспитания подрастающего поколения, выполнением которых те грубо пренебрегают. Само понятие закона, по-видимому, следует трактовать в широком смысле, понимая под ним любой нормативно-правовой акт. Надо отметить, что ст. 156 УК РФ, предусматривающая ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, определяя круг субъектов преступления, не ограничивает их лицами, обязанными по закону воспитывать несовершеннолетнего, так как в диспозиции отсутствует указание на законодательную фиксацию данной обязанности, в тоже время она дополняет круг субъектов преступления лицами, призванными осуществлять надзор за несовершеннолетними. Как видно, перечень субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ, значительно уже аналогичного перечня применительно к ст. 156 УК РФ, хотя по смыслу закона он должен быть равным, так как Уголовный Кодекс и в том, и в другом случае стремится усилить ответственность лиц, которым общество доверяет воспитание детей и подростков.

Родители, усыновители, приемные родители, опекуны и попечители в силу возложенной на них законом (СК РФ) обязанности воспитывать несовершеннолетних могут выступать в качестве субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК, при этом следует иметь в виду, что

ответственность по данной части статьи наступает только в случае, если родители или лица их заменяющие вовлекают в совершение преступления своих детей или воспитанников.

Обязанности воспитания возлагаются на педагогов и на других лиц. Педагогом в смысле действующего законодательства является лицо, которому законом разрешено заниматься обучением и воспитанием, которое обладает для этого необходимыми знаниями, занимает определенную должность в образовательном учреждении либо занимается индивидуальной педагогической деятельностью. Иными лицами, ответственными за воспитание, являются некоторые сотрудники воспитательных колоний, комиссий по делам несовершеннолетних, учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений и др.[237]

Совершение преступлений против интересов несовершеннолетних несовместимо с дальнейшим пребыванием их в должности воспитателя. А потому уголовный закон предусматривает возможность применения к ним дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Но даже если суд не сочтет необходимым применить его, администрация образовательного или воспитательного учреждения или организации имеет право и, на наш взгляд, обязана воспользоваться п. 8 ч. 1 ст. 81 Трудового Кодекса РФ, ч. 3 ст. 56 Закона РФ «Об образовании» и расторгнуть с таким работником трудовой договор. При этом следует иметь в виду, что уголовная ответственность указанных работников наступает по ст. 150 УК РФ независимо от того, является ли несовершеннолетний вовлекаемый их учеником, воспитанником или нет. Занимаясь обучением и воспитанием детей, они реализуют высокие моральные обязанности перед государством. Всякий, кто взял на себя труд воспитателя, независимо от своих склонностей, способностей и возможностей обязан не только соблюдать закон, но и выполнять

---

[237] Подробный анализ признаков субъектов данного преступления см.: Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением … С. 61 – 68.

определенные моральные предписания и требования, руководствуясь чувством педагогического долга.

Следующим квалифицирующим признаком преступления является применение или угроза применения насилия при вовлечении. Понятие насилия в уголовном праве понимается юристами по-разному. Так, Л. Д. Гаухман пишет, что «в законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие».[238] Иного мнения придерживается Л. В. Сердюк, включая в содержание насилия и психическое насилие и определяя насилие как «внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий».[239] Мы полагаем, что отказывать психическому насилию в существовании не достаточных оснований, а потому можно выделить два вида насилия в уголовном праве: психическое и физическое. В рамках первого следует различать психическое насилие, связанное с расстройством здоровья и не связанное с ним. Физическое насилие может иметь своим объектом либо телесную неприкосновенность, либо здоровье, при этом в последнем случае можно выделить дополнительные подвиды физического насилия в зависимости от объема причиненного здоровью вреда. Вместе с тем, следует признать, что проблема психического насилия в УК РФ практически не решена. Сегодня Уголовный Кодекс, оперируя термином насилие, действительно, имеет в виду, в первую очередь, насилие физическое.

В настоящее время вопрос об определении объема физического насилия при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий в литературе не решен. Пленум Верховного

---

[238] Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 75.

[239] Сердюк Л. В. Насилие: уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 2002. С. 22.

Суда СССР в постановлении №16 от 3.12.1976 г. (с последующими изменениями) рекомендовал судам квалифицировать по совокупности преступлений вовлечение, сопряженное с причинением телесных повреждений или иных действий, образующих самостоятельный состав преступления.[240] Очевидно, что такое разъяснение не может быть приемлемым по причине изменения законодательства, установившего квалифицированный вид вовлечения. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14. 02. 2000 г. не содержит ответа на этот вопрос. Не решен он и в литературе. С. В. Бородин пишет, что под насилием в ч. 3 ст. 150 УК РФ следует понимать как опасное, так и не опасное для жизни и здоровья насилие в том числе, повлекшее причинение легкого вреда здоровью.[241] А. Н. Игнатов под насилием в этом случае понимает побои, причинение какого-либо вреда здоровью, связывание, запирание в помещении и так далее.[242] Ю. Е. Пудовочкин пишет, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершаемое с применением насилия или угрозой его применения предполагает применение к потерпевшему различных видов насилия, не признаваемого законом в качестве преступления, а также угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, оскорбления и клеветы, разовых побоев при допущении в сознании возможности их применения в других эпизодах вовлечения, не требующих самостоятельной квалификации. Причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью (как умышленно, так и по неосторожности), причинение смерти по неосторожности, истязание всегда, по его мнению, должно требовать дополнительной квалификации.[243]

На наш взгляд, ни одна из предложенных рекомендаций не может быть полностью воспринята практикой, поскольку противоречит выработанным

---

[240] Сборник постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР… С. 150.

[241] Новое уголовное право России. Учебное пособие. Особенная часть ... С. 94, 78.

[242] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации … С. 324, 322.

[243] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 116 – 117.

правилам квалификации составных насильственных преступлений, к которым и относится вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с применением насилия или угрозой его применения. Такие правила детально разработаны и изложены в работе Р. Д. Шарапова.[244] Основываясь на них, мы можем предложить следующие правила квалификации насильственного вовлечения:

1. Поскольку насилие – деяние всегда умышленное, то в признак «насилие», независимо от величины санкции за него, не должны включаться неосторожные физические последствия, наступившие в результате его применения или угрозы применения насилия. В таких случаях необходимо квалифицировать вовлечение по совокупности с неосторожным преступлением против здоровья личности.

2. Признак «насилие» никогда не охватывает собой умышленное причинение смерти, а потому, вовлечение, сопряженное с убийством, должно всегда квалифицироваться по совокупности преступлений.

3. Признак «насилие» всегда охватывает без дополнительной квалификации умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115), физической боли (ст. 116), а также приведение человека в беспомощное состояние (п. «к» ч. 1 ст. 61), а потому вовлечение, сопровождавшееся причинением такого объема насилия укладывается в границы ч. 3 ст. 150 УК.

4. Во всех других случаях, когда причинен средней тяжести или тяжкий вред здоровью, на определение объема физического насилия влияет 1) сравнительная строгость санкции за преступление, совершенное с применением насилия, и санкции в ст. 111, 112, 117, 126, 127 УК РФ; 2) форма вины по отношению к причиненному вреду здоровью в составе составного насильственного преступления. А потому составом насильственного вовлечения охватывается причинение несовершеннолетнему вреда здоровью средней тяжести, так как максимальная санкция за насильственное вовлечение составляет семь лет

---

[244] Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 274 – 289.

лишения свободы, а за причинение средней тяжести вреда здоровью – три года. Причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, похищение несовершеннолетнего с целью вовлечения его в преступления всегда квалифицируется по совокупности с вовлечением в преступление.

Рассматривая вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное с применением насилия или угрозой его применения, следует иметь в виду, что в случае совершения данного преступления родителем либо иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, содеянное подлежит квалификация по ч. 3 ст. 150 УК РФ, поскольку согласно общетеоретическим подходам особоквалифицирующий признак «поглощает» общественную опасность квалифицирующего, дополнительной ссылки на ч. 2 ст. 150 УК РФ не требуется. Равным образом конкуренция анализируемого состава с преступлением, предусмотренным ст. 156 УК РФ, разрешается в пользу специальной нормы, поскольку насильственное вовлечение является частным случаем ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенного с жестоким обращением с ним.

Квалификация вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления по ч. 3 ст. 150 УК РФ заставляет на практике обсудить еще один немаловажный вопрос – вопрос о преступности действий несовершеннолетнего вовлекаемого, совершившего под насильственным воздействием взрослого предусмотренное УК деяние. Известно, что насильственное воздействие лица на другое лицо с целью совершения последним какого-либо деяния против собственного волеизъявления – есть принуждение,[245] а потому может служить обстоятельством, исключающим преступность деяния. При этом «если принуждение носило непреодолимый характер либо критерии допустимости причинения вреда при преодолимом

---

[245] Калугин В. В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Ставрополь, 2001. С. 21.

принуждении были соблюдены, то принуждаемый как фактический причинитель вреда ответственности не подлежит».[246] Так же и несовершеннолетний вовлекаемый может быть освобожден от уголовной ответственности, если физическое принуждение со стороны взрослого носило непреодолимый характер, либо если причинение несовершеннолетним вреда правоохраняемым интересам под воздействием преодолимого физического принуждения или психического принуждения укладывается в границы правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

В качестве еще одного квалифицированного состава закон называет вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Анализируя этот признак, С. В. Бородин пишет, что квалификация по ч. 4 ст. 150 возможна, если несовершеннолетний вовлечен в предварительно сговорившуюся группу, организацию или сообщество,[247] тем самым он делает акцент на том, что в любом случае группа уже должна быть создана на момент вовлечения. Однако, это не совсем верно. Несовершеннолетний может вовлекаться как в уже созданную группу, так и в создаваемую группировку, о чем говорит А.Н. Игнатов.[248]

Само понятие «преступная группа» в УК не раскрывается, а потому оно требует доктринального толкования. В уголовно-правовой науке рядом исследователей предлагается исключить упоминание о преступной группе в тексте ч. 4 ст. 150 УК РФ. В частности, Н. Егорова говорит о том, что в законе точнее было бы указать не на вовлечение в «преступную группу», а на вовлечение в совершение преступления в какой-либо из перечисленных в ст.

---

[246] Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России. Ставрополь, 2001. С. 166.

[247] Новое уголовное право России. Особенная часть. Учебное пособие … С. 93.

[248] Комментарий к Уголовному кодексу… С. 322.

35 УК форм соучастия.[249] С. Ш. Ахмедова, сохраняя термин «преступная группа», предлагает установить в ст. 150 примечание, раскрывающее его содержание. При этом автор формулирует его следующим образом: «вовлечением малолетнего или несовершеннолетнего в преступную группу следует признавать вовлечение их в группы, признаки которых описаны в ст. 35 УК, а также в банду».[250] На наш взгляд, указанные определения не охватывают в полной мере всех возможных ситуаций вовлечения несовершеннолетних в группу, а потому не могут быть признаны убедительными.

Мы полагаем, что понятием «преступная группа» должны охватываться любые формы групповых образований, известных уголовному закону. В первую очередь, это группы, указанные в ст. 35 УК. Вместе с тем, следует иметь в виду, что вовлечение в первую из них - группу лиц без предварительного сговора - объективно невозможно, так как вовлечение уже само по себе предполагает определенную договоренность. Не должно квалифицироваться по ч. 4 ст. 150 и вовлечение несовершеннолетнего в группу лиц по предварительному сговору, при условии, если один взрослый воздействует на одного несовершеннолетнего, «сговаривается» с ним, так как в этом случае несовершеннолетний привлекается к совершению группового преступления в качестве пособника или соисполнителя и группа образуется лишь с его участием. Только в том случае, если несовершеннолетний вовлекается в уже созданную или создаваемую группу лиц по предварительному сговору, которая будет таковой и без его участия, то есть, если на момент вовлечения уже имеется предварительная договоренность о совершении преступления между как минимум двумя лицами, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления можно квалифицировать по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Под понятие преступной группы в любом случае

---

[249] Егорова Н. Понятия «преступная группа» и «групповое преступление» //Законность. 1999. №2.

[250] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 27.

подпадает организованная группа и преступное сообщество, признаки которых раскрываются соответственно в ч. 3 и ч. 4 ст. 35 УК.

Н. Егорова на основании ст. 30, 35 УК утверждает, что создание группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (за исключением случаев, прямо указанных в Особенной части УК РФ) не образует самостоятельного преступления и квалифицируется как приготовление к преступлению в форме приискания соучастников, при условии, что приготовление осуществлялось к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления.[251] А потому, согласно ее мнению, неудавшееся вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой должно квалифицироваться лишь как приготовление к преступлению группой лиц или организованной группой. Однако мы полагаем, что в данной ситуации налицо причинение вреда двум самостоятельным объектам уголовно-правовой охраны, в связи с чем возможна квалификация действия виновного по совокупности преступлений за приготовление к какому-либо преступлению, совершаемому группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, и за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу.

Помимо указанных, уголовному законодательству известен еще ряд преступных групп, которые предусмотрены в ст. 208 (организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем), ст. 209 (бандитизм), ст. 210 (организация преступного сообщества), ст. 239 (организация объединения, посягающего на личность и права граждан), ст. 282^1 (организация экстремистского сообщества). В этой связи возникает ряд проблем, связанных с квалификацией действий вовлекателя.

На квалификацию действий субъекта преступления влияет тот факт, что, вовлекая несовершеннолетнего в преступное сообщество, банду, незаконное вооруженное формирование, незаконное религиозное или

---

[251] Егорова Н. Указ. Соч.

общественное объединение, экстремистское сообщество, он выполняет одновременно два состава преступления и его действия по правилам идеальной совокупности могут квалифицироваться по статьям за преступления против общественной безопасности (создание какой-либо группы или подстрекательство к участию в ней) либо основ конституционного строя и против личности (квалифицированное вовлечение). Такая оценка возможна не всегда, а потому мы можем предложить следующие правила квалификации вовлечения:

1) если в уже созданные незаконное вооруженное формирование, банду, преступное сообщество, незаконное религиозное или общественное объединение, экстремистское сообщество их организатор вовлекает несовершеннолетнего, то его действия квалифицируются по совокупности преступлений независимо от возраста вовлекаемого несовершеннолетнего;[252]

2) если какую-либо группу составляют лица в возрасте до 14 лет, то создатель группы не может отвечать за преступление против общественной безопасности, а его действия должны квалифицироваться только по ч. 4 ст. 150 УК, поскольку незаконное вооруженное формирование, банду, преступное сообщество, незаконное религиозное или общественное объединение, экстремистское сообщество могут образовывать только лица старше 16 лет;

3) если процесс создания какой-либо из указанных групп не завершен и сопровождается вовлечением в группу несовершеннолетнего, то независимо от возраста последнего содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений как покушение на создание незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, незаконного религиозного или общественного объединения, экстремистского сообщества и вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу, если в группе

---

[252] Эту рекомендацию подтверждают и специальные исследования проблем преступлений против общественной безопасности. См.: Бейбулатов Б. Ш. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации и участия в незаконных вооруженных формированиях. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 17.

помимо вовлекаемого уже состояло более двух лиц старше шестнадцатилетнего возраста;

4) если первый или единственный человек, к которому обращается взрослое лицо для создания незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, незаконного религиозного или общественного объединения, экстремистского сообщества - несовершеннолетний, достигший 16 лет, то действия субъекта содержат признаки соответствующего состава преступления против общественной безопасности или конституционного строя и не могут квалифицироваться как вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу.[253]

При квалификации действий виновного по ч. 4 ст. 150 УК как сопряженных с вовлечением несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления следует обращаться к ст. 15 УК, которая проводит категоризацию преступлений в зависимости от степени их общественной опасности, и в соответствии с которой тяжким признается умышленное преступление, максимальное наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы, а особо тяжким признается умышленное преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или иное более тяжкое наказание.

В судебной практике этот квалифицирующий признак достаточно распространен. Вместе с тем, его наличие в статье вызывает ряд трудностей, связанных, как было указано ранее, с доказательством умысла виновного. К сожалению, ни в одном из изученных нами уголовных дел, рассмотренных судами по ч. 4 ст. 150, вопрос о содержании умысла виновного специально не обсуждался. Так, суд г. Карачаевска Карачаево-Черкесской Республики в приговоре по делу Д. просто констатировал: «суд квалифицирует действия подсудимого по эпизоду склонения малолетнего Н. к совершению кражи по ст. 150 ч. 4 как вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления путем обещаний и иным способом (а в данном случае

---

[253] См.: Пудовочкин Ю. Е., Чечель Г. И. Указ. Соч. С. 37 – 38.

способом настоятельного убеждения)».[254] Аналогичные формулировки присутствуют во всех приговорах. Такую практику нельзя признать удовлетворительной, поскольку она – есть проявление объективного вменения в уголовном праве, когда ответственность лица зависит не от направленности его умысла, а от квалификации следователем преступления, в совершение которого оно вовлекло несовершеннолетнего.

С квалификацией вовлечения несовершеннолетнего в тяжкое или особо тяжкое преступления связана и еще одна проблема. Уголовным законом какое-либо преступление может быть отнесено к категории тяжких или особо тяжких на основании квалифицирующего признака, тесно связанного с личностью лица, совершившего это преступление, например, на основании признаков «совершение преступления неоднократно», «совершение преступления лицом, ранее судимым за какое-либо преступление», «совершение преступления с использованием служебного положения» и др. В связи с этим возникает вопрос, можно ли квалифицировать как вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления ситуации, когда взрослый вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления, которое является тяжким для взрослого, но не является таковым для несовершеннолетнего. Судебная практика дает на него утвердительный ответ. Так, судом г. Карачаевска Д. был осужден за вовлечение восьмилетнего Н. в совершение кражи. Поскольку Д. ранее был судим по ст. 161 УК РФ, суд обоснованно квалифицировал его действия как исполнение кражи неоднократно (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ). В тоже время по эпизоду вовлечения восьмилетнего Н. в совершение преступления суд квалифицировал действия Д. как вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления.[255] Однако мы полагаем, что такое решение не вполне соответствует принципу законности.

---

[254] Архив суда г. Карачаевска КЧР за 2001 год.
[255] Архив суда г. Карачаевска КЧР за 2001 год.

Во-первых, в ситуации вовлечения несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, говорить о вовлечении собственно в преступление не приходится, что мы уже отмечали. Независимо от того, к какой категории законодатель относит деяние, оно остается общественно опасным, а не преступным, а потому не подлежащим категоризации. Во-вторых, в ситуации, когда вовлекается в преступления несовершеннолетний, достигший возраста ответственности, совершаемое им преступление не может быть признано тяжким на основании данных, относящихся к личности взрослого соучастника. Верховный Суд неоднократно подчеркивал это обстоятельство. Так, в определении Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Н. от 16. 12. 1967 г. указывалось, что квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя (совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом), не вменяются в ответственность соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием.[256] Тоже можно сказать и о нераспространении на исполнителя признаков, характеризующих других соучастников. В этом случае преступление для несовершеннолетнего не является тяжким или особо тяжким, он вовлекается и совершает преступление иной категории тяжести. Полагаем, что в рассматриваемых ситуациях квалификация действий виновного по ч. 4 ст. 150 исключается; квалифицирующие же признаки характеризующие личность взрослого, должны учитываться при квалификации того преступления, в совершение которого он вовлекает несовершеннолетнего.

---

[256] Вопросы уголовного права и процесса … С. 49.

§ 2. Возможности совершенствования законодательства в части дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

Необходимость дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления посредством конструирования новых и совершенствования имеющихся квалифицирующих признаков данного состава всегда была в центре внимания исследователей.

В условиях прежнего уголовного законодательства предложения по совершенствованию ст. 210 УК РСФСР сводились к следующему:

1. Предусмотреть в качестве квалифицирующего признака данного состава совершение преступления родителями. В. Н. Смитиенко писал на этот счет, что «при всей относительной исключительности такого рода случаев родители, потерявшие моральное и формальное право носить столь почетное звание, при прочих равных условиях должны нести большую ответственность, чем остальные граждане».[257] При этом на практике случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий родителями или иными родственниками встречались и в шестидесятые, и в восьмидесятые годы прошлого века, и в начале нашего столетия примерно с одинаковой частотой; по разным оценкам в 7%,[258] - 7,5%,[259] - 8,6%[260] случаев.

2. Предусмотреть в качестве квалифицирующего признака состава вовлечение путем понуждения в совершение преступление. Предложивший это В. Ф. Иванов писал: «особенность понуждения состоит в том, что в нем

---

[257] Смитиенко В. Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР. Киев, 1989. С. 115.

[258] Миньковский Г. М., Брускин Г. З. Указ. Соч. С. 12.

[259] Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением … С. 84.

[260] Джекебаев У. О криминологических аспектах психологического взаимовлияния людей в процессе общения //Вопросы борьбы с преступностью несовершеннолетних. Сб. статей. Алма-Ата, 1968. С. 43.

физическое и психическое насилие проявляются в своеобразной взаимосвязи, которую придает этому виду насилия цель его применения – достичь нужного ответного поведения несовершеннолетнего»,[261] а его применение, несомненно, повышает степень общественной опасности содеянного. На практике применение насилия в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления встречалось по различным оценкам в 2,9%,[262] 4%,[263] 8%[264] случаев.

3. Предусмотреть в качестве квалифицированных видов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность преступление по признакам повторности вовлечения, в отношении двух и более несовершеннолетних, либо повлекшее тяжкие последствия, а также вовлечения несовершеннолетних в организованную преступность.[265]

4. Предусмотреть в качестве квалифицирующего признака вовлечения наличие у взрослого судимости и особо опасный рецидив.[266] Обоснованием такого предложения служил тот факт, что наличие судимости у взрослого вовлекателя наблюдалось по различным оценкам в 30%[267] – 40%[268] - 48,5%[269] случаев.

Как видим, многие из предложенных наукой рекомендаций были учтены отечественным законодателем при подготовке нового уголовного законодательства, предусматривающего сейчас повышенную

---

[261] Иванов В. Ф. Указ. Соч. С. 90.

[262] Джекебаев У. Указ. Соч. С. 43.

[263] Иванов В. Ф. Указ. Соч. С. 90.

[264] Миньковский Г. М., Брускин Г. З. Указ. Соч. С. 10.

[265] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 137.

[266] Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность … С. 87.

[267] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 130 – 133; Миньковский Г., Каневский Л. Указ. Соч. С. 20.

[268] Грошева Н., Сперанский К. Рассмотрение дел о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность //Советская юстиция. 1980. №15. С. 8.

[269] Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением … С. 89.

ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления родителями или иными ответственными за его воспитание лицами, за вовлечение в преступление с применением или угрозой применения насилия, за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу.

Однако и современные формулировки закона вызывают нарекания в уголовно-правовой литературе.

Так, анализируя состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, Ю. Е. Пудовочкин пришел к выводу о том, что: 1) признаки специального субъекта вовлечения в ч. 2 ст. 150 УК РФ должны быть расширены за счет указания на лиц, обязанных воспитывать несовершеннолетнего не только по закону, но и на основании иных нормативно-правовых актов, а также лиц, осуществляющих надзор за несовершеннолетним или в зависимости от которых находится несовершеннолетний; 2) насилие как признак вовлечения в ч. 3 ст. 150 УК РФ должно быть ограничено насилием, не опасным для жизни или здоровья; 3) ч. 4 ст. 150 УК РФ должна быть исключена из закона с одновременным формулированием состава организации преступной группы лиц, не подлежащих уголовной ответственности; 4) необходимо усиление ответственности за неоднократное вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, причем неоднократность как признак состава должна быть как тождественной, так и нетождественной.[270]

Следует заметить, что некоторые из этих предложений поддержаны законодателем. Так, в Проекте № 211303-3 федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (о расширении правовых гарантий защиты несовершеннолетних от любых форм сексуальных посягательств), который был внесен депутатами Государственной Думы Л. К. Слиской, А. И. Романчук, Т. В. Яковлевой, А.

---

[270] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 114 – 1117, 119 – 120, 132 - 134.

М. Буратаевой и В. А. Лекаревой, предлагается часть вторую ст. 150 изложить в следующей редакции: «2. То же деяние, совершенное родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от пяти до восьми лет или без такового».[271]

Аналогичным образом в Проекте федерального закона № 108017-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (об усилении уголовной ответственности за нравственное растление, сексуальное совращение и эксплуатацию несовершеннолетних), который был внесен депутатами Государственной Думы С. П. Горячевой, Н. Ф. Герасименко, А. И. Гуровым, В. А. Лекаревой, З. И. Воронцовой, Н. А. Останиной, Е. А. Костериным, В. Ф. Рашкиным, М. Р. Рокицким, Т. В. Яковлевой, Ф. Г. Зиятдиновой и В. М. Зубовым 28. 06. 2001 г., и который был принят в первом чтении 27. 06. 2002 г., планируется часть вторую ст. 150 УК изложить в следующей редакции: «2. То же деяние, совершенное родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, – наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».[272]

---

[271] http://www.legislature.ru

[272] http://www.legislature.ru

Проекты № 211303-3, 108017-3, кроме того, предлагают включить в часть третью анализируемой статьи в качестве квалифицирующего признака неоднократность совершения преступлений.

Соглашаясь с высказанными Ю. Е. Пудовочкиным предложениями в части первого, второго и четвертого утверждений, полагаем, что рекомендации об исключении ч. 4 ст. 150 УК выглядят несколько не вполне обоснованными. Действительно, состав организации преступной группы лиц, не подлежащих уголовной ответственности, имеет преимущества по сравнению с составом вовлечения несовершеннолетнего в преступную группу, поскольку позволяет привлекать к ответственности лиц, которые выполняют не только вовлекательские, но и иные, например, организаторские действия по созданию указанной группы (обеспечивают финансирование, «коррупционное» прикрытие, планирование деятельности и т. д.), и его наличие в тексте уголовного закона вполне допустимо. Однако исключение признака вовлечения в преступную группу из анализируемого состава преступления приведет к тому, что уголовный закон будет равнодушен к проблеме дифференциации ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Сегодня 72% несовершеннолетних осужденных совершают преступление в группе, причем только в 60% случаев групповых посягательств группа состоит только из несовершеннолетних. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в «смешанной» группе (то есть в группе и с несовершеннолетними, и со взрослыми) растет значительными темпами - на 16,2% за период с 1989 по 1997 год. В подобных условиях исключение уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение групповых преступлений представляется неоправданным.

Также неоправданно и исключение повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Вряд ли можно согласиться с мнением Ю. Е. Пудовочкина о

том, что «степень причинения вреда развитию несовершеннолетнего не зависит от того, в совершение какого именно преступления он вовлекается».[273] На наш взгляд, вовлечение несовершеннолетнего, например, в простую кражу и в убийство или изнасилование обладают различной степенью общественной опасности именно в силу тех последствий, которые они могут оставить в психике подростка. А потому законодатель должен дифференцировать ответственность в зависимости от категории или вида преступления, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний.

Если обратиться к законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, то можно заметить стремление законодателей акцентировать внимание правоприменителя на проблеме борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Речь идет, в частности, о внесенном 11. 07. 2001 г. депутатами Государственной Думы В. А. Лекаревой, Н. Д. Ковалевым, К. Б. Зайцевым, В. П. Черемушкиным, Г. И. Стрельченко, Ф. Г. Зиятдиновой, М. Р. Рокицким, Г. И. Тихоновым, Г. И. Райковым, В. Н. Ивановой, В. Н. Лысенко, В. И. Юдиным, Н. Н. Гончаром, А. Н. Лоторевым, Ф. И. Гайнуллиной, Н. В. Коломейцевым и О. А. Финько Проекте № 113450-3 федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» (об ужесточении уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ).[274] Статья вторая законопроекта предлагает дополнить Кодекс статьей 150-1 следующего содержания:

Статья 150-1. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ

---

[273] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 121.

[274] http://www.legislature.ru

1. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без таковой.

2. То же деяние, совершенное родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом обязанности по воспитанию несовершеннолетнего –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом, ранее судимым за одно или несколько преступлений, предусмотренных статьями 151, 228–234 настоящего Кодекса,–

наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Полагаем, что предложение депутатов слишком казуистично. В Заключении Правового управления Государственной Думы по проекту федерального закона № 113450-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», подписанном начальником управления Б. И. Исаковым, совершенно справедливо отмечается, что действующая статья 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» полностью охватывает и такой вид преступной деятельности, как незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ. Если же говорить о тяжести преступления, в которое вовлекается в данном случае несовершеннолетний, то существует большое число других видов тяжких и особо тяжких преступлений, ответственность за вовлечение в совершение которых предусмотрена частью четвертой статьи 150 УК.

Исключение квалифицирующего признака «вовлечение в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления», равно как и конструирование самостоятельных составов вовлечения в различные по тяжести и по виду преступления, - это две крайности.

Ю. Е. Пудовочкин аргументирует необходимость исключения рассматриваемого признака тем, что при квалификации содеянного виновным по ч. 4 ст. 150 УК РФ не соблюдается принцип вины, поскольку у суда, в связи с требованиями закона, возникает необходимость выяснения того, осознавал ли взрослый к какой категории тяжести относится преступление, к которому он склоняет несовершеннолетнего.[275] Признаем, что подобное замечание не лишено смысла. Законодателю действительно необходимо избегать использования правовых понятий при описании признаков состава преступления, иначе правоприменителю необходимо устанавливать психическое отношение виновного именно к тому, что понимает под тем или иным правовым термином сам законодатель (а известно, что обыденное и законодательное понимание каких-либо понятий могут не совпадать). Однако объективная потребность усиления защиты несовершеннолетних от вовлечения их в совершение наиболее опасных преступлений заставляет обсудить возможный вариант согласования требований принципа вины и справедливости.

На наш взгляд, степень причинения вреда развитию, психическому благополучию и психологической безопасности несовершеннолетнего при вовлечении его в совершение преступления зависит не столько от законодательного решения об отнесении преступления, в совершение которого он вовлекается, к той или иной категории тяжести (ст. 15 УК), сколько от объективной характеристики самого этого преступления. Особо негативное влияние на несформировавшуюся психику несовершеннолетнего могут оказать совершаемые им убийства, истязания, изнасилования,

---

[275] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 121.

насильственные действия сексуального характера, а равно любые иные преступления, совершаемые с особой жестокостью, в отношении заведомо беременной женщины, в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Мы полагаем, что именно эти преступления и должны быть перечислены в ч. 4 ст. 150 УК РФ.

Продолжая начатый анализ современной литературы в части установления новых и совершенствования имеющихся квалифицирующих признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, отметим работу С. Ш. Ахмедовой. С. Ш. Ахмедова полагает, что квалифицирующим признаком анализируемого состава должно быть вовлечение в совершение общественно опасного деяния малолетнего (ч. 2), а особо квалифицирующим, наряду с существующими, вовлечение несовершеннолетнего в систематическое совершение преступлений (общественно опасных деяний) (ч. 4).[276]

Мы полагаем, что дифференциация ответственности взрослого вовлекателя в зависимости от возраста вовлекаемого нецелесообразна, поскольку степень вреда, причиняемая несовершеннолетнему в результате вовлечения, зависит не столько от его возраста, сколько от интенсивности действий самого вовлекателя и характеристики действий (бездействия), в совершение которых вовлекается подросток. Малолетний возраст потерпевшего, при определенных условиях, вполне можно учесть в рамках отягчающих обстоятельств. Для того же чтобы стать квалифицирующим признаком, какое-либо обстоятельство должно быть не только характерным для части преступлений соответствующего вида, но и быть существенным, «отражать типовую, значительно измененную в сравнении с основным составом преступления степень общественной опасности содеянного и личности виновного».[277]

---

[276] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 27.

[277] Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. Соч. С. 162 -1 63.

Что касается второго из предложенных С. Ш. Ахмедовой признаков, то он, на наш взгляд, нуждается в поддержке и некоторой корректировке.

Отметим, что Проект федерального закона № 211303-3 дополняет ч. 3 ст. 150 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как вовлечение с использованием несовершеннолетнего для систематического извлечения прибыли; а Проект № 108017-3 аналогичный признак формулирует как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в целях систематического извлечения дохода.

Как видим, при, в общем-то, едином подходе, заключающемся в стремлении усилить ответственность взрослых, которые вовлекают несовершеннолетних в систематическое совершение преступления и паразитируют за их счет, предлагаемые формулировки существенно отличаются: вовлечение в систематическое совершение преступлений не требует для квалификации ни особой цели, ни извлечения дохода от преступной деятельности несовершеннолетнего; использование для систематического извлечения прибыли предполагает непосредственное получение прибыли виновным (следует заметить, что употребление понятия прибыли здесь крайне неудачно); вовлечение с целью систематического извлечения дохода не требует для квалификации факта получения дохода, ограничивая предмет доказывания лишь целью соответствующего содержания.

Представляется, что в основе каждого из предложений лежит желание авторов вернуться к понятию «преступная деятельность», не используя его непосредственно в тексте закона.

Следует заметить, что однозначный отказ законодателя от признака «преступная деятельность» в рассматриваемом составе преступления нельзя признать полностью удачным. Случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений не так уж редки на практике. По данным Г. Миньковского и Л. Каневского 35 – 40 % осужденных по ст. 210 УК РСФСР (ст. 150 УК РФ) вовлекали несовершеннолетних в совершение

двух и более преступлений,[278] по свидетельству Н. Грошевой и К. Сперанского доля специального рецидива среди осужденных за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений составляет 2%.[279] Наши исследования показывают, что факты последовательного или разового вовлечения несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений составляют 35,08% от всех случаев осуждения лиц за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений. Как правило, деятельность взрослого лица, направленная на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений протекает непродолжительное время от одного – трех месяцев до года, что с учетом неоднократного (систематического) склонения подростка к преступлениям свидетельствует о ее достаточно высокой интенсивности, а, следовательно, и о повышенной опасности. Примером подобной деятельности может служить уголовное дело по обвинению А. в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 161 ч. 3 п. «в», 158 ч. 3 п. «в», 325 ч. 2, 228 ч. 1, 150 ч. 4, 150 ч. 1 УК РФ. Из материалов дела видно, что А., знакомый с несовершеннолетним П. (1979 года рождения) в течение четырех месяцев, с августа 1996 года, и заведомо знавший о том, что П. является несовершеннолетним, в течение декабря месяца 1996 года путем предложений, обещаний разделить похищенное последовательно вовлекал его в совершение кражи, грабежа, хищения личных документов, которые и были совершены несовершеннолетним П. (осужденным в итоге за пять преступлений) совместно с А.[280]

Уголовный Кодекс, к сожалению, не реагирует на факты систематической (неоднократной) деятельности взрослого вовлекателя и не предусматривает соответствующего квалифицирующего признака. Учет неоднократности в действиях взрослого лица возможен, если оно несколько раз склоняет несовершеннолетнего к совершению преступлений, состав

---

[278] Миньковский Г., Каневский Л. Указ. Соч. С. 20.

[279] Грошева Н., Сперанский К. Указ. Соч. С. 8.

[280] Архив суда Промышленного района г. Ставрополя за 1997 год.

которых содержит квалифицирующий признак неоднократности. В этом случае взрослый будет нести ответственность за вовлечение и неоднократное совершение какого-либо преступления, однако при таком подходе интересы защиты несовершеннолетних отходят на второй план, что представляется недопустимым.

В связи с изложенным представляется необходимым обратить внимание законодателя на несоответствие ст. 150 УК потребностям уголовно-правовой охраны несовершеннолетних и предложить некоторую коррекцию данной нормы в части усиления ответственности за многократную деятельность взрослого лица по вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений. Сделать это можно различным образом. Можно предложить предусмотреть в ст. 150 квалифицирующий признак неоднократности, а можно воспользоваться предшествующим законодательным опытом и вновь легализовать понятие преступной деятельности. Второй вариант решения проблемы представляется нам предпочтительным, поскольку, во-первых, само понятие неоднократности в уголовном праве нуждается в существенной корректировке, а во-вторых, понятие преступной деятельности более точно отражает основание усиления ответственности, поскольку несет несколько иную, чем неоднократность, смысловую нагрузку.

Как справедливо заметил А. Ф. Зелинский «преступная деятельность – это система предусмотренных уголовным законом общественно опасных действий или деятельности, внутренне детерминированных общим мотивом, реализация которого планируется субъектом посредством постановки и достижения частных промежуточных целей. Преступная деятельность отражает направленность личности в данной области отношения к миру и представляет собой осознанное и волевое целенаправленное поведение, запрещенное уголовным законом».[281] Очевидно, что вовлечение в такой тип

---

[281] Зелинский А. Ф. Повторение преступлений как преступная деятельность //Государство и право. 1995. №12. С. 57 – 58.

поведения и вовлечение в совершение преступления – совершенно различные по степени общественной опасности деяния.

Возвращаясь к криминализации вовлечения несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений, следует сделать некоторую поправку с учетом сказанного ранее о недопустимости оперирования термином «преступление» в тексте рассматриваемой нормы. В связи с изложенным, полагаем, что в ст. 150 УК РФ уместно конструирование квалифицирующего признака - вовлечение несовершеннолетнего в общественно опасную деятельность, который по степени общественной опасности близок вовлечению несовершеннолетнего в преступную группу и в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

В качестве еще одного возможного квалифицирующего признака нам бы хотелось назвать вовлечение нескольких несовершеннолетних в совершение преступления. Такой признак предлагается в законопроектах № 211303-3, 108017-3. Он имеет под собой серьезное криминологическое обоснование. По нашим данным вовлечение одного несовершеннолетнего в совершение преступления имело место в 62,4% изученных дел; двух – в 23,8%, трех – в 5%, четырех – в 7%, пяти – в 0,9%, семи – в 0,9%. В общей сложности вовлечение двух и более несовершеннолетних наблюдается в 37,6% случаев. Полагаем, что этих цифр и оценки опасности личности вовлекателя нескольких несовершеннолетних в преступление как существенно повышенной по сравнению с опасностью обычного, рядового вовлекателя, достаточно для того, чтобы в статье 150 предусмотреть соответствующий квалифицирующий признак.

Как представляется, его уместно дополнить и таким признаком, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В изученных делах вовлечение совершалось одним человеком в 80,2% случаев, двумя – в 14,9%, тремя – в 4%, четырьмя – в 0,9%; итого вовлечение, совершенной группой лиц, имеет место в 19,8% случаев. Поскольку степень

интенсивности группового вовлечения выше, чем у индивидуально совершенного, поскольку группе значительно легче подавить очаги внутреннего сопротивления несовершеннолетнего, полагаем,, конструирование соответствующего квалифицирующего признака будет уместным.

Дифференциация уголовной ответственности за уже криминализированное деяние посредством квалифицирующих признаков в механизме уголовно-правового регулирования сопровождается установлением ответственности за общественно опасные формы человеческого поведения (криминализацией деяний). В рамках настоящего раздела работы представляется возможным и необходимым высказать собственное отношение к проблеме криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Проведенный анализ уголовного законодательства, практики его применения и научных трудов специалистов позволяет установить, что ст. 150 УК РФ предусматривает ответственность исключительно за активные действия взрослого по вовлечению. Ответственность за вовлечение путем бездействия исключена. Вместе с тем, в ряде случаев пассивное поведение взрослых лиц, не препятствующих преступной деятельности несовершеннолетних представляет не меньшую общественную опасность, чем активные вовлекательские действия. На наш взгляд, решение проблемы привлечения к ответственности за бездействие, приведшее к преступлению несовершеннолетнего, следует решать с позиций разработанного в науке учения о попустительстве преступлениям. Заметим, что тема попустительства преступлениям не относится к числу достаточно разработанных. Так, в обстоятельной монографии В. Н. Зырянова исследуется практически один вид попустительства – попустительство со

стороны должностных лиц и управленцев;[282] работ же, освещающих попустительство преступлениям со стороны иных лиц, практически нет. Вместе с тем, как показал анализ исторических документов, законодательной практике прошлых столетий была известно специальная норма о попустительстве преступлениям детей со стороны их родителей или иных ответственных за их воспитание лиц. Полагаем, что в современных условиях есть все основания воспользоваться этим опытом и криминализировать попустительство преступлениям несовершеннолетних.

При этом следует соблюдать выработанные теорией и законодательной практикой правила криминализации деяний, совершаемых путем бездействия. Бездействие представляет собой «общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки способ поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно был и могло совершить».[283] Как известно, ответственность за бездействие может наступать только при наличии объективной обязанности и субъективной возможности совершить требуемое действие.

Обязанность препятствовать преступной деятельности несовершеннолетних возложена на строго определенный круг лиц, для расширения которого нет теоретических оснований. В связи с этим представляется несостоятельным предложение Е. А. Рапопорт о целесообразности закрепления в Конституции РФ общественного долга каждого взрослого гражданина бережно относиться к нравственному развитию несовершеннолетних. Она предлагает дополнить ст. 38 Конституции нормой примерно следующего содержания: «Бережное отношение к нравственному развитию несовершеннолетних – общественный долг каждого гражданина; общественно опасное нарушение этого долга

---

[282] Зырянов В. Н. Попустительство по службе, совершаемое в правоохранительной сфере (уголовно-правовая оценка, проблемные ситуации в законодательстве и правоприменительной практике и пути их решения). Ставрополь, 1999.

[283] Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления … С. 85.

преследуется законом».[284] Однако такое дополнение повлечет за собой необоснованное расширение сферы уголовной репрессии при применении уголовного законодательства об охране несовершеннолетних, что не объясняется необходимостью. Обязанность воспитания детей в первую очередь возложена на родителей. Согласно ст. 38 Конституции РФ «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Это положение подтверждается и Семейным Кодексом РФ (1995), который в ст. 63 установил: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей». Кроме родителей, обязанность воспитания детей возлагается на усыновителей (ст. 137 СК РФ); приемных родителей (ст. 153 СК РФ, п. 1 Положения о приемной семье, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 829 от 17. 07. 1996.); опекунов и попечителей (ст. 31 ГК РФ, ст. 150 СК РФ), а также некоторых иных лиц, перечень которых определяется теми или иными нормативными актами. Фиксация обязанности в нормативном акте приобретает собой значение в анализируемом случае, поскольку, как справедливо указал А. А. Тер-Акопов, «если нет соответствующих правовых требований, то лицо не отвечает за бездействие».[285]

Понятно, что нормальное воспитание исключает привитие несовершеннолетним преступного образа жизни, а, следовательно, возлагает на взрослых и обязанность по воспрепятствованию преступной деятельности несовершеннолетних.

Возможность воспрепятствования преступлениям несовершеннолетних со стороны обозначенных лиц должна оцениваться из анализа физических и психических качеств лица, его состояния в момент совершения поступка, уровня знаний и квалификации, всей совокупности внешних обстоятельств, в

---

[284] Рапопорт Е. А. Указ. Соч. С. 148.

[285] Тер-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 68.

которых оно действовало. «Бездействие лица, обязанного противодействовать преступлению, может рассматриваться как попустительство лишь в том случае, если это лицо реально могло противостоять преступлению, то есть его предотвратить, пресечь или изобличить. При этом возможность противостоять преступлении е должна быть сопряжена с опасностью для данного лица (других лиц)».[286] Если по каким-либо причинам в суде будет установлена неспособность субъекта исполнять обязанности по воспитанию, уголовное преследование должно быть прекращено. Родители в этом случае могут быть ограничены в родительских правах на основании ст. 73 СК РФ, усыновление может быть отменено по ст. 141 СК РФ, опекуны и попечители отстраняются от исполнения обязанностей согласно ст. 39 ГК РФ, договор о передаче детей в приемную семью досрочно расторгается согласно ст. 152 СК РФ; а лица, профессионально занимающиеся воспитанием, могут быть уволены с занимаемой должности в виду профессионального несоответствия согласно ст. 31 КЗоТ РФ.

Учитывая, что «причиняющая способность» бездействия – попустительства значительно ниже в сравнении с активными вовлекательскими действиями, целесообразно, на наш взгляд, сконструировать состав попустительства преступлениям несовершеннолетних по типу материального, где последствием указать совершение несовершеннолетним преступления, хотя бы на стадии покушения на преступление или приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению.

Материальный состав такого преступления предполагает и возможные формы вины при его совершении. Не вдаваясь в анализ дискуссии относительно формы вины при попустительстве,[287] полагаем, что оно может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

---

[286] Зырянов В. Н. Указ. Соч. С. 10.

[287] Такая работа уже проведена, см.: Зырянов В. Н. Указ. Соч. С. 64 – 70.

В законодательной практике некоторых зарубежных стран состав попустительства преступлениям несовершеннолетних рассматривается как проявление ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию детей. Так, УК ФРГ в § 170-d установил наказание в виде трех лет лишения свободы тому, «кто грубо нарушает свою обязанность по попечению и воспитанию лица моложе шестнадцати лет и тем самым создает опасность для физического или психического развития опекаемого, приводит его к преступному образу жизни или к занятию проституцией». В российском уголовном праве есть норма о защите детей от ненадлежащего воспитания (ст. 156 УК), однако ее современная конструкция не позволяет привлечь обязанных субъектов к ответственности за отсутствие должного усердия в воспитании подростка и попустительство его преступлениям, если поведение взрослого не связано с жестоким обращением с ребенком. Предлагаемые в науке рекомендации относительно ее совершенствования[288] способны оптимизировать практику охраны несовершеннолетних и привлекать к ответственность взрослых попустителей. Но, на наш взгляд, конструирование специальной нормы о попустительстве преступлениям несовершеннолетних со стороны определенного круга ответственных за их воспитание лиц, вполне уместно, поскольку оно обладает и конструктивными особенностями (материальный состав, умышленная и неосторожная формы вины) и специфическим уровнем общественной опасности. Предлагаемая норма может иметь следующую редакцию:

Статья 150[1] Попустительство общественно опасному поведению несовершеннолетних

Попустительство общественно опасному поведению несовершеннолетних со стороны родителей или иных лиц, ответственных за их воспитание, повлекшее совершение несовершеннолетним предусмотренного настоящим Кодексом деяния, покушения на его

---

[288] См.: Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 286 – 287.

совершение либо приготовление его к предусмотренным настоящим Кодексом тяжким или особо тяжким преступлениям, - наказывается …

Подобное дополнение уголовного закона способно, на наш взгляд, обеспечить всестороннюю охрану процесса формирования личности несовершеннолетнего от любого рода посягательств (активных и пассивных), способствующих привитию и формированию у него установки на допущение криминального поведения в повседневной жизни.

§ 3. Индивидуализация наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

Назначение уголовного наказания – важнейшая составляющая процесса применения уголовно-правовых норм. На данном этапе на суде лежит обязанность назначить справедливое, индивидуализированное наказание лицу, признанному виновным в совершении преступления. Под индивидуализацией наказания следует понимать выбор судом на основе закона и правосознания такого вида и размера наказания, которое соответствовало бы характеру и степени общественной опасности совершенного конкретного преступления, данным, характеризующим личность виновного с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, позволяющего добиться исправления осужденного, а также предупредить совершение преступления иными лицами.[289]

Критерии индивидуализации уголовного наказания изложены в ст. 60 УК РФ, в соответствии с которой лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части Кодекса. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Общим правилом индивидуализации наказания является назначение его в пределах санкции статьи Особенной части.[290] При этом для точного назначения мер уголовно-правового воздействия необходимо жесткое ограничение и социальная обусловленность наказания в санкции статьи.

---

[289] См.: Чечель Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. Саратов, 1978. С. 13.

[290] Мы не рассматриваем здесь вопросы назначения наказания ниже низшего предела санкции, за неоконченное преступление и за множественность преступлений.

«Четкого обозначения пределов санкции требует, главным образом, соблюдение справедливости наказания, поскольку одним из принципов назначения наказания является соответствие наказания тяжести содеянного. Коль скоро тяжесть содеянного в каждом конкретном случае различна, а наказании должно ей соответствовать, то и пределы санкций должны быть различным образом формализованы», - писал А. П. Козлов.[291]

УК РФ конструирует санкции за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по типу относительно-определенных санкций. При этом в части первой, третьей, четвертой ст. 150 УК предусмотрены относительно-определенные, размероотносительные, неальтернативные, простые санкции, а в части второй – относительно-определенная, размероотносительная, неальтернативная, суммирующая санкция.[292]

Санкция отражает степень общественной опасности преступления. Заметим, что Уголовный Кодекс России оценивает опасность вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений выше, чем Модельный Кодекс для стран СНГ. Если Модельный Кодекс оценивает вовлечение по части первой как преступление небольшой тяжести, то УК РФ – как преступление средней тяжести; если Модельный Кодекс оценивает вовлечение по части третьей как преступление средней тяжести, то УК РФ – как тяжкое преступление.

Несмотря на это, в науке уголовного права и в законотворческой деятельности настойчиво проводится мысль о необходимости усиления ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Весьма аргументировано предложение по усилению санкций за рассматриваемое преступление у Ю. Е. Пудовочкина. Он пишет, что «с целью создания эффективных гарантий реализации принципов законности и

---

[291] Козлов А. П. Уголовно-правовые санкции: проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск, 1989. С. 18.

[292] См. Козлов А. П. Указ. Соч. С. 60.

справедливости санкции за преступления против несовершеннолетних, а точнее за их квалифицированные виды следовало бы изменить».[293] Основываясь на разработанном Т. А. Лесниевски-Костаревой варианте соотношения санкций основного и квалифицированного составов преступлений (согласно которому недопустимо устанавливать единый минимальный размер наказания в простом и квалифицированным составе; устанавливать существенный разрыв между максимумом наказания простого и минимумом квалифицированного составов; а также различным образом индексировать наказание за идентичные квалифицирующие признаки), автор провел анализ санкций за преступления, предусмотренные ст. 150 и 151 УК РФ, представив его следующей таблицей.

	Ст. 150			Ст. 151		
	Среднее значение санкции	Min лишение свободы	Max лишение свободы	Min лишение свободы	Max лишение свободы	Среднее значение санкции
Ч.1	2,75	6 мес.	5 лет	6 мес.	4 года	2,25
Ч.2	3,25	6 мес.	6 лет	6 мес.	5 лет	2,75
Ч.3	4,5	2 года	7 лет	6 мес.	6 лет	3,25
Ч.4	6,5	5 лет	8 лет	-	-	-

Из таблицы видно, что законодатель в принципе одинаково подходит к оценке идентичных в ч. 2 и в ч. 3 статей 150, 151 квалифицирующих признаков, повышая среднее значение лишения свободы в 1,18 – 1,2 раза в ч. 2 ст. 150, 151 по сравнению со средним значением лишения свободы в ч. 1 ст. 150, 151; в 1,4 – 1,6 раза – в ч. 3 ст. 150, 151 по сравнению со средним значением лишения свободы в ч. 1 ст. 150, 151. Таким образом, степень влияния тождественных квалифицирующих признаков одинакова. Вместе с

[293] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних … С. 134 – 135.

тем, утверждает Ю. Е. Пудовочкин, анализируемые санкции страдают и некоторыми недостатками. Во-первых, представляется слишком большим разрыв между максимальным значением лишения свободы ч. 1 ст. 150 и минимальным его значением в ч. 2 ст. 150, который составляет: 5 – 0,5 = 4,5 года, и который, как полагает автор, должен быть сокращен хотя бы до 2 лет путем увеличения минимума лишения свободы в ч. 2 ст. 150 до 3 лет. Аналогичным образом, пишет Ю. Е. Пудовочкин, следует сократить разрыв между максимумом лишения свободы в ч. 2 ст. 150 и минимумом этого наказания в ч. 3 ст. 150 путем увеличения последнего до 4 лет. В итоге, им предложена следующая модель санкций за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Ст. 150			
Часть статьи	Среднее значение санкции	Min лишение свободы	Max лишение свободы
Ч.1	2,75	6 мес.	5 лет
Ч.2	4,5	3 года	6 лет
Ч.3	5,5	4 года	7 лет
Ч.4	6,5	5 лет	8 лет

Автор не пошел на повышение максимального размера санкций за анализируемое преступление, предложив лишь упорядочить их минимальные размеры.

В тоже время в теории высказано мнение о необходимости повышения максимального размера санкций за вовлечение. В частности, С. Ш. Ахмедова утверждает о том, что санкция за насильственное вовлечение в ч. 3 ст. 150 УК должна составлять от трех до восьми лет лишения свободы (в настоящее время она составляет от двух до семи лет); а за вовлечение в

тяжкое преступление или в группу – от пяти до десяти лет лишения свободы (в настоящее время – от пяти до восьми лет).[294]

Предложения по усилению ответственности за вовлечение рассматриваются и Государственной Думой РФ. Так, законопроект №108017-3 предусматривает повышение санкций за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и моделирует их следующим образом: в части первой – «до шести лет лишения свободы»; в части второй – «до семи лет лишения свободы»; в части третьей – «от двух до восьми лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового»; в части четвертой – «от пяти до десяти лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Еще далее идет законопроект №211303-3, согласно которому предлагается сконструировать следующие санкции за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: в части первой – «от одного года до шести лет лишения свободы»; в части второй – «до восьми лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от пяти до восьми лет или без такового»; в части третьей – «от четырех до десяти лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от семи до десяти лет»; в части четвертой – «от шести до двенадцати лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от семи до десяти лет». Соответственно последний законопроект предлагает изменить и часть вторую статьи 47 УК, изложив ее в следующей редакции: «2. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве

---

[294] Ахмедова С. Ш. Указ. Соч. С. 27.

основного вида наказания. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания устанавливается на срок от шести месяцев до трех лет за совершение преступлений небольшой и средней тяжести и на срок от трех до десяти лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений».

Вопросы определения, в том числе и повышения, границ санкции за то или иное преступление всегда были в центре внимания юристов-практиков, ученых и непосредственно законодателя. «Законодатель непроизвольно устанавливает пределы санкций, а в зависимости от стоящих на данном этапе задач, усиления борьбы с определенными видами преступлений или возможностью применения более мягких мер воздействия к лицам, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности. Законодатель учитывает происшедшие изменения в социальной и политической обстановке, накопленный опыт борьбы с преступностью, данные судебной практики, результаты научных исследований. Следовательно, в основе определения характера и размеров санкций лежат объективные процессы, объективные обстоятельства», - писал Н. Н. Кондрашков.[295]

Объективная же ситуация сегодня такова, что подавляющее большинство лиц, осужденных за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершают преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 150 УК РФ по признаку вовлечения несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Так, из общего числа осужденных по ст. 150 УК РФ в Ставропольском крае за период с 1997 по 2001 год совершили преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 150 УК – 14,9% лиц; ч. 2 ст. 150 УК – 5,1% лиц; ч. 3 ст. 150 УК – 0,9% лиц; ч. 4 ст. 150 УК – 79,1% лиц.

---

[295] Кондрашков Н. Н. меры наказания в законе и на практике //Социалистическая законность. 1968. №2. С. 20.

Отражением объективной опасности анализируемого преступления могут служить и данные о назначаемом судами уголовном наказании, при этом в плане научного анализа небезынтересным будет сравнение практики назначения наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступление в различные временные отрезки (напомним, что максимальное наказание за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность по УК РСФСР 1960 года составляло пять лет лишения свободы). Представим соответствующие данные в следующей таблице (см. табл. 1).

Таблица 1. Практика назначения наказания судами за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность

Срок наказания	**60-е годы XX века (данные Г. Миньковского и Л. Каневского[296])**	**70-е годы XX века (данные Н. И. Трофимова, Сибирский регион[297])**	**Первая половина 80-х годов XX века (данные А. И. Марцева, Сибирский регион[298])**	**Вторая половина 80-х годов XX века (данные К. К. Сперанского, Краснодарский край[299])**	**90-е годы XX века (наши данные, Ставропольский край)**
До 2 лет лишения свободы	62,7 – 68% (включая лиц, осужденных условно, или к исправительным работам)	1%	5,7%	18%	11,6%
2 года лишения свободы	-	16%	20%	40%	26,8%
2,5 года лишения свободы	-	-	-	-	8,1%

[296] Миньковский Г., Каневский Л. Указ. Соч. С. 20

[297] Трофимов Н. И. Обстоятельства, способствующие преступным посягательствам на духовное и физическое развитие несовершеннолетних и меры их предупреждения. Иркутск, 1980. С. 48.

[298] Марцев А. И. и др. Эффективность борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельсность. Омск, 1985. С. 28.

[299] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 136.

3 года лишения свободы	-	32%	37,2%	20%	39,5%
3,5 года лишения свободы	-	-	-	-	2,4%
4 года лишения свободы	2,8 – 11,6%	12%	20%	12%	8,1%
5 лет лишения свободы		18%	17,1%	8%	3,5%

Понимая всю условность своего умозаключения, отметим все-таки, что на протяжении второй половины прошлого столетия практика назначения наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления существенным образом менялась, причем в конце прошлого столетия, в отличие от середины века, имела место заметная тенденция вынесения приговоров в большинстве случаев с наказанием из второй половины санкции статьи: наказание более строгое, чем два с половиной года лишения свободы, назначалось по различным оценкам в 40 – 74% случаев. Вместе с тем, как писал К. К. Сперанский, «суды довольно робко назначают максимальные размеры наказания, что … объясняется их непринципиальностью и недостаточной требовательностью к качеству расследования уголовных дел».[300]

Недостаток качества предварительного расследования уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность подтверждается и данными о соотношении осужденных и оправданных по ст. 210 УК РСФСР. По нищим данным в Ставропольском крае в 90-е годы XX века из числа привлеченных к уголовной ответственности по ст. 210 УК РСФСР в судах были освобождены от уголовной ответственности 3,9%, оправданны – 57,2%, осуждены – 38,9% лиц. При этом динамика оправдательных и обвинительных приговоров такова: если в 80-е годы в судах Ставропольского края было осуждено 56,7% лиц, привлеченных к ответственности за

[300] Там же.

вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, а оправданно – 43,8%; то в 90-е годы эти показатели составили соответственно 31% и 69%.

Вступление в силу Уголовного Кодекса России отчасти стабилизировало судебную практику и повысило качество предварительного расследования уголовных дел. Так, из общего числа обвиняемых по ст. 150, 151 УК РФ за период с 1997 по 2001 год обвинительный приговор был вынесен 97% лиц; в отношении 0,75% был вынесен оправдательный приговор, еще в отношении 0,75% были применены принудительные меры медицинского характера, в отношении 1,5% дело было прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам.

Вместе с тем, на наш взгляд, среди осужденных за рассматриваемые преступления весьма высок процент условно осужденных лиц: из числа осужденных и наказанных лиц 40,3% наказание назначено условно, 59,7% отбывают наказание реально. Столь широкая практика применения условного осуждения не соответствует задачам борьбы с преступлениями против несовершеннолетних, и должна быть скорректирована, например, вынесением приговоров с назначением реального наказания ниже минимального предела санкции статьи 150 УК РФ, поскольку реальное, пусть и более мягкое, наказание эффективней в плане достижения целей наказания, нежели условное осуждение.

Далее, изучение практики вынесения приговоров показало, что из числа наказанных лиц 1,6% приговорены к уплате штрафа (с применением с. 64 УК), 97,6% - к наказанию в виде лишения свободы. При этом приговоры к лишению свободы вынесены условно в отношении 40,6% лиц, реально отбывают наказание в виде лишения свободы 59,4%. Среди реально отбывающих наказание в виде лишения свободы срок наказания до 1 года определен 1,4% осужденных, 1-2 года – 1,4%, 2-3 года – 22,2%, 3-5 лет – 19,4%, 5-8 лет - 55,6%.

Как видим, практика вынесения наказания в виде лишения свободы, отбываемого реально, заметно ужесточилась по сравнению с

предшествующими периодами, что обусловлено, вероятно, и тем, что большая часть преступления квалифицирована по ч. 4 ст. 150 УК РФ, и изменением в целом социально-политической обстановки стране, и усилением внимания к проблеме обеспечения безопасности детства, и общей тенденцией роста преступности в стране.

В связи с изложенным, вопрос о необходимости изменения санкций за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, поднятый ранее, приобретает новое звучание. На наш взгляд, оснований для усиления санкций на сегодняшний день нет, они вполне адекватны характеру и степени общественной опасности рассматриваемого преступления. Оптимизация санкций возможна в плане предложенного Ю. Е. Пудовочкиным согласования минимальных и максимальных размеров санкций, но не в плане их увеличения.

Проведенный анализ практики назначения наказания за вовлечение, свидетельствующий о большом числе приговоров с условным осуждением, заставляет обсудить вопрос о коррекции санкций в ст. 150 УК в сторону трансформации их из санкций с неальтернативно обозначенным видом основного наказания в санкции с альтернативными основными наказаниями. Полагаем, что в санкции части первой и второй анализируемой статьи вполне допустимо включение в качестве альтернативы таких видов наказания как исправительные работы, ограничение свободы, арест. Кроме того, вполне обоснованно предложение, содержащееся в законопроектах №№ 108017-3, 211303-3, о внесении в санкции частей третьей и четвертой статьи 150 УК дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Подобного рода изменение санкции статьи 150 УК, на наш взгляд, будет способствовать укреплению начал законности, справедливости и гуманизма в уголовном праве.

Назначая наказание в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, суд учитывает обстоятельства, характеризующие опасность деяния и личность виновного.[301]

На сегодняшний день имеется официальное разъяснение понятия «характер и степень общественной опасности преступления», содержащееся в Постановлении № 40 Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 г. Согласно позиции Пленума, «характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (статья 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в соучастии)».

Указанная группа обстоятельств преимущественно выражена в признаках состава преступления (хотя и не ограничивается ими), а потому, как рассмотренная нами ранее, не требует дополнительного освещения. Отметим лишь, в общем, что при назначении наказания за вовлечение с учетом данных об опасности данного преступления необходимо учитывать его специфические особенности, а именно групповой и рецидивный характер посягательства на один из важнейших объектов уголовно-правовой охраны.

Вторая группа обстоятельств, учитываемая судом, и характеризующая личность виновного, не отражена в законе, а потому требует своего анализа. Обозначим основные социально-демографические характеристики

---

[301] Мы считаем, что смягчающие и отягчающие обстоятельства не образуют самостоятельного критерия индивидуализации наказания, поскольку, согласно закону, учитываются судом «в числе» обстоятельств, характеризующих опасность содеянного и личность виновного.

исследуемой группы преступников, которые могут быть учтены судом при назначении уголовного наказания.

Подавляющее большинство вовлекателей - лица мужского пола, их удельный вес среди осужденных составляет 90,5%, удельный вес женщин не высок - 9,5%. В возрастном отношении среди анализируемой категории преступников наиболее активны в криминальном плане восемнадцати - двадцатилетние лица, которые составляют 45,2% от общего числа вовлекателей. На долю лиц в возрасте от 21 до 30 лет приходится 40,5%; лица в возрасте от 31 до 40 лет составляют 11,1%; старше 40 лет - 3,2%. Исследования семейного положения вовлекателей показало, что подавляющее большинство из них - холостые мужчины (74,5% от общего количества мужчин) и незамужние женщины (75% от общего количества женщин).

Исследование материалов уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в преступление дало возможность рассмотреть степень знакомства между вовлекателем и вовлекаемым. Оказалось, что не редким фактом является наличие родственных связей между ними. Родственники, супруги и сожители наблюдаются в 8,4% изученных дел; причем преобладающим типом родственных отношений является связь типа «отец - сын», двоюродные братья. Однако, в подавляющей массе (85,6%) отношения между сторонами процесса вовлечения характеризуются знакомством, при этом процент дел, в которых пары были хорошо знакомы, то есть знакомы свыше двух лет, является достаточно внушительным - 55,4. Существенным объяснением этого факта может служить небольшая разница в возрасте между вовлекателем и вовлекаемым. Разница в один год наблюдается в 14,4% пар; два года - в 15,3%; три года - в 12,0%; четыре года - в 6,0%; пять лет - 10,2%. Итого, в большинстве случаев (57,9%) разница в возрасте не превышает пяти лет. Из этого можно сделать вывод, что вовлекатели чаще всего являются старшими товарищами вовлекаемых, которые имеют общие интересы, сходный образ мыслей и так далее.

Исследование профессиональной занятости участников процесса вовлечения показало, что 57,1% вовлекателей на момент совершения преступления не учились и не работали, доля учащихся ПТУ среди них невелика - 6,4%, в тоже время доля работающих - 36,5%. В основном они заняты физическим трудом, не требующим высокой квалификации.

Следует отметить, что профессиональными знаниями, дающими возможность устроиться на работу, обладает незначительное количество осужденных. Среди них образование менее девяти классов имеет всего 3,2%, 35,7% - неполное среднее образование, 53,2% - среднее полное, а среднее специальное образование имеет 7,9%.

Анализ предшествующего поведения вовлекателей показывает, что среди них 48,5%, были ранее судимы.

Небезынтересны данные и о состоянии здоровья вовлекателей. Эпилепсией, шизофренией, органическим поражением головного мозга больны незначительное количество человек, чаще встречается психопатия (каждый пятый подвергавшийся экспертизе) и олигофрения (каждый четвертый подвергавшийся экспертизе). Все же наибольшее распространение среди них имеет злоупотребление алкоголем (каждый второй подвергавшийся экспертизе и освидетельствованию). Само по себе заболевание не является причиной преступности и склонности к употреблению спиртного, тотальной зависимости между ними нет; тем не менее, «болезнь, как, прежде всего патологический процесс, вносит существенные изменения во взаимоотношения биологического и социального, усиливая и отчасти высвобождая природно-психические свойства из под субординирующего влияния социально психических свойств»[302]. Учитывая недостаточную социальную адаптацию всех лиц, имеющих психические аномалии, становится объяснимым достаточно

[302] Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1987. С.45.

высокий их процент в общей массе вовлекателей - 11,2% (из лиц подвергавшихся экспертизе он составляет соответственно 61,9%).

Приведенные данные подтверждаются и другими исследованиями. В частности, аналогичную, но обобщенную, и слишком категоричную, характеристику личности преступника дал К. К. Сперанский: «взрослый подстрекатель – это лицо, как правило, мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет, с наличием ярко выраженных антиобщественных взглядов, принципов, привычек, навыков, традиций (антисоциальной установки) либо с отсутствием у него твердых положительных взглядов, моральных принципов и привычек (асоциальной установки), с паразитической и тенденцией удовлетворять свои узкоэгоитстические потребности и интересы путем вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность».[303]

На наш взгляд, такая негативная оценка личности преступника должна корректироваться его в подавляющем большинстве случаев молодым возрастом, наличием физиологических недостатков, близкой степенью знакомства с жертвой преступления, отсутствием должного уровня образования и культуры.

Предложенная характеристика отражает, безусловно, в обобщенном виде, типовую степень личности преступника. В каждом конкретном случае она будет существенно корректироваться индивидуальной характеристикой личности, которую и должен учитывать суд при назначении уголовного наказания. Вместе с тем, такая типовая характеристика также не лишена смысла, ибо она выполняет важную ориентирующую функцию, а также может быть учтена и при выработке профилактических мероприятий.

При назначении уголовного наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с учетом личности виновного, суду необходимо выяснять его отношение к труду, обучению, выполнению гражданского долга, поведение в быту и на производстве,

---

[303] Сперанский К. К. Указ. Соч. С. 133.

состояние здоровья и трудоспособность, семейное положение, сведения о судимостях и т. д.

Новым и неизвестным ранее действовавшему законодательству критерием индивидуализации наказания является учет судом влияния назначенного наказания на условия жизни семьи осужденного. Полагаем, что он не имеет специфических особенностей в рассматриваемой группе преступлений.

Подробный и тщательный анализ указанных выше обстоятельств должен быть проведен судом в каждом конкретном деле применительно к каждому подсудимому, именно он обеспечит мотивированность назначаемого судом вида и размера уголовного наказания, способствуя тем самым достижению целей восстановления социальной справедливости, исправления виновного и предупреждения преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребность практики и разработке эффективных средств предупреждения преступлений против несовершеннолетних и преступности самих несовершеннолетних обусловливает необходимость теоретического анализа такой нормы с двойной превенцией, как норма о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления.

Изучив исторический опыт борьбы с таким преступлением, современное состояние уголовно-правовых норм об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в Росси и за рубежом, мы пришли к следующим основным выводам.

1. Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) следует понимать активные действия достигшего совершеннолетия лица, направленные на лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, и заключающиеся в приобщении, втягивании, укреплении у него решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния или деятельности либо в приобщении и подготовке его к преступному образу жизни.

2. В целях соблюдения принципов вины и законности при конструировании и применении анализируемой нормы следовало бы заменить понятие «преступление» в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ понятием «общественно опасное деяние».

3. Родовой объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления есть совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное физическое, психическое, нравственное и социальное развитие лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в духе соблюдения Конституции и законов Российской Федерации; уважения человека, его прав и труда; уважительного отношения к обществу, правилам и традициям человеческого общения; утверждения несовершеннолетнего в качестве самостоятельного и полноценного субъекта общественных отношений, свободно реализующего свои права и свободы.

4. Основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

5. Несовершеннолетний, вовлеченный в совершение преступления, при определенных обстоятельствах может быть признан потерпевшим от преступления. Для признания несовершеннолетнего потерпевшим от вовлечения в совершение преступления (если деяние взрослого не содержит признаков насилия) необходимо установить, что были нарушены фактические общественные отношения, составляющие объект рассматриваемого преступления, что процессу развития подростка был причинен реальный вред или создана угроза реального причинения вреда.

6. Объективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления сконструирована по типу формального состава преступления и состоит в активных действиях взрослого лица, направленных на одного или нескольких несовершеннолетних. Вместе с тем, имеется потребность в криминализации попустительства преступной деятельности несовершеннолетних путем бездействия со стороны лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетнего.

7. Субъективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления характеризуется исключительно умышленной формой вины, при этом отношение виннового к возрасту несовершеннолетнего, которое характеризуется только интеллектуальным, и не включает волевой момент, может быть выражено в различной степени его осознания.

8. Современный набор средств дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, в основном соответствует потребностям практики, однако, возможна некоторая коррекция имеющихся квалифицирующих признаков, в частности

необходимо расширить перечень специальных субъектов преступления в части второй анализируемой нормы; а признак вовлечения в тяжкое или особо тяжкое преступление заменить на «вовлечение в совершение убийства, истязания, изнасилования, насильственных действий сексуального характера, а равно любых иных преступлений, совершаемых с особой жестокостью, в отношении заведомо беременной женщины, в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии».

9. Возможна дальнейшая дифференциация ответственности за анализируемое преступление посредством конструирования таких квалифицирующих признаков как «совершение преступления в отношении двух и более несовершеннолетних», «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», «вовлечение несовершеннолетнего в общественно опасную деятельность».

9. Санкции за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления нуждаются в коррекции посредством согласования верхнего предела санкции за основной состав с нижним пределом санкции за квалифицированный состав; включения в санкции частей третьей и четвертой дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; введения в санкции частей первой и второй анализируемой нормы альтернативных наказаний в виде исправительных работ, ограничения свободы, ареста.

Изложенное позволяет говорить о возможности некоторой трансформации уголовно-правовой нормы о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Считаем возможным предложить законодателю изложить ее в следующей редакции.

Статья 150. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение общественно опасного деяния

1. Вовлечение лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в совершение общественно опасного деяния (действия или бездействия) путем

обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, - наказывается исправительными работами на срок до двух лет, ограничением свободы на срок до трех лет, арестом на срок от четырех до шести месяцев или лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное родителем, педагогом либо иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно лицом, осуществляющим надзор за несовершеннолетним или в зависимости от которого находится несовершеннолетний, -

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, ограничением свободы на срок до трех лет, арестом на срок от четырех до шести месяцев или лишением свободы на срок от трех до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) с применением насилия или с угрозой его применения,

б) в отношении двух или более несовершеннолетних,

в) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, -

наказываются лишением свободы на срок от четырех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего:

а) в преступную группу,

б) в совершение убийства, истязания, изнасилования, насильственных действий сексуального характера, а равно любых иных преступлений, совершаемых с особой жестокостью, в отношении заведомо беременной женщины, в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии,

в) а общественно опасную деятельность, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Кроме того, как было отмечено, имеется потребность в криминализации преступного попустительства преступной деятельности несовершеннолетних. Полагаем, что соответствующая норма в УК РФ, располагаясь вслед за ст. 150 УК, могла бы иметь следующую редакцию:

Статья 150[1]. Попустительство общественно опасному поведению несовершеннолетних

Попустительство общественно опасному поведению несовершеннолетних со стороны родителей или иных лиц, ответственных за их воспитание, повлекшее совершение несовершеннолетним предусмотренного настоящим Кодексом деяния, покушения на его совершение либо приготовление несовершеннолетнего к предусмотренным настоящим Кодексом тяжким или особо тяжким преступлениям, - наказывается …

Предложенные изменения, не претендуя на бесспорность, способны, на наш взгляд, обеспечить всестороннюю защиту интересов несовершеннолетних от негативной информации, снизить уровень антиювенальной и ювенальной преступности.

БИБЛИОГРАФИЯ

НОРМАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

1. Конвенция о правах ребенка (1989) // Права человека: Основные международные документы. М., 1989.

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) // Права человека: Основные международные документы. - М., 1989.

3. Конституция РФ. М., 1993.

4. Уголовный Кодекс РФ (1996) по состоянию на 1 сентября 2002 г. //Консультант плюс – Справочная правовая система.

5. Уголовный Кодекс РСФСР (по состоянию на 5 февраля 1996.). М., 1996.

6. Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников СНГ // Известия вузов. Правоведение. 1996. № 1.

7. УК Азербайджана от 30 декабря 1999 года. СПб., 2001.

8. УК Беларуси от 9 июля 1999 года. М., 2000.

9. УК Казахстана от 16 июля 1997 года. М., 1997.

10. УК Киргизии от 18 сентября 1997 года. М., 1998.

11. УК Молдовы от 24 марта 1961 года. М., 2000.

12. УК России от 13 июня 1996 года. М., 2002.

13. УК Таджикистана от 21 мая 1998 года. Душанбе, 1998.

14. УК Узбекистана от 22 сентября 1994 года. СПб., 2001.

15. УК Украины от 5 апреля 2001 года. СПб., 2001.

16. Закон РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» от 3.07.1998 г.// Российская газета. 1998. 5 августа.

17. Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национальный план действий в интересах детей). Утверждены Указом Президента РФ №942 от 14.09.1995 г.// Собрание законодательства РФ. 1995. №38. Ст. 3669.

18. Президентская программа «Дети России» на 1996-1997 годы. Приложение к Указу Президента РФ от 19.02.1996 г. №210 // Собрание законодательства РФ. 1996. №9. Ст. 799.

19. Основные направления государственной семейной политики. Утверждены Указом Президента РФ №712 от 14.05.1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. №21. Ст. 2460.

20. Постановление №27 Пленума Верховного Суда РСФСР «О недостатках в работе судов по рассмотрению уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних и гражданских дел, возникающих из трудовых правоотношений подростков» от 26.05.1965 г. // Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР. М., 1967.

21. Постановление №8 Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 12.09.1969 г.// Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. №5.

22. Постановление №3 Пленума Верховного Суда СССР «О задачах судов по выполнению постановлений ЦК КПСС, Совета министров СССР и Указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 11.07.1972 г.// Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. №4.

23. Постановление №16 Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 03.12.1976 г. (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума №6 от 09.07.1982 г., №7 от 26.04.1984 г., №15 от 01.11.1985 г., «№10 от 18.04.1986 г., №17 от 05.12.1986.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.

24. Постановление №5 Пленума Верховного Суда СССР «О выполнении судами законодательства и руководящих разъяснений Пленума Верховного

Суда СССР при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» от 09.07.1982 г.// Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.

25. Постановление №15 Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства, направленного на усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом» от 01.11.1985 г.// Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.

26. Постановление №2 Пленума Верховного Суда РСФСР «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства по борьбе с пьянством и алкоголизмом» от 27.08.1986 г. (в редакции постановления Пленума №11 от 21.12.1993.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.

27. Постановление №6 Пленума Верховного Суда РСФСР «О выполнении судами РФ постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 15.12.1987 г.// Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. №2.

28. Постановление №5 Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» от 25.12.1990 г. (в редакции постановления Пленума №11 от 21.12.1993 г., с изменениями, внесенными постановлением №10 от 25.10.1996.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. №1.

29. Постановление №7 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних от 14. 02. 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №4.

30. Обзор судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. №11.

31. Обзор о рассмотрении судами Российской Федерации дел о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. №5.

ЛИТЕРАТУРА

а) Монографии и научные статьи:

1. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии / Ин-т государства и права; Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1987.

2. Арсеньева М. И., Фокин В. М., Яковлева Н. Г. Характеристика особенностей вовлечения несовершеннолетних в иные (кроме преступления) формы антиобщественного поведения. - В сб.: Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение. Сб. науч. тр. М., 1981.

3. Афиногенов С. Насилие и угроза в проекте нового УК, принятом Государственной Думой // Юридическая газета. 1996. №4.

4. Бабий Н. А. Уголовная ответственность за спаивание несовершеннолетних. Мн., 1986.

5. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве России. Ставрополь, 2001.

6. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев; АН СССР, Ин-т государства и права. М., 1990.

7. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность / Лановенко И. П., Барило Т. С., Бурчак Ф. Г. и др.; Отв. ред. Лановенко И. П.; АН УССР, Ин-т государства и права. Киев, 1986.

8. Бриллиантов А. В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство и доведение до состояния опьянения // Советская юстиция. 1979. №18.

9. Брускин Г. С. Ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство и другое антиобщественное поведение // Социалистическая законность. 1975. №10.

10. Брускин Г. Судебное разбирательство дел о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность // Советская юстиция. 1975. №14.

11. Былинкина А., Гуковская Н. Активизировать борьбу с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социалистическая законность. 1970. №6.

12. Галахова А. Ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство // Советская юстиция. 1975. №16.

13. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001.

14. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974.

15. Гуськов Н., Иванов В. За действенную борьбу с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социалистическая законность. 1967. №2.

16. Дагель П. С., Котов В. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

17. Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973.

18. Доценко Е. Л. Механизмы межличностной манипуляции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. №4.

19. Ефимов М. А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Мн., 1971.

20. Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания. Учеб. пособие. М., 1990.

21. Завьялов В. Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости / Отв. ред. Ц. П. Короленко. Новосибирск, 1988.

22. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе: (сравнительное исследование) / Р. Радева, Ф. Кратохвил, Дао Чи Ук и др.; Отв. ред. М. М. Ларин. М., 1993.

23. Зелинский А. Ф. Квалификация повторных преступлений. Учеб. пособие. Волгоград, 1976.

24. Иванов В. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних путем понуждения в преступную и иную антиобщественную деятельность.- В сб.: Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические аспекты. Межвуз. науч. сб. Саратов, 1987. Вып. 3.

25. Кистяковский А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрение русских учреждений. Киев, 1878.

26. Ковалев М. И. Общественно-опасные последствия и диспозиция уголовного закона // Советское государство и право. 1990. №10.

27. Козлов А. П. Уголовно-правовые санкции: проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск, 1989.

28. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996.

29. Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений: Учеб. пособие / Ред. Е. И. Гринин. Волгоград, 1976.

30. Кривошеин П. К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы). Киев, 1990.

31. Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестн. Моск. ун-та. Серия обществ. наук. Вып. 1. 1955. №1.

32. Кузнецова Н. Пьянство, преступность, их предупреждение // Советская юстиция. 1985. №22.

33. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

34. Кудрявцев В. Н. общая теория квалификации преступлений. М., 1999.

35. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.

36. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 1998.

37. Лисицын Ю. П., Копыт Н. Я. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты): 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983.

38. Максимова Н. Ю. О склонности подростков к аддиктивному поведению // Психологический журнал. Т.17. 1996. №3.

39. Малков В. П. Повторность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974.

40. Матышевский П. С., Дидковская С. П., Туркевич И. К. Правовые и медицинские меры борьбы с пьянством и алкоголизмом. Киев, 1987.

41. Матюшенко М., Шость Н. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную и иную антиобщественную деятельность // Советская юстиция. 1985. №16.

42. Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988.

43. Миньковский Г., Каневский Л. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность - важное направление профилактической работы // Советская юстиция. 1967. №18.

44. Миньковский Г. М., Брускин Г. З. Общая характеристика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение. - В сб.: Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение. Сб. науч. тр. М., 1981.

45. Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969.

46. Мясищев В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды. М., Воронеж, 1995.

47. Научно-практический комментарий Уголовного Кодекса РСФСР (По состоянию на май 1964.) / Отв. ред. Б. С. Никифоров. Изд. 2-е. М.., 1964.

48. Никифоров Б. С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. 1971. №3.

49. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М., 2001.

50. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.

51. Обуховский К. Психология влечений человека / Пер. с польского В. И. Могилева. Под ред. и с послесловием Б. М. Сегала. М., 1972.

52. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000.

53. Панкратов В. В. Преступность несовершеннолетних: изучение и профилактика.- В сб.: Вопросы борьбы с преступностью: (Сб. ст.) Вып. 38. М.1983.

54. Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982.

55. Питецкий В. В. Соотношение физического насилия с преступлениями против личности. - В сб.: Современное состояние преступности и реформа уголовного законодательства: Межвуз. сб. науч. тр. М., Тюмень, 1994.

56. Правонарушения несовершеннолетних и их предупреждение / Захаров Н. С., Лысов М. Д., Волков Б. С. и др.; Науч. ред. Б. С. Волков, М. Д. Лысов. Казань, 1983.

57. Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. Мн., 1969.

58. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения: Учебное пособие. М., 1970.

59. Примаченок А. А. Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. Мн., 1980.

60. Примаченок А. А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Мн., 1990.

61. Программа воспитания у школьников сопротивления к приему наркотиков. - В сб.: Борьба с преступностью за рубежом (По материалам зарубежной печати). Ежемесячный информационный бюллетень. М., 1997. Вып. 5.

62. Протченко Б. О применении ст. 210 УК РСФСР в судебной практике // Советская юстиция. 1985. №1.

63. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002.

64. Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и профилактики. Ставрополь, 2000.

65. Пудовочкин Ю., Чечель Г. Квалификация случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную группу //Российская юстиция. 2000. №12.

66. Рубашева А. М. Особые суды для малолетних и система борьбы с детской преступностью. Т.1. Америка, Англия, Германия и Австрия. М., 1912.

67. Савченко Е. А. О готовности старшеклассников противостоять аморальным проявлениям // Вопросы психологии. 1997. №3.

68. Святохин П., Жгутов В. К понятиям о повторности и неоднократности преступлений // Советская юстиция. 1971. №21.

69. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002.

70. Смитиенко В. Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР. Киев, 1989.

71. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция в ИГП РАН) // Государство и право. 1994. №6.

72. Соколов Э. В., Дукович Б. Н. Семья как источник воспитательных воздействий. - В сб.: Семья как объект философского и социального исследования. Сб. ст. Л., 1974.

73. Социально-правовые проблемы борьбы с пьянство и алкоголизмом (Круглый стол Советского государства и права) // Советское государство и право. 1980. №12.

74. Сперанский К. К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов-на-Дону, 1991.

75. Сперанский К. Понятие вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность // Советская юстиция. 1989. №13.

76. Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977.

77. Тер-Акопов А. А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. 1993. №4.

78. Ткачевский Ю. М. Уголовно-правовые меры борьбы с пьянством и алкоголизмом. М., 1973.

79. Ткаченко В. И. Насилие, не опасное для жизни и здоровья, как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. №12.

80. Ткаченко В. Квалификация повторных преступлений // Советская юстиция. 1987. №2.

81. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления по советскому уголовному праву. М., 1957.

82. Трофимов Н. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность // Советская юстиция. 1968. №14.

83. Трофимов Н. Содержание умысла лица, вовлекающего несовершеннолетних в преступную деятельность // Советская юстиция. 1970. №16.

84. Уголовная ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества. Комментарий к новым кодексам // Советская юстиция. 1961. №5.

85. Уголовный Кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л. Л. Кругликова и Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994.

86. Улицкий С. Уголовно-правовые меры борьбы против пьянства и алкоголизма // Советская юстиция. 1973. №20.

87. Устименко В. В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989.

88. Харчев А. Г. Социология воспитания (о некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности). М., 1990.

89. Хоршак Е. Роль взрослых в совместной преступной деятельности с несовершеннолетними // Советская юстиция. 1967. №23.

90. Чернов В. К определению понятия продолжаемого преступления // Советская юстиция. 1971. №23.

91. Чечель Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. Саратов, 1978.

92. Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. Нальчик, 1991.

93. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.

94. Юричка Ю. И. Диагностика и социализация личности несовершеннолетнего правонарушителя. Бирск, 1994.

95. Якушин В. А. Значение мотива и цели для субъективного влияния // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер.11, Право. 1995. №6.

96. Яценко С. С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, 1976.

б) Авторефераты диссертационных исследований:

1. Ахмедова С. Ш. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Уголовно-правовые и криминологические аспекты: (12.00.08 - уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

2. Бусурин С. В. Криминологические проблемы правовой социализации несовершеннолетних: (12.00.08 - уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1995.

3. Дмитриевский Р. С. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (криминологический аспект): (12.00.08 - уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1995.

4. Кудлай Т. П. Теоретические основы развития системы предупреждения социальных отклонений несовершеннолетних (криминологический и организационно-правовой аспекты): (12.00.08 - уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право). Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1991.

5. Кусниденов К. К. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в пьянство: (12.00.08 - уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право). Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1978.

6. Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: (12.00.08 - уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право). Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 1999.

7. Семернева Е. С. Правовые меры предупреждения токсикоманий: (12.00.08 - уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991.

8. Туктарова И. Н. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних: (12.00.08 - уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

9. Ускова Ю. В. Уголовно-правовая охрана семьи: (12.00.08 - уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право). Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.